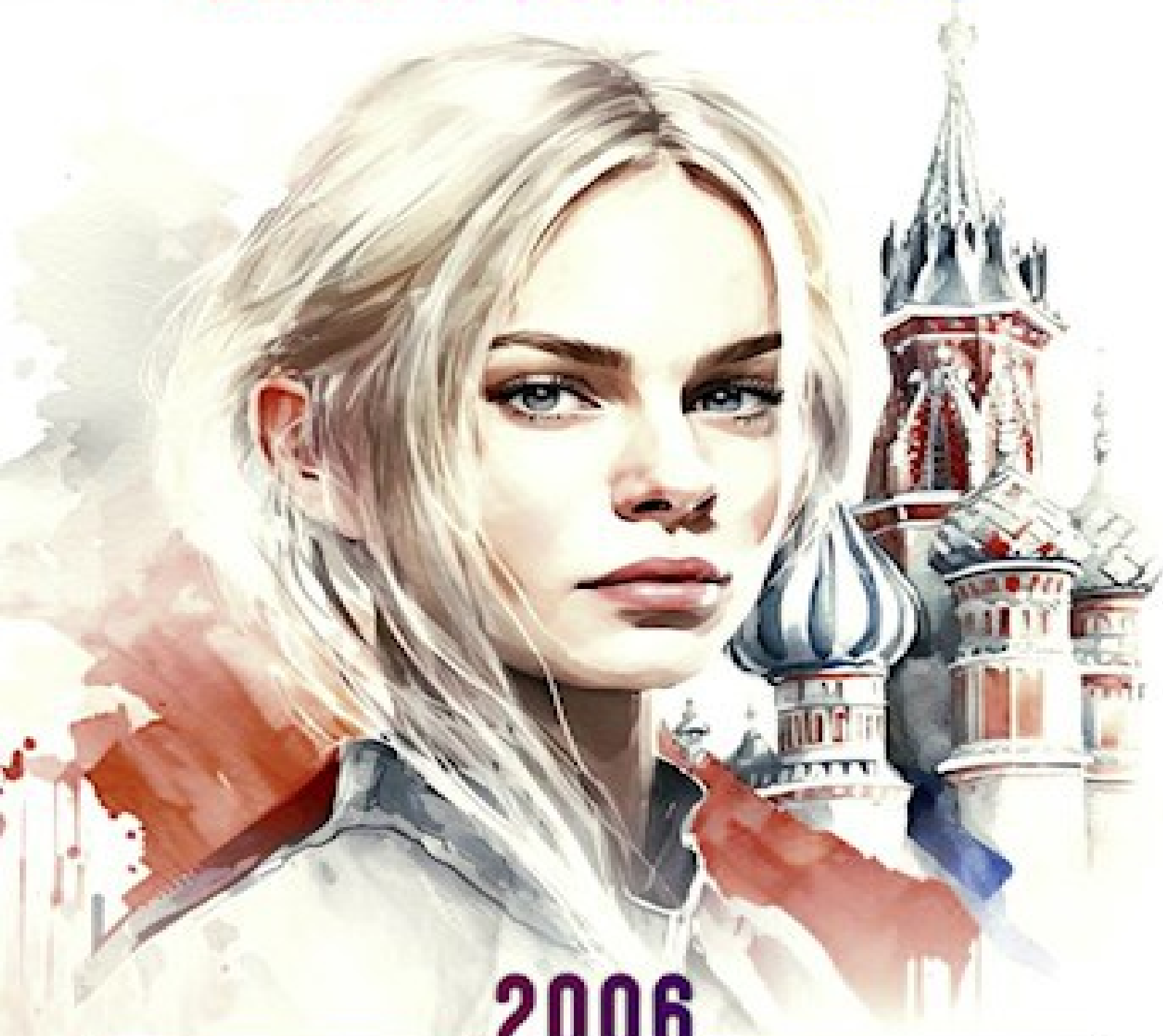

ВАЛЕРА КОРНОСЕНКО

2006

ЭКСТРАСЕНС

НАЗАД В ПРОШЛОЕ

2030 год. Они так и не договорились. После череды ядерных взрывов по всему земному шару, человечество на грани вымирания. Этот мир уже не спасти...

Похоронив всех родных, я умираю сама...

...(звуки древнего модема)...

Установлено обновление... Доступна новая версия. Хотите пройти уровень заново?

Россия. 2006 год. Без гаджетов, без ТикТока, без войны. Годно.

Новое тело. Новая цель. Даже... магия? Только память и злость никуда не делись.

Вот возьму этот радужный шаткий мирок за... орбиту и не дам сойти с верного пути!

А будете мешать — расскажу вам сказочку о прекрасном далеко. Усаживайтесь поудобнее, господа. Опора вам понадобится.

Россия, встречай. Я иду творить новую историю.

17 октября, 2030 год.

Когда-то давно, в прошлой жизни, мы с семьей отдыхали в Таиланде. Я вообще любила воду. И много где довелось побывать, но *Океан* поразил меня в самое сердце.

Во время отлива *Он*, коварный, стягивая в бездну щупальца своих волн, словно в насмешку, оставлял в несовершенствах ландшафта небольшие лужицы. В них до следующей «воды» задыхаясь копошились мелкие морские гады. А потом, с приливом, благосклонно даровал малявкам поток свободы. Чтобы знали, кто хозяин их жизни. Чтобы измываться вновь и вновь, не давая послабления ни на один день. Словно говоря: «Не зевай! Смерть всегда наготове!», ухмыляется и дышит в затылок.

Здесь и сейчас смертью было не напугать никого. Скорее она казалась желанной посетительницей, махом избавляющей от окружающего кошмара.

Боль. Она, как океан, накатывала волнами и также угасала.

Некогда VIP-палата престижного онкологического центра, рассчитанная на двоих, сейчас вмещала восемь стоящих вплотную коек. Спертый, наполненный больничными «ароматами» воздух перемешивался с тихими разговорами и слабыми стонами. Каждая лежащая здесь знала правду и старалась гнать от себя паршивые мысли.

Чудом уцелевший телевизор казался инородным островком счастливой жизни, вещая приторно бодрым и оптимистичным голосом ведущего. Шел очередной повтор затертой до дыр передачи «Битва экстрасенсов».

— Галь, ты ближе всех лежишь. Переключи, а? Меня от этого рыжего прям воротит. Я все реплики уже наизусть выучила, — в сердцах всплеснула руками сухонькая женщина на койке у окна.

— Не надо! На «Первом» «Давай поженимся» идет или Малахов этот тошнотный. И тоже повторы.

— Пусть битва лучше. Сейчас это испытание закончится, и Пореченкова покажут. Он такой милашка. Ми-ми-ми, — интенсивно захлопала ресницами полноватая тетка у стены и хрипло загоготала.

Я улыбнулась и взглянула на телевизор. Интересно, когда уже совсем отключат трансляцию? После обстрела «Останкино» осталось всего два канала. Без понятия, кто их и откуда вещает. Правда, и те лишь гоняют на повторе увеселительные бредни прошлого, но хоть что-то.

Сотовой связи тоже нет, как и интернета. Столько всего произошло за последние несколько лет! Той мирной жизни детально уже и не вспомнить. А вспомнишь — не поверишь, обрывки позитивных эмоций воспринимаются словно плод воспаленного воображения.

В палату зашла медсестра и, отыскав меня взглядом, непривычно громко сказала:

— Петрова к врачу в седьмой кабинет. Филимонова следом.

В коридоре холоднее, чем в палате, и одновременно душно. Запах хлорки и грязных тел. Вентиляция тоже приказала долго жить. Хотя на фоне отсутствия отопления, может, оно и к лучшему. Надышат — не окочурятся от холода.

Коридор забит людьми. Лежащие на каталках, ютящиеся на лавках вдоль стен. Некоторые ждут по неделе освобождение койко-места. Я сейчас в онкодиспансере, одном из

немногих уцелевших в этой части города.

Чинуши — твари. Где сейчас ваши яхты и виллы? Надеюсь, они не спасли ваши обвислые, бюрократические задницы. Неужели нельзя было больниц построить? Ведь уже в середине 20-х было очевидно, что к этому все идет.

Смотреть на безнадегу тяжело, хотя уже даже привычно. Бессильная злость и стыд, словно это я допустила подобное. Жаль. Если и могла помочь, но не теперь. Сил больше нет.

Едва стукнув в знакомую дверь, проскальзываю в нужный кабинет.

— Здравствуйте, Игорь Васильевич. Звали?

Главврач, казалось бы, молодой мужчина, лет тридцати пяти-сорока. Но стоит посмотреть в его глаза и становится жутко. Вечная бездонная мерзлота. На осунувшемся бледном лице с недельной щетиной, пожалуй, только глаза и остались.

Когда он спал в последний раз? И, кажется, я знаю, что он мне сейчас скажет. В который раз он будет озвучивать этот приговор? Сейчас радостных «вы здоровы» и не бывает.

— Сколько?

Громко вздыхает, словно отмирая и пряча глаза в бумагах.

— Уже третий месяц заказанные медикаменты к нам не поступают. Я пытался поменять вам курс лечения, Галина, исходя из имеющихся средств, но, боюсь, порадовать мне вас нечем.

Протянула руку через стол и сжала его ладонь. Он сперва дернулся, но усилием расслабил руку. Его кисть под моими пальцами опалает жаром. Я и не чувствовала до этого, что так замерзла.

— Игорь, не надо... Сколько?

— Извините, — опускает голову, теребит в руках колпачок ручки. — Без блокиратора раковых клеток и диализа... пара недель.

Рвано выдохнув, поднял на меня глаза.

— Вы же эвакуированные. У вас никого нет? Я попробую договориться с хосписом. Хотя... там тоже битком.

— Не нужно. В общежитии у меня есть соседка. Нас вместе эвакуировали. Она поможет, обещала. Лучше дома умру. А на мое место положите того, кому еще реально хоть чем-то помочь. Вы и так меня столько держали.

— Галина... я что-нибудь... придумаю, — голос его осип.

Мужчина опустил голову.

Что тут скажешь? Пытаюсь сглотнуть вмиг пересохшим горлом.

— Спасибо. Не принимайте близко к сердцу. Вы делаете гораздо больше, чем должны и в принципе возможно. Я наверное прямо сейчас соберусь и пойду. Завтра заморозки обещают. А у меня вещи легкие. Ложилась-то я к вам еще летом. Выписку потом заберу.

Обернулась уже у выхода:

— А что с обезболивающими?

Врач лишь мотнул головой и подвинул к себе кипу бумаг.

Понятно.

Оттого, насколько мне ВСЕ понятно, дико и душно. Как же все докатилось вот до этого?

Скорее бы на улицу. Как-то резко и стены стали давить, и спертый воздух с трудом протискиваться в легкие.

На сбор своих нехитрых пожитков, поиск старшей медсестры, прощание и выход на

улицу ушло аж два часа. Все же я здесь проработала, считай, три года. Сразу после эвакуации и пришла. Как бы не этот блат, никто бы меня так долго вытягивать не стал.

Вечерело. Уже и пожалела, что собралась на ночь глядя в такой теперь для меня далекий и сложный путь. Хотя что мне терять? День. Ночь. Какая разница? Интересно, найдется в общаге для меня угол? Вряд ли отведенная мне постель три месяца простаивала, дожидаясь мою тощую задницу из больницы.

Трусливые мысли о легкой смерти старалась гнать. Глубже вдыхала запах прелой листвы, ловила поздние лучики заходящего солнца. С судьбой нет смысла спорить. Что уготовано, то и надо принимать. И радоваться тому что есть сегодня и сейчас, потом может не остаться и этого малого.

Порывы ветра к вечеру усилились. Циклон гонит. Тучи вон какие тяжелые.

Народа-то откуда сколько на улице? Наверное, дневная рабочая смена закончена. И мусора много. Совсем городские службы на все рукой махнули.

Вон и автобусная остановка. Да, детка, я мчу к тебе на всех парах. На метро, конечно, было бы быстрее, но, увы, меня на такой подвиг вряд ли хватит. В метро из-за частых терактов досмотр и контроль такой, что очереди тянутся по полкилометра. На такси тоже денег нет. Да и где сейчас искать такси? Связь-то не работает.

Неожиданно воздух резко разрывает протяжная тревожная сирена. Людская толпа, казалось, разрозненная и безликая, тут же сплотилась в единое море. Волна из человеческих тел подхватила женщину и понесла по направлению к подземному переходу. Только там, как и в подвалах ближайших домов, давно уже расчищенных и готовых принять прячущихся от бомбежки, можно укрыться от осколков. От прямого удара, конечно, не уберезет, а вот от шального куска стекла вполне.

Женщина цеплялась обессилившими пальцами за облепивших ее людей. Несмотря на разрастающуюся боль и сбившееся дыхание, старалась максимально быстро перебирать ногами. Хотя временами, казалось, она и вовсе не касалась асфальта. Столь плотно ее сжимало.

Вот уже и заветный спуск.

В какой момент что-то пошло не так, она не поняла. Подломившаяся нога, и тот малый клочок неба, который подмигивал время от времени, когда толпа давала чуть вздохнуть, померк. Замельтешили чьи-то руки, ноги, тупой удар... и пришла темнота.

Люди бежали, толкались, падали. Одни истошно кричали, другие зло и отчаянно матерились, расталкивая других. С улицы доносились все новые взрывы снарядов, словно проталкивающие с разных входов подземного перехода жирных гусениц безликой паникующей толпы, давя и сминая друг о друга их головы и обрубая хвосты.

Женщина, откатившаяся при падении в темный вонючий угол, могла лишь отчужденно наблюдать за происходящим, пока из нее капля за каплей утекала жизнь. Она тянула худую бледную руку, сухие потрескавшиеся губы выдавали лишь шепот последней молитвы, который тонул в гвалте окружающего безумия.

— Почему все так глупо и бессмысленно? Столько загубленных жизней. Столько разрушенных судеб. Забери, Господи, скорее мою бесполезную жизнь, отдай тому, кто распорядится ею с пользой. Этому миру уже не помочь.

Наконец картинка окончательно расплылась перед глазами, и смилостивившаяся темнота принесла долгожданный покой.

Глава 1

Белое, залитое светом помещение. Свет идет отовсюду. С потолка, пола и стен. Он искристо белый, насыщенный, как первый снег. словно нетронутый лист, девственную чистоту которого боишься нарушить своим неуверенным, неосторожным движением.

Есть внутреннее ощущение, что за тобой наблюдают и ждут первого мазка. Первого неуверенного шага. И страх. Боязнь ошибиться. Страх сковывает и вымораживает душу. Изнутри словно разрастаются колючие льдинки.

Рванный судорожный вздох разрывает тишину, и оторопь спадает. Осознаю, что все это время я не дышала и не двигалась.

Пелена спадает с глаз. Сквозь белоснежную ткань одеяния поднимаю тонкую руку. Ровные, нежные пальцы с аккуратными ногтями. Не мои. Миниатюрные босые ноги стоят на ровном, гладком полу. Начинаю чувствовать нарастающий, идущий от пола холод. Становится зябко и неудобно.

Поднимаю взгляд. Сияние перестает слепить. Белоснежный мраморный пол укрывает пушистое облако ворсистого ковра, на нем большой диван с россыпью подушек, тоже кажется мягким и уютным.

Но внимание приковывает другое. На диване лежит нечто большое и пушистое. Цвет его тоже белый. Вся эта картинка настолько сюрреалистичная, что затуманенное сознание даже не пытается анализировать происходящее. Инстинкт глубоко внутри кричит «моё», и появляется острое желание прикоснуться к этому меху, зарыться в него, ощутить наконец тепло.

Первый шаг выходит дерганым, неуверенным. словно я была лишена возможности двигаться долгое время.

А если упаду? Ну и что? Все ошибаются, делая первый шаг навстречу неизведанному.

Упав и коснувшись дна, ведь не обязательно там оставаться. Можно и нужно собрать все силы в кулак и оттолкнуться, чтобы начать новое движение вверх. К новым вершинам.

Со страхом мне точно не по пути. Настрадалась. Хватит.

В несколько несмелых движений я дохожу до дивана и тяну руку. Пальцы чуть подрагивают. Желание коснуться меха животного становится непреодолимым.

Замираю в нескольких сантиметрах. Мех словно перетекает, меняя форму, и в меня впиваются взглядом два ярко-голубых глаза.

Это же волчица! Огромная!

Сознание прокалывает новая игла страха.

— П-привет, — слова вырываются непроизвольно.

Рука, так и не ощутившая мягкости и тепла, с досадой сжимается в кулак.

— Здравствуй, Галина, — голос грудной, немного подрыкивающий, — садись, рассказывай.

Немного опешив, нерешительно присаживаюсь на край, но диван настолько мягкий, что я проваливаюсь в него, как в сугроб.

Ноги подлетают вверх, как на американских горках, так же и эмоции, страх улетает в космос, его заменяет детский восторг. Наверное, я окончательно отъезжаю, лежа в той подземке, раз вижу рядом улыбающуюся волчицу.

Молчание затягивается.

— Что ты там говорила про самопожертвование и пользу людям?

— Я?.. не знаю... всю жизнь я лечила людей. Лечила их тела, работая терапевтом. И потом, выучившись на психолога, лечила их души. Старалась помогать справляться с болью, вернуть радость жизни. Мне так казалось. А сейчас жизнь закончилась как-то быстро и бестолково, и кажется, что в итоге она была пустой и бесцельной... Сын и муж погибли на войне, родителей, облученных радиацией после ядерного взрыва, да что там, даже себя не уберегла...

— Считаешь, твоя жизнь прожита зря?

— Зря?.. — пробую слово на вкус, — Может я медлила, бездействовала, ведь чувствовала беду, а время утекало сквозь пальцы... Или все было самообманом? Или в принципе жизнь не имеет никакого смысла и все предрешено?

— Если вернешься назад, сможешь все исправить?

— Что? — я ошарашенно очнулась от горьких дум. — Каким образом? Я что, Иисус Христос, бороться с мировой политикой, прекращать войны и убирать последствия применения ядерного оружия? Ты о чем вообще?

— У тебя есть шанс все исправить. Ты от него отказываешься?

Мне становится смешно.

— Какой на хрен шанс? Что исправлять? Вернуться, чтобы заново пережить смерть и боль родных и близких? Ты прикалываешься? Я похожа на мазохистку?

Мой поток истеричных возражений разбивается о непробиваемое спокойствие волчицы. Я захлебываюсь горечью своей тирады.

Каким-то образом я читаю ее эмоции и вижу, что заданный ей вопрос серьезен. Никаких шуток.

— Как если бы ты могла. Тебе дан второй шанс. Согласие или отказ?

— Я... но что я...

— Да или нет?

В отчаянии сильно зажмуриваю глаза, перед которыми мелькают картинки. Мне видится собственная лысая голова и осунувшееся серое лицо после химиотерапии. Лица угасающих, еще совсем не старых родителей, которым я не могу ничем помочь. Ряды гробов с грузом 200, между которыми я каждый раз еле шагаю на ватных ногах, выискивая мужа и сына. Взрывы. Нескончаемые страх, стоны и плач, бесконечные ряды раненых, эвакуация...

Шумно сглатываю.

Все заново? Предотвратить это могу я? Что за бред?

Резко распахиваю глаза. Диван рядом пуст. Волчица пропала. Вскикиваю.

— Что? Не исчезай! Да! Да, я согласна! Пусть это бред. Пусть переживу заново весь этот ужас, но я воспользуюсь шансом!

Окружающее пространство подергивается дымкой и исчезает. Сознание гаснет.

Боль. Казалось бы, моя давняя знакомая, но как же она непредсказуемо коварна.

— Шо? Опять? — хотела сдохнуть, но тут же поморщилась.

Сознание плыло.

Знаете сколько у боли оттенков? Пятьдесят? Дважды ха-ха. Не сосчитать!

От затылка расходились пульсирующие толчки. Хорошо меня приложило... Усилим удерживаю себя в сознании. Тошно. Понимание ситуации доходит кусками.

Вокруг темнота. Сжимаю кулак, сграбастав какую-то ткань, лежу я на чем-то мягком.

Такая вонища... ничего не понимаю.

Шорох, пытение и металлический стук ремня заставили разлепить тяжелые веки.

Глаза начали привыкать к темноте. На мне возится мужик.

Охренеть! Тут люди мрут, а у него зачесалось. Хочу возмутиться: «Алле, дядя! Дай хоть сдохнуть спокойно!» — но вместо моего привычного голоса изо рта вырывается лишь хрип.

Мужик поднимает взгляд и тянет руку закрыть мне рот. Его грубые вонючие пальцы скользят по лицу. А меня такая злость подрывает.

Откуда только силы взялись? Кусаю его. Толкаю руками и ногами, отчего не ожидавший такого сопротивления бомжара с гулким стуком скатывается вбок и падает на пол.

Я, оказывается, на кровати. Когда меня сюда притащили? Где я? Что за урод покусился на старую больную бабушку?

Пока мужик возится на полу, запутавшись в собственных спущенных штанах, панически шарю руками вокруг.

Рядом с кроватью на тумбочке стоят тяжелые стеклянные совдеповские часы «Маяк». Забавно. У бабули когда-то такие же были.

Ни минуты не сомневаясь, хватаю увесистую бандуру и заезжаю насильнику по голове.

Мужик теряет равновесие, но, увы, удар прошел вскользь — темный силуэт поднимается в проеме окна.

— Сука. Зубы выбью, — рычит он.

Видно, что он бухой. Шатается. Да и в спущенных штанах разобраться не может.

Вскакиваю и толкаю что есть мочи. Не удержавшись на ногах, тот делает шаг назад, обо что-то спотыкается и... вываливается в раскрытое окно...

— Куда? — я сперва даже растерялась, потеряв его из виду. — Мамочки... Я... убила человека? — проблеяла я еле слышно.

Желудок выкручивает когтистая лапа ужаса. В голове туман. Голова раскалывается.

Нужно скорее бежать отсюда. Резко дергаю головой в попытке оглядеться, но сознание ведет, и я падаю в обморок.

Реальность обрушилась неожиданно. В нос бьет резкий запах. Волнами накатывает тошнота. Пытаюсь отмахнуться. Руки ватные. Пробую открыть веки, но перед глазами расплывается белое пятно. Сквозь шум в ушах доносится непонятный гомон.

Медленно, но картинка проясняется. Жмурюсь.

Предо мной врач в белом халате и маске. За его плечом тучная громогласная женщина лепечет без остановки. Сознание мутное, до мозга доходят лишь обрывки фраз.

— Хорошая девочка... не просыхал... бил постоянно... сами посмотрите... через день в подъезде сидела... подкармливали... проходной двор... кто угодно мог быть... изнасиловали?.. Не она это... здесь сегодня человек пять минимум было...

Дослушать и осознать не дает спасительная темнота.

Глава 2

Просьпаюсь в мягкой постели. Легкий запах хлорки щекочет ноздри. Как же хорошо. Странно, но ничего не болит. Так хочется сладко потянуться. Ага, ща-аз! Нашли наивную дуру. Я знаю, насколько обманчиво это ощущение, стоит лишь пошевелиться...

Аккуратно открываю глаза. В окно бьет солнечный свет. Приподнимаю голову. Ничего не болит.

Где я вообще? Палата просторная и чистая. Куча аппаратуры. Раздается ритмичный звук автоматического манометра, ненавязчивый шум приборов. Слева монитор с сердцебиением.

Реанимация, что ли? Рядом еще две койки. На одной кто-то спит. Вторая пуста. Впереди стоит стол. За ним тоже никого.

От моей левой руки идет капельница.

Рука? Приподнимаю выше. Гладкая светлая кожа. Даже на вид она... молодая? Ручка тоненькая... явно не моя.

Вскидываю обе кисти ближе к глазам. Ногти розовые. Ладонки маленькие. Да и зрение отменное!

Я что, ребенок?

Твою мать! Что со мной случилось? Резко кручу головой.

Рядом в специальном кармашке воткнут планшет с бумагами

Дотягиваюсь, чуть не сверзившись с кровати. Жадно пробегаюсь по печатному тексту.

ФИО: Анна Владимировна Котова

Год рождения: 09.11.1988

Дата поступления: 02.10.2006

Причина госпитализации: пациент без сознания, травма головы, подозрение на сотрясение мозга. Многочисленные синяки. Вывих левой руки...

Осознать информацию и дочитать до конца не успеваю. Слышу шаги. В палату входит молодая медсестра, увидев меня полусидящей, улыбается.

— Очнулась, красотка? Двое суток здесь загорала. Отсыпалась, что ли?

Настроение у медсестрички задорное. Давно я не видела так беззаботно веселящихся людей в белых халатах.

— Скажу Ивану Анатольевичу, пусть в палату переводит. Следователь твой одолел уже. Пообщаться ему с тобой, видите ли, нужно срочно! Ты как себя чувствуешь, кстати?

— Нормально, — хрипло каркаю пересохшими губами.

— Ох, прости, сейчас воды дам попить.

Медсестра суетится. А у меня перед глазами стоят цифры: октябрь 2006-го. Нет войны. Нет взрывов. Даже кризисов еще не было. Я какая-то Анна. Или, может, планшетка не моя, а соседки?

Снова скашиваю взгляд на свое тело. Оно худощавое, но явно молодое. И однозначно не мое. Свои-то пальцы я всегда узнаю.

Меж тем в палате появляются медбрат и врач. Молодые, довольные.

А мне не до улыбок. Я вообще не понимаю, что происходит!

Они переговариваются. Врач подходит ко мне, улыбается, и ведь вполне искренне. Щупает пульс, светит фонариком в глаза.

Сажу как замороженная. Слежу за происходящим, пытаюсь совладать с истерящим

сознанием.

Ведь 2006 — это значит, что мои мальчишки живы... Миша, Паша... Бог мой.

Слезы сами собой начинают течь. Как же страшно потерять эту робкую надежду. Может, это вообще другой мир и их здесь нет?

— Аннушка, ну что такое? Что за сырость? Все хорошо. Вы практически здоровы. Реакции отличные. Бог миловал. Ну-ну. Ирина, капни валерьяночки. Следователя отправляй на завтра. Нечего мне тут Анну Владимировну нервировать. Да, Аннушка? Выпей капельки. Давай, давай, девочка. Сейчас отпустит. Все устаканится.

Перевожу взгляд на врача. О чем он вообще? Ох, ты ж черт... Бомж-насильник. Я же его в полет отправила! Неужели мне дали второй шанс, а я его в тюрьме проведу? Бросаю взгляд на окна: решеток нет. Обычная больница. Спросить его? Да он вряд ли в курсе.

— Не надо, — такой голос непривычно высокий, аж сама пугаюсь. Чуть тише добавляю: — Я хочу со следователем сейчас поговорить. Не помню практически ничего. Хочу знать...

Врач внимательно на меня смотрит и после недолгой паузы кивает.

— Ирина, скажи этому товарищу, вечером пусть приходит. Сеня, Анну Владимировну в пятую палату. Супчик пусть принесут и сладкий чай.

Суэта продолжается. Меня переключают на каталку и везут на лифте. Коридоры пустые и чистые. Ни одного больного. Для меня это настолько дико. Легкие больничные запахи. Из палат доносятся тихие разговоры и смех. Действительно параллельная реальность.

В палате меня устраивают на ближней к двери койке. Три остальных расправлены, лежат личные вещи, но никого нет.

Медбрат понимает по своему мой растерянный взгляд и поясняет:

— На обеде, — и уходит.

Валерьянка, похоже, подействовала. Такое оупение накатило. Я в новом теле. Мне дан второй шанс. Даже если посадят, ну, максимум лет пять дадут: первое преступление, да и по амнистии, может, удастся выйти.

Память, словно замерзший, зарытый в сугроб дворовый пес, медленно выбирается, оттряхивая с шерсти налипший снег. Трясет лапами. Но, чтобы отогреться и прийти в себя, ему нужно время.

Заторможенный мозг пытается вспомнить что-то о тюрьме 2006 года. Пфф... да курорт по-любому. Сон, еда, прогулки, здоровые собеседники... Становится смешно, что в голову лезут картинки детского сада, но никак не тюрьмы.

Поток мыслей прерывают ввалившиеся из коридора смеющиеся женщины в халатах. Они несут в руках кружки, накрытые булочками. Вместе с ними в палату wpłyвает запах дома. Такой далекий и забытый.

Сижу, смотрю на них и по щекам катятся слезы.

Улыбка на лице первой вошедшей меняется на обеспокоенное выражение, она подходит ко мне, ставит кружку на тумбочку и начинает причитать:

— Ну что ты, милая? Все хорошо. Хочешь компотик мой? Бледненькая какая. Тебя с операции привезли? Можно тебе пить?

Она так заботливо лопочет.

А у меня с души отваливаются куски льда. Эта женщина такая нормальная: не очень умелый макияж, крашенные в рыжий цвет волосы, халат этот в подсолнухах, солнце, бьющее в окна за ее спиной.

И никаких лысых, облученных больных, никаких сирен, никакого запаха смерти.

Неужели пройдет двадцать лет, и она умрет, как и все, здесь присутствующие? Как такая мирная, размеренная жизнь могла превратиться в гребаный конец света?

Мотаю головой. Стараюсь гнать эти страшные мысли. Нельзя так думать. Впереди целых двадцать лет! Целая жизнь. Я справлюсь. Волчица сказала, я смогу все исправить. Значит, так и будет!

Пытаюсь натянуть улыбку. Кажется, я разучилась это делать, ведь тетка смотрит на меня с подозрением, и, видимо, уже сама не рада, что приблизилась.

Беру стакан у второй, пью компот. Вкусовые рецепторы просто взрываются! Давно забытый вкус божественен. Компот из настоящих сухофруктов! Желудок жалобно урчит. Вдруг понимаю, что жутко голодная!

Тетка, сидящая на моей кровати, качает головой. Становится стыдно, опускаю глаза, возвращая стакан.

В палату входит медсестра Ирина с подносом:

— Что за столпотворение? У нашей Анны сотряс, ей положен покой. Давайте, девчат, тише. Не теребите ее. Пусть очухается.

Она подкатывает тумбочку поближе ко мне, придвигает дымящуюся тарелку супа. Нервно сглатываю и с невероятным усилием сдерживаю себя, чтобы не накинуться на еду. Голод просто лютый.

Оскаливаюсь своей фирменной улыбкой каннибала и благодарю за заботу.

Нас в больнице кормили, конечно, но в большинстве своем это были пустые овощные супы и каши на воде. Диета там специфическая, да и не до жиру было в последний год с перебоями поставок.

Эта же уха мне кажется божественной. Каждая ложка супа обволакивает рот, вкусовые рецепторы взрываются миллионами оттенков вкуса. А ведь в том, 2006, я уху терпеть не могла, а компот из сухофруктов тем более. Даже запах. Вот же идиотка.

Не ценим мы, что имеем! Да и потерявши, вместо того, чтобы признаться себе уже, заикливаемся на своей потере и страданиях, начинаем обесценивать в принципе все хорошее, что нас окружает. Человек — самая неблагодарная скотина. Всегда ему все не так.

Тарелка опустела, и мне стоит реальных усилий не начать вылизывать посуду, а голод ведь не унялся, от слова совсем.

За дополнительную тарелку больничного супа я сейчас готова будущее всего человечества продать. Мда... лажанула где-то Волчица. Не того она спасателя выбрала. Маленькими глотками цежу компот, стараясь растянуть на подольше.

Женщины начинают укладываться на тихий час. Постепенно пищевой алкоголь делает свое дело, и ослабленный организм поддается сну.

Будит меня медсестра:

— Аня, там следователь пришел, ты мне скажи телефон родных, а то у тебя даже халата нет. Надели тебе ночнушку операционную. У нее разрез сзади да две завязки. Ты же не сможешь так ходить.

В ответ могу лишь глазами хлопать и судорожно соображать:

— У меня никого нет.

Медсестра долгую минуту смотрит на меня, поджимая губы, и выходит из палаты.

Скоро она возвращается с чьими-то резиновыми тапочками и байковым халатом

изумрудно-бордовой вырвиглазной расцветки.

— Это сестринский, зимой накидываем, когда между корпусами ходим. Возьми пока. Давай помогу. Следователь уже второй день пороги обивает, сует свой длинный нос. Злой как черт. Его Иваныч сегодня так отшил. Надеюсь, на тебе не сорвется. — Она наклоняется к моему уху и понижает голос: — Неприятный мужик какой-то. Склизкий. Осторожнее с ним.

Прекрасно. Предвкушаю.

Когда я уже пытаюсь завернуть в бездонный халат свое тщедушное тельце, на пороге появляется мужчина неопределенного возраста. Блестящую лысину прикрывают длинные редкие пряди, зачесанные с одной стороны на другую. Тонкая шея с торчащим кадыком смотрится в свободном вороте рубашки как одинокая ручка в подстаканнике. Да и в целом полицейская форма сидит на нем как-то нелепо, словно с чужого плеча.

Права медсестра, не внушает этот кадр доверия.

Следователь окидывает цепким колючим взглядом палату и обращается ко мне:

— Добрый вечер. Давайте выйдем в коридор, переговорим.

Киваю и, стараясь не шаркать тапочками на несколько размеров больше, следую за ним.

— Выпкин Виталий Борисович. Веду ваше дело. Мне нужно, чтобы вы ответили на несколько вопросов.

— А как вы это будете оформлять? Как допрос? — Язык мой — враг мой! Молчи, Галя! Целее будешь.

Мужик с моими мыслями согласен, зыркает исподлобья так, хоть города этим лазерным взглядом испепеляй.

— Пока просто беседа. Опустим формальности. Ваш лечащий врач запретил с вами общаться дольше пятнадцати минут. Расскажите, что вы помните о событиях второго октября?

— Эмм... — а могла бы уже что-то дельное придумать, а не дрыхнуть как сурок, — я ведь головой ударилась? — отчего-то интонация у меня получается жалостливая и вопросительная.

— Расскажите, что помните.

— Я и говорю, только вечер урывками. Отец привел друзей-собутыльников. Они пили. Я спряталась в своей комнате и уснула. А проснулась уже от яркого света, когда меня врач в сознание приводил. Больше ничего не помню. Как голову пробили тоже.

— Я вынужден сообщить вам печальную новость. Ваш отец выпал из окна и скончался на месте. Несмотря на то, что этаж всего третий, он получил травмы не совместимые с жизнью. По рисунку полученных травм есть подозрение, что он не сам выпал, а ему помогли. Идет расследование. И я был бы вам очень признателен, если бы вы перечислили всех гостей.

— А... я не выходила, не видела, — стараюсь потупить взор и сделать максимально печальное лицо, — что теперь будет со мной?

— Так как вы несовершеннолетняя, вас определяют в детский дом, а квартира отойдет государству.

Мои глаза начинают вылезать из орбит, аж дыхание перехватывает от такой вопиющей несправедливости! Даже про грозящий срок забыла!

— Но... но... — усердно вспоминаю цифры из планшета и пытаюсь вычислить свой возраст, — мне же через месяц восемнадцать!

— Если ваше нахождение в больнице и ведение дела затянутся, вероятно,

обстоятельства сложатся иначе. Сейчас только так. У вас есть ближайшие родственники, кто мог бы оформить над вами опеку?

После недолгих колебаний на всякий случай отрицательно качаю головой. Ведь у меня замечательная травма не совместимая с кристальной памятью. Выкручусь. Интересно, а в каком, собственно говоря, мы находимся городе? И уж не нацелился ли этот товарищ на мою, да-да, теперь уже мою, квартиру? Не попутал ли ты, дядя, берега?

Наблюдаю за его реакциями исподлобья.

Мужик резким движением поправляет редкие волосы, он явно раздражен. Интересно чем.

— А на кого оформлена квартира? — стараюсь добавить робости в голос.

— Выходит, что на вас. Точнее, на вашу покойную бабушку, которая умерла, о совпадение, полгода назад. И через месяц вы должны вступить в права наследства. Прямо вокруг вашего восемнадцатилетия какая-то магия и куча смертей крутится. Не находите?

Ох и мерзкий же ты тип. Так и хочется послать по матушке.

Вслух же не удержалась, осадила:

— Вы все же о моих родных говорите. Можно как-то повежливее?

— Извините, — как будто даже стушевался мент, ага, считай, поверила.

Из палат начинают выходить женщины разной степени халатности и кружечности. Время ужина. И только я вспоминаю о еде, как мой троглодитский друг-желудок оповещает об этом всю округу голодной трелью.

Следователь бросает на меня выразительный взгляд. Готова спорить, на миг там даже проскальзывает жалость.

— Ну хорошо, идите ужинайте. Утром у вас оздоровительные процедуры. А в обед я снова приду. У меня к вам будут еще вопросы. И я вас очень прошу, если что-то вспомните, обязательно мне сообщите, — он протянул мне клочок бумаги в клетку с городским номером телефона.

Пришло осознание, что и сотовые-то только недавно пошли в массовую продажу. И в большинстве своем они еще кнопочные, а о мессенджерах и скоростном интернете и слыхом не слыхивали.

Хотя, как показала практика, эти самые интернеты в пик горячей опасности первыми и отрубались. А люди, привыкшие во всем полагаться на гаджеты, сильно от этого пострадали. Зачем носить часы, уметь ориентироваться по карте, учить иностранные языки, складывать в уме элементарные числа, развивать память, читать книги, запоминая новое, когда всегда под рукой есть гаджет, думающий за тебя, читающий тебе сказки на ночь и выручающих в любой ситуации? Правильно. Проще деградировать и наслаждаться этим процессом.

Не допущу повторения этого. Пусть у наших детей будет мирное небо над головой. Сейчас нужно думать о другом. Собрать максимально информацию и сохранить квартиру.

Утром приходят девчата. Не знаю, что умилило меня больше: их внимание или заботливо принесенные вареные пельмени в литровой банке.

Сонечка и Маргарита.

Соня — серьезная, пухленькая отличница с косою толщиной в кулак. И с жуткими очками на милом курносом носе. Срочно это недоразумение нечаянно разбить и презентовать новые очки, а еще лучше — линзы! Не порядок.

Рита — полная ее противоположность. Высокая и худая, я бы даже назвала ее худобу болезненной. Не удивлюсь, если то дань высокой моде. Одежда унисекс, как и короткий ежик волос на затылке, переходящий в крашенные сосульки в районе ушей. Станный выбор прически. Из девчачьего в Ритке разве что цвет волос, бледно-розовый, да шнурки в кедах космам в тон.

Продвинутая молодежь во все времена старшим поколением если и будет понята, то с притянутым за уши трудом. Мда уж, сойти за свою мне будет непросто... Придется в свободное время заняться вопросом воспитания чувства прекрасного у моих боевых подруг.

Девчата с порога кинулись наперебой вываливать на меня институтские новости. Выяснилось, что я учусь в педагогическом, на первом курсе. Соответственно, происходящее в стенах родной альма-матер, особенно на переменах, крайне важно для каждого сознательного студента. И таки да, мои заботливые подруги очень за меня переживали и в институт отнесли мой больничный в первый же день. Так что могу болеть сколько душе угодно.

Н-да, вот незадача, институт явно нужно менять. Учитель — это, конечно, достойное призвание, но с моими целями никак не перекликается.

Из мыслей о высоком меня вырвала Рита:

— Ань, ну ты с нами или где? Ты как вообще? — и придвинувшись ближе, распахнув свои прекрасные очи, в предвкушении добавила заговорщицким шепотом: — Ты знаешь, что там произошло?

Я замялась. Еще вчера ночью, пялясь в потолок, пришла к выводу, что ни одна живая душа не должна узнать о моей причастности к последнему полету Котова-старшего. Унес тайну с собой в могилу, и на том спасибо.

— Смотрите, какая у меня шишка на затылке, — для отвлечения внимания пожертвовала свою многострадальную голову на растерзание этим любопытным кумушкам, — я без сознания была. Вырубил кто-то. Даже не знаю, ограбили нас или нет. Вы не слышали?

— Тетя Света из тридцать пятой говорит, что она выглянула на крики и топот в подъезде. Это она тебя обнаружила и милицию вызвала. Говорит, ты вся в кровище была! Мы так испугались. И в сознание сколько не приходила. Мы приехали, нас не пускали!

— Спасибо, девчат. Да что мне будет? Заживет. Мне, знаете, скоро деньги большие понадобятся. Следователь приходил, сказал, что меня могут из квартиры выкинуть, как несовершеннолетнюю, и упечь в детский дом! — и носом шмыгнула в конце.

Я конечно нагнетала, лишение квартиры, которая и не моя-то вовсе, далеко не та страшилка, что может лишить меня покоя и сна. Хотя девочки прониклись и впечатлились игрой недобитого актера.

— Ужас! Как так-то? Кто?

Жму плечами, держу игнтригу.

— По деньгам у меня голяк, — Рита понурила голову, — еще кредит за гитару выплачиваю, ну, ты помнишь... Мать на меня зла после того случая с Ваней, сказала до конца учебного года ей не звонить. И денег подкинет, только если год без троек закончу, — Рита к концу речи совсем погрузнела.

Соня, собравшись с духом, как в омут с головой бросилась:

— Я на море летом копила, — и шепотом добавляет, — Двенадцать тысяч. Я тебе дам.

Да уж, целое состояние...

— Спасибо, моя хорошая, я тебе их обязательно верну, успеешь билеты купить, обещаю. Мне бы только восемнадцатилетия дожидаться в больнице. Может взятку кому дать придется. Стоит только выписаться — или суд, или выпнут из дома. Мент этот скользкий, прям чую его нездоровый интерес к моей квартире.

— Ань, а что на счет отца? Что с похоронами?

Папашу вот совсем не жаль. Не самая желанная смерть, но, походу, конченный был козлина. Туда ему и дорога. Без него однозначно проще, чем нянчиться.

— Он не успел с тобой ничего такого сделать? — И многозначительно скосила глаза вниз.

Ох, ты же божечки, детский сад.

— Нет. Меня никто не насиловал.

Если честно, понятия не имею, что пережило это тело. Да даже если и было. Вот уж далеко не самое страшное, что мне доводилось вытерпеть в прошлой жизни.

Какие же эти девулечки наивные. Хорошенькие, молоденькие, розовощекие. Глазки так и светятся, стреляя любопытством по сторонам. Все им интересно. Так бы и затискала!

Не дал мне бог дочери в прошлой жизни. Да и в этой будет не до детей. До последнего неизвестно, удастся ли хоть частично повлиять на течение истории. А вновь хоронить собственных детей — увольте.

Уходя, одногруппницы обещали навещать каждый день. Девчата принесли мне нормальную одежду, тетрадки. И я наконец-то смогла переодеться и комфортно себя почувствовать. Уютно устроившись на постели, погрузилась в анализ и планирование. Мне это всегда помогало.

Наутро в палату врывается женщина неопределённого возраста. В офисном дешевом костюме, который сидит на ней бесформенным мешком. Видать, схуднула здорово, а на новый денег не хватило. Серая нездоровая кожа лица, высокий начес баклажановых волос, жуткий макияж с бровями-ниточками и губами-бантиком с острыми изгибами.

И это «милое создание», лишь открыв рот, посылает в нашу палату такие децибелы негатива, что все присутствующие теряются.

— Ты Котова? Собирайся. Сейчас напишут тебе справку — поедешь со мной.

Я обескуражена.

— А вы кто вообще?

— Я из соцопеки. Давай, давай живо! — командовать эта дама явно привыкла. — Мало того что моих коллег не пропустили, еще я тут с тобой церемониться должна, — она хватает меня за руку и волочит в коридор. Благо завтрак недавно закончился, и я не успела раздеться.

Омг! Когда же закончится это паломничество? Тянет меня за предплечье с таким остервенением, словно я мешок с картошкой. Через весь коридор, мимо ординаторской. Неужели и на улицу так выпрет, вообще-то не лето!

Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Пытаюсь вырваться. Куда там! Медвежий капкан лишь крепче сжимает. Все же выкручиваю руку и начинаю ставить мерзкую тетку на место.

— Да кем вы себя возомнили вообще? Вы в курсе, что здесь везде камеры, и я на вас заявление напишу за домогательство к несовершеннолетней? Думаете, вам можно безнаказанно творить что угодно? Вы даже удостоверение не показали, уже ручки свои загребушие тянете. Вот проступят у меня синяки, сниму побои. Если не заметили, мы в больнице. А здесь люди болеют! У меня сотрясение мозга и постельный режим между прочим! — прооралась, и даже легче стало.

Тетка же багровее тучи. Стоит напротив, вся нахохлилась, кулачки сжимает, разве что только пар из ушей не валит.

На шум начали выглядывать любопытные выздоравливающие из палат. Да и медсестра с дежурного пункта, поняв, что пахнет жареным, сверкая пятками, умчалась на поиски завотделением.

К концу моей тирады к нам уже подходит мой лечащий врач, и с ним еще женщина, тоже, судя по виду, врач. Мне нравится их решительный настрой. Ведь их гнев направлен на взбалмошную тётку, а не на меня.

— Здравствуйте, что здесь происходит? Котова получила множественные травмы и сотрясение мозга. Ей категорически противопоказаны нервные потрясения. Будьте добры, представьтесь.

Тетка, поняв, что встряла, резко сбавляет тон и, надо же, вместо визгливого фальцета начинает выдавать невнятное заискивающее бляение, дескать, ее дезинформировали, пришло постановление изъять и доставить ребенка. Она лишь исполнитель.

Врач, развернув меня, подталкивает по направлению к палате.

— Давай, давай.

Эх, а мне так послушать хотелось, кому же я насолить-то успела.

Н-да уж, н-да. Нешуточный настрой по отжатию моей квартиры. Работает целая преступная группировка! Надо срочно что-то решать. Схемы, отлаженные годами, редко дают осечки. Вряд ли мое совершеннолетие решит проблему. Ведь и алкашей, и одиноких пенсионеров выселяют обманно-насильственным путем только так! А эти удила закусили, теперь не отцепятся.

Отсидеться в больнице, как я изначально планировала, вряд ли получится.

У меня и без этого всего головной боли хватает. Теперь же придется воевать на два фронта. Дарить этим сволочам лёгкую добычу — да ни за что!

И ведь как оперативно работают! Могут же, когда захотят.

Что же делать? Ни денег, ни связей. Мент — личность сомнительная. Непричастность его не доказана и вряд ли представится такая возможность.

От роя мыслей голова начинает гудеть нарастающей пульсирующей болью.

Взорвать моими проблемами мозг лечащему врачу? Такое себе. Спрятаться и отсидеться этот месяц? Где вероятность, что, вернувшись, я не поцелую новый замок уже не принадлежащей мне квартиры? Одни вопросы без ответов...

В палате женщины уже успокоились и смотрят телевизор. Даю им отмашку, что все нормально, и скручиваюсь калачиком на своей кровати.

Мысли вовсе не радужные. Ума не приложу что со всем этим делать. В какую сторону двигаться? Мои метания прерывают знакомые мотивы мелодии из телевизора и голос ведущего:

— Не пропустите! Впервые на телевидении мы приглашаем людей с паранормальными способностями со всей страны. Ведуны, целители, маги, экстрасенсы сойдутся на поле битвы. Полная конфиденциальность и таинственность. Самые сложные задания для проверки их магических способностей...

И меня осеняет! Вот оно! Я же помню эти битвы наизусть. В прошлой жизни за долгие месяцы нахождения в больнице битву экстрасенсов видела трижды! Да я, если напрягусь, столько деталей вспомню!

Медийность — это отличная защита от всяких уродов. Огласки и громких разбирательств боятся все. А мне всего-то и нужно — в телевизор попасть! Уж отбор-то я точно пройду. Что они там делали? Человека в закрытой машине искали? Легче легкого!

Как же мне это все разузнать? Реклама по телику давно закончилась. Может, там какие-то контакты сообщали? Да в интернете наверняка гуглится место проведения и сроки. Сейчас, в 2006, конечно, еще каменный век для интернета, но уже и не девяностые. Лишь бы успеть! Сейчас весна, съемки теоретически идут все лето, а потом отснятые серии крутят вплоть до Нового года.

Девочки мои должны мне помочь! Сонька точно ответственная. Да и Ритка — огонек. Им только правильно идею подай, и загорятся пуще меня.

Так и хочется подорваться с кровати и начать действовать! Хоть бы по коридору взад-вперед походить, да вдруг там еще эта женщина трется. Нафиг, нафиг.

Время в больнице тянется катастрофически медленно. Вот уж прошел обед, а после женщины в палате устроили тихий час, и повторную рекламу по ТВ мне увидеть так и не удалось.

Сон не шел. Спросив у соседок где душевая, одолжила шампунь и отправилась приводить себя в порядок.

Каково же было мое изумление, когда я наконец смогла рассмотреть свою внешность в большом зеркале.

Мать моя женщина. Это что же за недоразумение? Что за плевков судьбы? Как это чудо может изменить хотя бы чье-то мнение на местечковом уровне, не говоря уже о великих свершениях? Как?!

Впору было хвататься за волосы и начинать их выдергивать поштучно — как раз хватит до первого ядерного взрыва... Ибо увиденное деморализовало.

Из зеркала на меня хлопало ресницами белокурое, голубоглазое создание. Куколка-малышка. Ростом, хорошо, если сантиметров сто пятьдесят.

Боже, я что, карлик? Изнутри начала подступать истерика.

Вы серьезно? Ангелок метр с кепкой? Предлагаете мне идти в политику через популяризацию педофилии? В двадцатых годах, конечно, всякой радужной гомосятины повылезало. Но педофилов даже тогда пресекали!

Я, конечно, гнала от себя малодушные мысли о том, что рано или поздно мне придется идти на крайние меры и ложиться в постель в достижении высокой цели. Но это?! Да у

нормального, здорового мужика на такое дите не встанет!

Вы что там курите? Алло? Почему я не брутальный двухметровый мужик, при виде которого впадают в ступор представители обоих полов?

Да я даже коленкой среднестатистическому мужику не дотянусь, разве что если подпрыгну.

Агррхх! Ну вы серьезно? Восемнадцать лет? Я что, больше вообще не вырасту? Да как в этом теле жить? Как бороться? Его же ветром сдувать будет.

Закусила в губу в попытке взять себя в руки. Слезы катились по щекам от отчаяния и досады.

Я глядела на себя в зеркало, а в огромных голубых глазищах, обрамленных густыми ресницами, красиво скапливалась влага. Пухлые щечки-яблочки покраснелись. А алые, искусанные губы припухли.

В сердцах плюнула. Даже плакать расхотелось.

Такой хочется котят дарить и конфетами кормить. Даже зареванной и с красным носом. Кто-то бы сказал: грех жаловаться, но, объективно, не для моих целей внешность!

Под невеселые мысли залезла под душ в надежде, что вода унесет мои печали и невзгоды.

Только и оставалось, что повторять свою мантру:

Я жива. Я здесь. Я справлюсь. Время еще есть.

Вечером подруги вновь меня побаловали домашней едой: пюрешкой с картошкой. Несмотря на недавний съеденный подчистую ужин, передача зашла как по маслу. Куда в мое тщедушное тельце влезает столько еды? Для меня оставалось загадкой.

— Сонь... — неуверенно начала я.

Весь день я думала. Думала крепко. Перебирала разные варианты развития сюжета. Да, становится экстрасенсом — такая себе перспектива. Особенно учитывая, что на самом деле я никакой не экстрасенс.

Если опозоришься, так ведь тоже прилюдно. А громкий позор помнится куда дольше, да и смакуется изощреннее, чем любые достижения.

— Соня. Рита. Я долго думала. Ближе вас у меня никого не осталось. — Девчонки переглянулись, подобрались. — И решила поделиться с вами тайной. После пережитого ужаса в моем сознании что-то сдвинулось. Мне начали сниться странные сны. Сперва я не придавала им значения. А сейчас они стали настойчивее. И я мучаюсь сомнениями. Слишком много совпадений. Вдруг это все неспроста?

Рита подалась вперед и взяла меня за руку:

— Анют, мы могила. Ты же знаешь. Выговорись, легче станет.

— Да, мы никому, — Соня поправила очки. Вид у нее был серьезный и сосредоточенный.

Какие же они еще дети! И как же тяжело оставаться серьезной обсуждая столь важные темы.

— Думаю, это вопрос жизни и смерти, — я таинственно замолчала, отведя глаза к окну. — Вы прекрасно знаете, что я осталась одна. Одинокая девушка, а официально я и вовсе еще ребенок, — лакомая добыча для стервятников.

— Ах! — Соня всплеснула руками. — Тебя что, кто-то домогался?

— Что? Нет, конечно. Хотя после травмы у меня некоторые провалы в памяти. Доктор сказал, постепенно память восстановится. Но сейчас не об этом. — я наклонилась ближе и произнесла заговорщицким шепотом, — Черные риелторы!

— Черные кто-о? — Как я не заржала от такого удивленного выражения лица, не знаю.

— Да хотят отжать мою квартиру! Сама посуди. Защитить меня некому. Что я могу им противопоставить? Нанять охрану, подкупить правосудие — это все деньги, и немалые. Да что там, элементарно содержать сейчас себя, недвижимость, мне просто не на что.

— Но я же...

— Спасибо, Сонечка. Я помню про твои сбережения. И если ты все так же доверяешь мне, я ими воспользуюсь для дела. Но вы лучше выслушайте. — Мне вновь стало смешно, усилием воли сглотнула, подавила улыбку и продолжила вещать серьезным голосом: — Денег нет. А угроза вполне реальна. Вчера приходил мент с недвусмысленными намеками. Сегодня визгливая склочная тетка из опеки. Они спят и видят, как упечь меня за решетку или в детдом, а квартиру отжать в пользу «бедных», — я показала пальцами кавычки и обвела взглядом ошарашенных девчонок.

— А что же делать?

— Может, папу попросить помочь? У него наверняка есть знакомые...

— Нет, спасибо, Ритусь, вас и ваши семьи в эту грязь я втягивать не буду. Если совсем

уж прижмет, обращусь, конечно, чтобы приютили на время, но не более. У меня есть план. Точнее, как я уже сказала, мне стали сниться сны. И я думаю, что они вещие. Вот, например, мне приснился визит сегодняшней тетки. Я знала, что она придёт.

Девчонки сидят с глазами по пять рублей, кажется, дышать перестали.

— И как помогут твои сны?

— Мне снится, что я участвую в новой передаче на телевидении. Становлюсь медийной личностью, и, боясь популярности и огласки, вся эта пададь от меня отстает.

— Ну... в принципе, — Соня смотрит на меня оценивающе, — ты красивая. Может, и получится. А что ты будешь делать? Петь?

— Почему петь? Я не умею петь.

— Как это не умеешь? Ты же выступала на Восьмое марта, нормально ты поешь. Да и голос на эстраде — последнее дело. Главное — мордашка! А голос обработают.

— Точно! Ты такая секси-куколка, имиджмейкер поработает, и будет бо-омба! — глаза Сони из тоскливых синих омутов в мгновение ока преобразуются в огоньки, начинают сиять, а лицо озаряет маниакальная улыбка.

— Стойте, стойте. Никаких песен не будет. Я пойду на «Битву экстрасенсов».

Эти взгляды стоили того. Я уже откровенно рассмеялась, не сдерживаясь.

— Ты же шутишь? — и такой откровенный ужас на лице Риты.

— Нет. Фу-у-ух, — пытаюсь вернуть себе серьезный вид, — девчат, меня за квартиру могут убить. Никто не будет меня искать. Загуляла, пропала, умотала — нужно подчеркнуть. Стать медийной личностью, опять же найти поддержку на более высоком уровне — это мне сейчас необходимо как-воз-дух! А что там певичка? Кому она нужна? Да и наоборот там все работает — сперва в постель, потом, может, и поговорим.

— Но как же? Я видела рекламу. Они говорят, что отбор жесткий и все у них честно. Ты думаешь, тебе во сне удастся узнать результат и разыграть представление?

— Девчат, ну как здесь можно быть в чем-то уверенной? Нет, конечно. И честный шоу-бизнес — понятие несуществующее. Конечно, там точно так же будут пиариться различные шарлатаны, которые много лет тянут из доверчивых людей деньги. Ведь телевизор — это всеобщее признание. А если еще и в грязь лицом не ударишь... это огромные деньги.

— Но у тебя же нет денег.

— Нет. У меня есть лучше. Мне снятся вещие сны. Может, это знак свыше. И кто я такая, чтобы спорить с судьбой?

В коридоре повисло задумчивое молчание.

— А если это не вещие сны, а галюны?

— Тогда меня прогонят с гиком и улюлюканьями, — развожу руками, давя лыбу, — еще есть чуйка, умение слушать и анализировать. И кто в принципе обратит внимание на маленькую девочку? Там подслушаю, здесь подсмотрю. Прорвусь!

— А вот не скажи! Это же телевидение! Тебе нужен незабываемый образ! Магический шар или посох с черепом!

— Можно амулеты сплести!

— Свечи, карты!

— Да, кстати, — я обрадовалась, — мысль дельная, карты нужны обязательно. Причем психологические. Они мне помогут выйти из неловких ситуаций, отвлечь внимание, если к стенке прижмут. Интересно, такие сейчас продаются? Где это искать-то все?

Девчонки увлеклись обсуждением атрибутики, а я погрузилась в очередную думу. Как

же быстро человек привыкает к благам цивилизации. Озон, Али-экспресс — неделя-другая, и ты счастливый обладатель чего угодно: от булавки до автомобиля. А сейчас же еще нет интернет-торговли, или есть? Наверняка и нормальных навигаторов с указанием товара в ближайшем окружении тоже нет...

Мда... столько бизнес-идей. Где только деньги брать и специалистов для их исполнения?

— ... может, пауков или змей? — доносится до меня голос Риты.

— Фу! Совсем обалдели? Я думаю, надо идти другим путем. Можно, конечно, слепить из меня маленькую страшенькую девочку из фильма ужасов. Но не забываем, что нам нужна людская любовь и слава. А что любят люди?

— Все мистическое!

— Безусловно. А еще все любят доброе, светлое и понятное. Неизвестность пугает. Нам не надо, чтобы от меня шарахались.

— Ты извини, но на секси-бомбу ты не тянешь. Скорее на ее внебрачного выращенного в лесу волками ребенка.

Девчата смеются. Походу троллить внешность для нашей компашки — обычное дело. Пусть. Так здорово смотреть на их счастливые, беззаботные лица. Я за годы болезни и одиночества так изголодалась по положительным эмоциям.

— Секс с кем бы то ни было в мои планы не входит. По крайней мере, в ближайшие годы. И, опять же, дал мне бог такую оригинальную внешность, нужно пользоваться ей. И милым личиком, и ростом, и фигурой.

— Предлагаешь сделать из тебя куклу Барби?

— Фу, Соня, какая пошлятина, — так мне весело почему-то, улыбка сама растягивается от уха до уха, — лесную фею! И чем сильнее будет подчеркнута разница с обычными людьми, тем круче будет эффект!

— Не подходи — феяну, а то и отфеячу!

— Ну правда. Не смейтесь. Фея льда! Волосы в белый выкрасим! И линзы в глаза ярко-голубые.

— Хм, а что? Тема. Можно еще и уши эльфийские. Но только если придумаем надежную систему крепления! Потерять ухо посреди испытания — такая себе история.

— Добрый вечер, — нашу веселую болтовню прерывает вкратчивый мужской голос.

В нескольких шагах стоит вчерашний следователь. Да что за проходной двор, ей-богу?!

— Здравствуйте. Вы ко мне?

Сегодня он в штатской неприметной одежде. Стало быть, ударник труда, раз в нерабочее время шатается по клиентам (как они называются?).

— Да. Мы вчера не договорили. Смотрю, вам уже лучше?

Девчата ступевались, скомкано попрощавшись, засобирались домой. Тоже мне подруги. Бросили с этим сомнительным типом. Я это им еще припомню!

— Спасибо. Друзья всегда отвлекают от грустных мыслей, — интересно, как долго он нас подслушивал? — Правда, сегодня так много посетителей, что я уже подустала. Да и у вас, смотрю, рабочий день закончился. Давайте побыстрее опросите меня, да я пойду прилягу.

— Отлично. Я принес вам подписку о невыезде.

— Мне? Меня в чём-то подозревают?

— Таковы правила. Вы главный свидетель смерти вашего отца.

— Я была без сознания! Я даже не знаю, успели его друзья-алкаши надругаться над моим телом или нет, — закрываю лицо руками, наклонив голову, а сама прислушиваюсь, как следователь будет реагировать.

— В экспертизе дела сказано, что у вас были лишь повреждения головы и руки. При подобных инцидентах при поступлении больных с места преступления делают полный осмотр. Изнасилование — другая статья и отдельное дело. Не переживайте. Вас не тронули. И все же, может, вы что-то слышали? Кто обычно приходил на такого рода застоля? Как часто ваш отец устраивал подобные сходки?

— Часто. Кто там бывал, не знаю. Я или сбегала из дома, или пряталась в спальне. Быть пущенной по кругу толпой пьяных мужиков, знаете ли, далеко не мечта всей моей жизни.

— Извините. Ваша квартира сейчас опечатана. Как только вам станет лучше, я возьму ордер, и нам нужно будет съездить на осмотр. Нужно выяснить: не пропало ли что из вещей.

— Хорошо. Как доктора разрешат, съездим.

— Вы ничего больше не вспомнили?

— Нет, — выдерживаю его взгляд. В эту игру в гляделки можно играть вдвоем. За свои пятьдесят лет я встречала людей и по опаснее.

Следователь ухмыляется чему-то своему и наконец-то прощается.

В противоречивых чувствах поднимаюсь на свой этаж и долго еще верчусь в кровати. Разные мысли не дают покоя. Неужели прокатило и меня реально не подозревают в убийстве? Здорово, конечно, но тогда, получается, обвинят невиновного? Смогу ли я жить с этим знанием? По большому счету, даже признай я свою вину, скорее всего, засчитают как убийство по неосторожности.

Ведь и не посоветуешься ни с кем. Хотя, если честно, в тюрьме сидеть из-за какого-то алкаша-насильника-педофила совершенно не хочется. Я уже люблю эту жизнь и не готова бездарно ее растрачивать.

Это теряешь вкус к жизни долго и неохотно. Все уговариваешь себя, мол, все наладится. До последнего не желаешь перестраиваться под новые реалии. Тешишь себя самообманом.

К хорошему же привыкаешь моментально. Только прилетел на отдых в all-inclusive, и нескольких часов не прошло, а ты уже король положения. Словно так и жил всю жизнь с прислугой и личным поваром. Красиво жить не запретишь.

Планов громадье... Дело за малым, раздобыть денег на все хотелки и между делом спасти мир.

Так незаметно пролетела неделя. Еще раз приходила невменяемая тетка и трясла бумажками. Заведующий и на этот раз защитил. Не мужик — чудо!

Следователь привозил фотографии каких-то жутких мужиков на опознание, вновь сослалась на страх и что все время пряталась.

Девчата ходили чуть ли не каждый день, не давая скучать, рассказывали институтские сплетни и фантазировали на тему моего будущего образа.

Я чувствовала себя как на курорте. Несмотря на мутное будущее, так спокойно мне давно уже не было.

Несмотря на призвание, не люблю больницы. Точнее, находиться там в качестве больной. Не из-за какой-то определённой атмосферы, нет. Просто я ненавижу эти ранние побудки, болезненные процедуры, безразличие персонала к твоим бедам. Зачем, спрашивается, поднимать больных в шесть утра, чтобы сделать укол? Ведь пациент никуда не торопится, почему не дать ему выспаться? Ну бред же!

Вот и сегодня к десяти утра все процедуры давно пройдены, впереди целый день праздного безделья, от которого уже в пору на стену лезть. Ума не приложу, чем заняться. По большому счёту, уже дней пять, как я чувствую себя абсолютно здоровой. И меня начинают одолевать сомнения. Зачем меня вообще здесь держат?

Поэтому, увидев в коридоре следователя, я даже радуюсь. В стенах больницы он не сможет мне причинить никакого вреда, а вот информацию из него можно попробовать выудить.

— Доброе утро, Анна Владимировна, надеюсь, вы уже поправили своё здоровье?

Вот смотрю я на этого человека и не понимаю, то ли действительно у него такое не располагающее к доверию лицо, то ли ко мне какой-то негатив.

— Да, конечно, вы ко мне?

— Я получил разрешение, мы можем отправиться на осмотр квартиры прямо сейчас.

Ох, вот это да. И причин для отказа просто нет. Ждать ли подвоха от этого человека, я не понимаю. Просто интуитивно он мне не нравится. Хотя не в лес же он меня везёт. Квартира моя в обычном панельном доме. Чуть пошуми, сбегутся соседи. И страшно, и хочется уже какого-то движения. Решаюсь.

— Хорошо, я только переоденусь. Ждите меня внизу.

Может, оно и к лучшему, в квартире мне появиться нужно, осмотреться. Самая моя большая беда на сегодняшний момент — это недостаток информации. Ничего о жизни прошлой хозяйки тела я не знаю, даже самая маленькая подсказка может здорово меня выручить при опросах. Ехать однозначно надо.

Родной подъезд встретил нас, нет, не запахом мочи, как ожидалось, а вполне себе прилично — занавесками на окнах и цветами на подоконниках. Отличная новость, значит, в подъезде живёт много бабок! А бабки — это не только скандалы, интриги, расследования, это ещё и отличное прикрытие. Бабки они повсюду!

А вот в квартире за прошлый месяц не ступала нога ни одного алкоголика. Остатки же былой пирушки присутствовали всюду. Видимо, дорогие гости так спешили покинуть этот праздник жизни, что даже не удосужились прихватить с собой остатки былой роскоши. Да, работы здесь предстоит немало. Несмотря на раздрай, квартира вид имела вполне

приличный. Небольшой коридор, две комнаты, неплохая кухня и вроде как даже отдельный санузел. Хорошо, что сейчас я могла вертеть головой, всё рассматривать и не бояться при этом спалиться. Следователь, запустив меня в квартиру, предусмотрительно остался ждать на лестнице. Вонь резала глаза, основной источник находился на кухне. Хорошо, что сейчас мне там делать нечего.

Сразу же пошла в свою комнату и закрыла дверь. Огляделась. Естественно, выискивать какие-либо различия, недостающих ценностей, я не собиралась. А предыдущая хозяйка этого тела, к счастью или к сожалению, никаких воспоминаний мне не оставила. Распахнув шкаф, покидала в сумку минимум необходимых вещей.

Встав в середине комнаты, я задумалась. У Анны по-любому должны были быть какие-то сбережения. Вот они бы мне как раз не помешали. Оглядела комнату, стандартная планировка: диван, рабочий стол, шкаф в углу. Не зная, искать можно долго. Я закрыла глаза и постаралась расслабиться. Ну же, Анна, помоги мне. Очень хотелось верить, что память тела мне подскажет верное направление. И действительно, не прошло и минуты как меня качнуло в сторону окна. Странный выбор. Обычная оконная раскладка с потрескавшейся краской, разве что... широкий деревянный подоконник с трещиной в краске посередине, заглянув под который, я аж воскликнула от неожиданности. Снизу был приклеен карман, внутри которого находился небольшой пакет. А в нем тетрадь, видимо, дневник, плюс маленький свёрток. Любопытство пересилило. Развернув белый вышитый вензелями по краю платок, я высыпала на ладонь небольшие золотые серёжки, тоненький ободок обручалки и серебряный резной женский перстень. Кольцо выглядело старинным, в центре находился белый камень, похожий на лунный, вязь рисунка выполнена умелым мастером. Как заколдованная, надела кольцо на указательный палец. Магии не произошло. Оцепенение спало.

Что-то я расслабилась. Надо отсюда скорее валить. Уже закинув спортивную сумку на плечо, услышала звуки в прихожей.

Но вместо ожидаемого мной следователя в проёме двери показался здоровый мужик в строгом костюме. Зайдя в комнату, он закрыл за собой дверь.

— Анна Владимировна, — мужик обратился ко мне гулким басом. — У меня к вам серьёзное дело.

Сказать, что я растерялась — не сказать ничего.

Из папки он достал бумаги и протянул мне.

Я подходить к нему не спешила.

— Ознакомьтесь, это касается вашей квартиры.

Ну вот и сбылись мои самые страшные опасения. Видно, что ребята серьёзные, не мне с ними бодаться.

— Я не дура. Скажите конкретно, что вы предлагаете?

— Я рад, что вы осознаёте всю серьёзность ситуации и идёте на сотрудничество. Вы одинокая молодая девушка, защитников у вас нет. Я предлагаю вам хороший вариант. Предлагаю один раз. Мы совершаем сделку: вы получаете комнату в общежитии и сто тысяч рублей. Согласитесь, это гуманно. Крыша над головой будет, и на деньги купите, что захотите.

Наверное, я начала хватать воздух ртом, такого наглого мошенничества в открытую я не ожидала.

— У меня есть время подумать?

— Мне нечем вас порадовать, времени у вас нет. Я планирую совершить эту сделку в день вашего восемнадцатилетия. Вы уже вступили в права наследования после смерти бабушки. В связи с гибелью вашего отца у вас нет совершеннолетнего представителя. Но так как вам самой скоро исполнится восемнадцать, эти нюансы мы обойдём.

Смотрю на него исподлобья. Спорить или что-то доказывать смысла нет. Квартиру терять неохота. Район неплохой, они явно не дают и трети стоимости. Да и комната, поди, где-то в Рязани. Интересно, они меня убьют, если я перепишу квартиру на кого-то другого?

Проверить что-то не хочется.

— Допустим, я согласна. Какой план действий?

Мужик расплывается волчьим оскалом:

— Я рад, Анна Владимировна, что вы рассуждаете по-взрослому. Сейчас вы подпишете договор о намерениях, в день вашего рождения мы встретимся у нотариуса и заверим сделку официально.

Неужели нет никакого выхода? Я невольно скосила глаза в то место, где раньше стояли стеклянные часы, так здорово выручившие меня в прошлый раз. Неожиданно, но часов на месте не оказалось.

— Не будем медлить, — мужик сделал несколько шагов по направлению ко мне.

— Стойте, — я сама от себя не ожидала такого выкрика и защитного жеста поднятых открытых ладоней.

Не знаю, что я хотела сказать в свою защиту, но говорить ничего не пришлось. Мужик замер на месте с остекленевшими глазами. Казалось, он даже не дышал. Что происходит? Его что, парализовало? Что за сраный полтергейст? Вот теперь я струхнула не по-детски. Ведь где-то в подъезде его дожидается следователь. И так просто отмазаться на этот раз у меня уже не выйдет.

Надо скорее валить отсюда. Проходя мимо мужика, не удержалась и ткнула в него пальцем. Не знаю, чего я ожидала, наверное, что превратила его в камень, но нет, ещё тёпленький.

Выглянула во двор. Следователь стоял возле своей машины. Скотина такая. По-любому, ждал нас. Выходить нельзя. Похоже, наши милые расшаркивания закончились.

Нырнув в подъезд, поднялась на последний этаж, ожидаемо, в таком образцовом подъезде чердак закрыт на замок. Вот же тупая овца! Надо было взять что-то из квартиры, чтобы сломать замок на чердак. Что же делать? Вернуться? А вдруг этот амбал уже очухался?

Неожиданно помощь пришла откуда не ждали. Открылась дверь квартиры, и предомной предстала милая старушка, божий одуванчик.

— Анечка! Ты как, детка?

— Ой, здравствуйте! А можно я у вас руки помою?

Старушка несколько растерялась, но я уже ломанулась вперед, не дожидаясь приглашения.

Отлично, отлично. Как-то теперь нужно здесь задержаться.

В ванной комнате я пробыла минут десять. Дальше тянуть было уже неудобно. Да и слышно было, как бабулька топчется под дверью.

Распахнув дверь, чуть не приложила ею старушку. Ох уж эти неловкие моменты...

— Как вы поживаете? — Я так ничего и не придумала, чтобы здесь задержаться.

Бабулька, видимо, почувствовала мои терзания, и сама предложила выпить чаю.

— Голодная поди? Да ты садись, рассказывай. Я даже рада, что ты зашла. Одной, знаешь, как... — она накрывала на стол, приговаривая что-то несущественное, а у меня на душе сделалось так тепло и уютно, что на глаза невольно навернулись слёзы.

Сколько же мы лишились в нашем нерадужном будущем. Алчность, деньги, власть — вот что правит миром. Человеческое отношение к себе мы редко можем оценить по достоинству, но, потеряв, понимаем, что это, пожалуй, самое дорогое — чувствовать, что тебя окружают люди.

— Вы извините, — я поняла, что лучше действовать честно.

— После удара по голове у меня было сотрясение мозга и частичная потеря памяти. Вы не переживайте, доктор сказал, все восстановится. Единственное, я не помню, как вас зовут.

Бабушка всплеснула руками:

— Вот же изверг, до чего девчонку довел! Инга была бы жива, сама бы его удавила. Здоровый лоб сидел, все шары заливал. Ох, прости, дочка. Татьяна Фёдоровна я. Мы, почитай, с бабкой твоей лет тридцать в этом доме прожили. Упокой ее душу грешную. Та еще оторва была. И сынок в нее пошел! Ох, прости господи, нельзя о покойных-то плохо. Ты ж с кем теперь осталась?

— Одна я совсем. Вот и неприятности преследуют. Черные риелторы хотят у меня квартиру отнять...

Сама и не заметила, как под чай с пирожками выложила доброй старушке свои печали.

Та сидела, плотно сжав губы, и хмурилась все больше.

— Дела, дочка... страшные ты вещи говоришь. Прогнила наша страна насквозь. Ни детей, ни стариков не жалеют. Можешь у меня остаться на время.

— Вы даже не представляете, как вы меня выручите! Так-то мне есть куда пойти. Только сегодня из подъезда выходить страшно. В квартире мужик этот, а на улице мент ждет. Еще и в соцопеке у них подвязки. Мне же восемнадцати еще нет, они хотят меня в детский дом упечь, а квартиру забрать.

Она лишь грустно качает головой, слушая мой сбивчивый рассказ.

— Дочка, а что с похоронами?

— Ну... не знаю. Он в морге пока лежит. Я не могу туда пойти, вы же понимаете. Они меня сграбастают, и никто не поможет. Там здоровые мужики, и наверняка с оружием. Кому я нужна, чтобы рисковать собой?

Женщина устремила взгляд в окно.

— Ты знаешь, я тебе помогу. Пройдусь по соседям, объясню ситуацию, может, деньгами кто поможет. Люди у нас живут хорошие. Всем миром соберем и похороним. Не волнуйся об этом. А ты сейчас лучше спрячься. Дождись совершеннолетия. Хоть какое-то право голоса будет. Как уляжется, я с тобой на могилку схожу, попрощаешься.

— Спасибо вам огромное, — снова захотелось плакать. Такой искренней заботы и понимания от совершенно чужого человека я не ожидала.

Федоровна оказалась на редкость адекватной. Выделила мне диван в зале, предложила располагаться с комфортом, сама ушла на кухню греметь кастрюлями.

Окна ее квартиры, к сожалению, выходили на другую сторону дома. И чем закончилась история с замороженным мужиком для меня осталось загадкой.

Поймала себя на мысли, что, задумавшись, кручу перстень. Удивительно, но на мои тонкие пальцы он сел как влитой, не чувствовалось тяжести с непривычки, хотя перстень был довольно массивный. Даже скорее наоборот, теплый металл завораживал, его хотелось

поглаживать подушечками пальцев, а камнем ловить солнечные блики, слегка поигрывая пальцами.

Снимать не хотелось уж точно. Руку он украшал, даже несмотря на отсутствие маникюра, и выглядел гармонично.

Интересно, он магический? Это благодаря кольцу удалось заморозить амбала? Или у волчицы совесть проснулась, и меня все же наделили сверх способностями? И проверить-то не на ком. Не на старушке же эксперименты ставить.

Золотые украшения оказались не в пример скромнее. Анне, видимо, они были дороги как память о матери, мне же еще послужат. Острая нехватка денег беспокоила. Пару тысяч в ломбарде дать должны.

До дня рождения и, соответственно, до старта «Битвы экстрасенсов» ещё две недели. И охота на меня, если я поняла все правильно, будет продолжаться. Хорошо бы отсюда свалить.

С момента появления в этом мире мне не давала покоя мысль о моей прошлой семье. Видимо, пришло время утолить свое любопытство.

Ещё с вечера я предупредила Татьяна Фёдоровну, что уеду рано. Не думаю, что риэлторы воспринимают меня всерьёз и установили за домом наблюдение. Но чем черт не шутит. Как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть.

А план у меня был такой. Поменять золото на наличность и уехать в свой родной город. Нет, вела меня туда не сентиментальность и даже не любопытство. Я ехала с твёрдой уверенностью воспользоваться тем, что мне даровано судьбой. Да, мне не досталось крепкого взрослого тела, не досталось большого ума. Магические способности? Нет, не слышали.

Мне досталась моя память. А это уже немало.

В своём городе я прожила пусть не очень долгую, зато счастливую жизнь. Работая терапевтом, была знакома со многими людьми, как и с их проблемами. Русский человек так воспитан, что он должен быть хорошим, должен думать и заботиться об окружающих. Должен всем помогать. А то, что человек должен любить в первую очередь себя, заботиться о своем теле и своей душе — этого отчего-то с младенчества в нашу голову не вкладывают.

Работая в больнице, я часто сталкивалась с ситуациями, в которых больной обращался за помощью, но было уже поздно. Когда-то я уже помогла этим людям, сохранила их здоровье, кому-то даже спасла жизнь. Пусть это звучит меркантильно, но в этой жизни пришло время собирать камни. Не думаю, что, предложив им сведения об их здоровье за незначительную плату, я внесу в миропорядок весомые колебания. В любом случае никаких ценных указаний свыше мне дано не было, а вот возложенные на меня обязательства прозвучали вполне конкретно.

Что ж, время действовать.

В родной город добралась только на утро следующего дня. Обменять золото в ломбарде получилось довольно выгодно, что не могло не радовать. Либо золото все еще ценилось, либо цветущее государство не успело взвинтить цены и на вырученную сумму можно было воплотить мои планы в жизнь.

Для задуманного эксперимента я выбрала трех кандидатов, которые в этой жизни родились в рубашке. Мой план по улучшению своего материального положения, конечно, был несовершенен и зиял дырами недоработок, но другого, увы, не имелось.

Первым кандидатом на волшебное излечение был некто господин Марков. Мне сложно соотнести события прошлого и понять, добился ли он уже каких бы то ни было успехов к этому 2006 году. В той жизни дядька он был довольно состоятельный. Болячка же у него врождённая, и начать минимизировать разрушение организма уже сейчас — точно не поздно. Чем раньше начнёт лечение, тем дольше проживёт.

На часах было шесть утра, сидеть на вокзале и терять время не хотелось, поэтому я направилась в гости. Вряд ли к тем новостям, которые я ему принесу, можно подготовиться заранее, поэтому тянуть смысла не было.

По дороге до его дома в голове навязчиво билась мысль: «Тарам-парам-парам-тарам ходите в гости по утрам». Хочется верить не от того, что в моей голове лишь опилки, а идея исключительно дурно пахнет неприятностями.

В прошлой жизни мне доводилось посещать Маркова на дому, поэтому адрес я помнила. Дверь открыла женщина в возрасте. Я немного замялась.

Мать? Бабушка? Сколько вообще ему сейчас лет?

— Здравствуйте. А Александр дома?

— Да, — женщина с интересом прошлась по мне взглядом. — Саша, это к тебе.

— Ну что опять, мам? Я опаздываю, — из-за поворота коридора вышел молодой мужчина в трусах. Он вытирал голову баннным полотенцем и, видимо, шел на звук.

— Саша, у нас гости, оденься.

Марков и сам уже заметил мнущуюся на пороге меня и стусевался.

— Вы извините, что так рано. Я с поезда и сразу к вам. К сожалению, сильнос

ограничена во времени. Я Анна, — протянула руку через порог женщине.

Та только руками всплеснула:

— Да что же это мы на пороге стоим? Анна, проходите, пожалуйста, в гостиную.

Квартира у четы Марковых была немаленькая. Сложным переплетением коридоров мы прошли в просторную комнату. Вдоль стен тянулись библиотечные шкафы с богатой коллекцией книг, в центре комнаты стоял круглый стол с мягкими бархатными стульями. Уюта добавлял портал камина, мягкий свет абажура. Если бы не знала, что нахожусь в многоквартирном доме, вполне можно было бы принять это помещение за комнату в старинном особняке.

Красиво жить не запретишь...

Мы заняли кресла друг напротив друга.

Несмотря на раннее утро, хозяйка дома была одета в платье, а волосы аккуратно уложены в прическу.

— Даже не знаю, может, завтрак подать? — хозяйка квартиры явно обескуражена столь ранним визитом.

— Вы знаете, я немного волнуюсь, наверное, лучше сразу к делу. Сейчас я буду говорить вещи, в которые поверить вам будет непросто. Как к вам обращаться?

— Простите, — женщина разулыбалась, — вы как маленький ураган, я аж растерялась! Мы с вами тезки. Я Анна Евгеньевна. Все же давайте я принесу завтрак, он уже готов. И Саша к нам присоединится. Его же, я так поняла, ваш приход тоже касается.

Я лишь кивнула. Женщина вышла, а я постаралась взять себя в руки. Какой бы ни был за плечами жизненный опыт, сообщать человеку о возможной неизлечимой болезни или даже смерти ох как непросто.

Анна Евгеньевна обернулась буквально за пять минут. Следом за ней вошёл уже одетый в строгий костюм Александр.

— Здравствуйте еще раз, милая девушка, я не расслышал, что такого срочного у вас стряслось. Правда, боюсь, больше пятнадцати минут я не смогу вам уделить.

— Думаю, больше на данном этапе и не надо. Спасибо, — с удовольствием отпила кофе из пододвинутой ко мне чашки, а то еще выгонят, не успею ничего попробовать. Запах от еды шел умопомрачительный. Сглотнув набежавшую слюну, вспомнила, что нормально ела в последний раз вчера у соседки и потянула ближе к себе выпечку.

Анна Евгеньевна потчевала любимого сына на завтрак яичницей с беконом и ватрушками.

С удовольствием умяв ватрушку с кофе, я продолжила:

— Анна Евгеньевна, Александр, разговор действительно серьёзный. Наверняка вы слышали, в последнее время стали частыми упоминания различных экстрасенсов, предсказаний будущего и прочей подобной тематики. Дело в том, что у меня недавно проявились некоторые сверхъестественные способности. Я понимаю, насколько нелепо для вас это звучит, тем не менее расскажу вам одну историю. А выводы вы уже сделаете сами. Сколько-то лет назад в одном небольшом городе жила молодая девушка. Она влюбилась, вышла замуж, родила сына. Всё было бы у неё хорошо, если бы однажды с её мужем не случилось несчастье. Врачи обнаружили у него неоперабельная опухоль. Если бы медицина на тот момент была лучше, и опухоль диагностировали на ранней стадии, возможно, мужчину удалось бы спасти. Но, увы, девушка сына растила одна. И самое страшное в этой истории то, что заболевание это наследственное. — По мере моего рассказа лица моих

собеседников вытянулись, они не произносили ни звука. — Александр, мне очень жаль говорить вам это, и я даже не думаю, что вам интересно знать, откуда я это знаю, но сейчас у вас в затылочной части головы растёт точно такая же опухоль, как у вашего отца. Если бы сегодня я не пришла к вам, диагностировали бы вам эту опухоль только через пять лет. Она находится в труднодоступном месте, в складке, если так можно сказать. Поэтому ежегодные общие обследования ничего вам не дают. Рассмотреть бы ее удалось, лишь когда начался бы активный рост. И было бы уже поздно. Ещё спустя два года вы бы умерли в мучениях. Уже не первый год вас мучают головные боли, о которых вы никому не говорите, списывая на переутомление, иногда перед глазами мелькают чёрные мушки, также случается потеря обоняния.

Женщина подскочила, пыша гневом. Мужчина весь подобрался и сидел сгорбившись. Предчувствуя разоблачение и позорное изгнание, я заторопилась.

— Мои способности проявляются во сне. Мои видения хаотичны. Но никогда они не оставляют меня равнодушной. Спокойно жить, зная, что вы умираете, я бы не смогла. На этот раз я увидела вас, поэтому специально приехала в этот город, чтобы попытаться вас спасти. Я знаю, какой именно врач вам нужен, и в какой клинике смогут вам помочь, — видя, что женщина собирается разразиться гневной тирадой, подняла руку в останавливающем жесте. — Я не собираюсь ничего доказывать. Я сейчас уйду, вам потребуется несколько дней, чтобы пройти обследование и убедиться в том, что мои слова правдивы.

В комнате, несмотря на накалившуюся обстановку, стояла гробовая тишина. По побелевшему лицу Александра, я поняла, что многие симптомы уже давно его беспокоят. На его мать тоже было страшно смотреть.

— Мне действительно жаль сообщать вам такие неприятные новости, но думаю, вы меня понимаете. Прислушайтесь, пожалуйста, хуже точно не будет. Обратитесь в частную клинику, это ускорит процесс. Сделайте развернутое 3D обследование. Я не помню, под каким углом, но грамотный специалист ее заметит. Я вернусь через два дня, и мы продолжим нашу с вами беседу.

Это может прозвучать сейчас грубо, но моя помощь не безвозмездна. У вас своя жизненная ситуация, у меня своя. И если в этой жизни мы с вами столкнулись именно при таких обстоятельствах, значит, этому суждено было случиться. Если мои слова все еще для вас сомнительны, под левой лопаткой у вас родимое пятно в форме полумесяца. В детстве у вас была такса по кличке Элеонора. А еще вам нравится ваша коллега Елена.

Мужчина резко вскинул голову, посмотрев на меня, метнул взгляд на мать, и на его мертвенно бледных щеках проступили красные пятна смущения.

— Если вы своевременно займетесь своим здоровьем, у вас есть все шансы сойтись с Еленой, ей вы тоже нравитесь. Мне пора. Не провожайте.

Перед уходом я нагло прихватила еще одну ватрушку. Терять-то мне нечего.

Выйдя из подъезда, зажмурилась от яркого весеннего солнышка, настроение было отличное, не так это оказалось и страшно. Соколов уже всю практикует. Именно он в прошлой жизни удалял опухоль, и все прошло отлично, жаль, что через год случился рецидив. Все же размер имеет значение.

Сейчас все должно пройти быстро и штатно. Осталось лишь договориться со своей совестью.

Одно дело сделано, а впереди целый день и список из нескольких пациентов. Кто-то меня явно пошлет, а кто-то, быть может, и заплатит. Не знаю, правильно ли я поступаю, вмешиваясь в судьбы людей, но люди эти, по сути своей, неплохие. Что может пойти не так?

Я медленно шла по улице. Пыталась отвлекать себя знакомыми видами, думать о пациентах, но себя не обманешь. Ноги сами несли к моему прежнему дому. Каково это, увидеть себя со стороны? Смогу ли я адекватно отреагировать, увидев живыми своих мужа и сына? Ведь если мне удастся изменить будущее, зачем сейчас врываться в ту счастливую, размеренную жизнь, вносить раздрай и сумятицу? Ведь я своим вмешательством могу всё испортить.

При этой мысли я встала как вкопанная посреди улицы. Пришло четкое понимание, что я не смогу молча подглядывать со стороны. Меня прорвет на истерику, а врать самым родным людям я никогда не умела.

Нельзя. Нельзя!

Как же больно. Столько лет прошло с похорон, и сердце у меня уже другое. А боль такая, словно потеряла я их только вчера. Еле доплелась до скамейки и упала на нее кулем.

Думала я, что будет это непросто, но чтобы настолько...

Прийти в себя удалось не сразу.

Что толку сидеть? Нужно действовать. Не знаю, как там насчет «за Родину! за все человечество!...», но самое сокровенное, моих любимых, нужно спасти. Для этого я здесь.

Судьба, хлестнув кнутом по сердцу, посмотрела как на нерадивое дитя, и заботливо приложила подорожник.

Следующим моим клиентом был летчик-испытатель. Григорий Иванович оказался дома. Это был высокий мужчина, чуть за сорок. Жил он один, поэтому нашей беседе никто не мешал.

Расположившись в зале, я начала уже более уверенно свой рассказ:

— Григорий Иванович, сейчас я буду говорить вам вещи, которые покажутся на первый взгляд нелепыми. Тем не менее наша с вами встреча неслучайна. Не смотрите на мой юный возраст, дело у меня к вам серьезное. Дело в том, что я могу предвидеть будущее. Не все подряд. Мои видения, можно сказать, хаотичны. И в последнем таком сне я видела вас.

Мужчина напротив меня подобрался. Думаю, он уже понял, о чем пойдет речь.

Дать выплеснуть ему эмоции? А оно мне надо? От неадекватности можно и в бубен схлопотать.

— Выслушайте меня внимательно. Я знаю, что после аварии, в которую вы случайно попали, когда ехали на день рождения сестры, у вас остались последствия. Они не дают вам жить и работать. И поскольку я вижу ваше будущее, то могу рассказать, что будет дальше. На ежегодных медицинских проверках вам будет удаваться заболтать врача, так как он ваш друг, и проставлять в книжке печать он будет, веря на слово. Искаженное зрение в вашем левом глазу начнет прогрессировать. Из-за страха быть рассекреченным и потерять работу, которая смысл вашей жизни, вы будете тянуть с этим несколько лет. За то время травма станет застарелой и лечению будет поддаваться с большим трудом. В результате работы вы все равно лишитесь. Потратите огромные деньги в попытке восстановить зрение. Но будет

поздно. Сейчас же я могу помочь вам. Есть доктор, который будет лечить вас и напишет уникальную работу на основе исследования вашего феномена. Раньше никто не подходил к вопросу дальтонизма как к психологической травме.

Напряжение в комнате, казалось, можно резать ножом.

— Я не знаю, что и сказать. Зачем вам это?

— Все банально. Мне срочно нужны деньги. У вас свои жизненные сложности. У меня свои.

— Сколько? Боюсь, за такие сведения мне нечего вам предложить. Не знаю, знаете вы или нет, я эту квартиру купил всего два месяца назад.

— Вы мне верите? Так просто?

— Ха, — кажется Григория начало отпускать, — вы довольно убедительны. Думаю, я могу взять кредит. Сколько вам нужно? И... мне нужно распланировать дальнейшее лечение. Там же мне тоже деньги понадобятся? Может, мне проще квартиру продать?

Я от такого напора даже подвисла. Я, конечно, слышала, что люди экстрасенсам относят последнее, но что-то как-то обирать людей до голой филейной части я не планировала.

— Послушайте. Мой дар уникален, и да, я не всегда им пользуюсь для самых благих целей. Тем не менее я не могу причинить вам вред умышленно. Грубо говоря, если бы вы со мной не советовались, а продали квартиру и отдали деньги, я бы приняла любую сумму. Теперь же это так не работает.

Постаралась улыбнуться, ибо обезумевший, потерянный взгляд собеседника слегка пугал.

Я даже пощелкала пальцами ему перед носом.

— Вы меня слышите?

— Да, конечно, но что же тогда делать? Знаю!.. Так, все, — он вскочил и начал ходить взад-вперед по комнате. Есть, есть у меня решение. Вам я о нем не скажу. Но мне надо хотя бы два дня. Вылетов, на счастье, нет до четверга. У вас как со временем?

— Да, собственно... Я приехала сюда целенаправленно. У меня чуть больше недели. Думаю, мы все успеем. Единственное, мне неловко, билет на поезд я купила на последние. Не могли бы вы мне дать немного денег на номер в гостинице? Или лучше снять мне его. Мне еще нет восемнадцати, боюсь, могут возникнуть сложности. Остаться у вас не предлагайте. Так делать нельзя.

— Да? Ну, конечно. Вы такая молоденькая. У моего товарища частная гостиница, здесь недалеко, в центре, я ему позвоню, все устроят в лучшем виде.

Мужчина был очень возбужден, он громко говорил, активно жестикулируя. И на лице его застыл такой безумный оскал, что казалось, еще немного — и треснет.

Размашистым шагом он ушел в другую комнату, раздался шум отодвигаемой мебели.

Я же притаилась на кресле как мышка. Как бы он умом не тронулся от такого внезапно свалившегося счастья.

Григорий, вернувшись, протянул мне сложенный тетрадный лист и небольшую пачку денег.

— Вот. Все, что есть. Возьмите, Анна.

— О боже, да вы издеваетесь?

Отсчитала от пачки десять тысяч и забрала вместе с листом бумаги.

— Мне этого хватит. Спасибо. Я пойду. Ваш номер телефона я знаю.

— Да? Откуда? Ах! Точно, — он хлопнул себя по лбу. — Но я его все равно на листочке записал. Вы поэтому так и сказали, да? Потрясающе! Ощущение, словно я миллион в лотерею выиграл. Спасибо вам, спасибо.

— Перестаньте! В самом деле! Ничего еще не сделано. Предстоит сложная работа. Сосредоточьтесь. Легко не будет.

— Да, да. Конечно...

— Я пойду.

Фу-у-ух, даже не знаю, какой из визитов дался мне легче. Расстрел испепеляющими взглядами у Марковых или расстрел словесной тирадой у Григория.

Эх! Хорошо-то как! Сжимая в кармане деньги, я наконец расслабилась. А мне нравится быть экстрасенсом и путешествовать по стране с концертами.

Рассмеявшись в голос, я сбежала по ступеням и отправилась в отель.

Встретили меня как самую дорогую гостью. Девушки лучезарно улыбались, провожая до номера. Апартаменты предоставили если не суперлюкс, то все равно шикарные. С огромной кроватью, джакузи и видом на пруд в парке.

Красота!

После полубессонных ночей на бабкином продавленном диване и в поезде, после всех стрессов и беготни хотелось почувствовать себя в безопасности и по-человечески выспаться.

Как только за работником отеля закрылась дверь, я все с себя скинула и направилась отмокать в огромной ванне с пеной. Перенюхав многочисленные флакончики, так и не смогла выбрать самый вкусный, в итоге смешала три вида и, включив меняющую цвета подсветку воды, погрузилась на неопределенное время в нирвану.

Погони, угрозы, преследования — беспокойное тело мне, конечно, досталось.

Хотя, не займи я тело Анны, вряд ли бы у нее хватило силы духа оттолкнуть невменяемого папашу. Да и огромная гематома на затылке здоровья ей явно не добавила.

Бесит. Как ни гонишь от себя дурные мысли, лезет и лезет всякая гадость в голову.

Думать надо о приятном. Из-за двери послышался шум. Я напряглась.

Может, это Григорий опомнился и решил меня посадить на цепь? Вот же дурная моя голова! Когда уже начну думать наперед и беспокоиться о своей безопасности. Ведь сколько случаев! Уникальные специалисты попадают в рабство и горбчатся за еду. После таких достоверных концертов разве я смогу кого-то разубедить, что никакой я не экстрасенс, а просто сказочница из будущего, точнее, горе-врачиха, налево и направо раскрывающая чужие врачебные тайны.

Я аккуратно выбралась из ванной, нацепила халат на мокрое тело, вооружилась стойкой для туалетной бумаги. Без боя не дамся! Еще пожалеют, что покусились на маленькую беззаботную меня.

Мельком увидела себя в зеркале: хороша царевна-лебедь. Что тут скажешь? Боевой хомячок на вольном выпасе.

Аккуратно выглянув в комнату, увидела накрытый к обеду стол. Горячие блюда под запотевшими прозрачными крышками заставили в предвкушении сглотнуть слюну.

— Вау! Вот это сервис! Ай да я! Ай да молодец.

Избавившись от своего грозного оружия, утащила назад в ванную сырную и фруктовую тарелки. Залезла обратно в разноцветную пену и предалась гастрономическо-эстетическому разврату.

Утро красит нежным цветом стены милого VIP-номера...

Не сразу и вспомнила, где нахожусь. Храпака я подавила на славу. Выглянула из-под одеяла, какое там утро? Давно уж день на дворе.

Проспала! Хотя куда я, собственно, опаздываю? Остаток вчерашнего дня провела в номере. Накатила меланхолия, воспоминания о прошлой жизни, долго размышляла о высоком. О деньгах.

Выбранный мной способ заработка, что уж лукавить, далеко не самый безопасный. Адреналиновой наркоманкой я никогда не была.

Страшно от осознания собственной спонтанности и необдуманности действий. Можно было бы сходить к местному олигарху. У него камни в почках. Но, как говорится, лучше синица в руках, чем обезьяна с гранатой.

Решила больше не рисковать. На ближайшие планы мне хватит денег, заработанных вчера, а дальше будет видно.

Но, раз уж я здесь, и у меня выдался свободный день, сделаю доброе дело.

Когда перебирала своих больных, невольно вспомнился сложный случай из детского отделения. Подруга вспоминала не раз. Так ей было жалко мальчишку. Дети не мой профиль, точно уже и не вспомню возраст мальчика. Но ведь ничего не мешает мне это проверить.

Так и решила поступить. По совести. Если вспомнила именно его, значит, так нужно.

Подъезд стандартный панельной девятиэтажки встретил меня запахами, знакомыми каждому городскому жителю с детства. Дверь распахнулась практически сразу, видимо, кого-то ждали вместо меня.

Сложность заключалась в том, что с самим мальчиком в прошлой жизни я не контактировала. Соответственно, личной информацией не владела. Уже на пороге я засомневалась. Потом посмотрела на эту дышащую жизнью счастливую молодую женщину, а перед глазами встала высохшая, поникшая, потерявшая смысл существования старуха. Она-то и была моей пациенткой.

И все же решилась.

— Здравствуйте. Вы мама Матвея? У меня к вам разговор.

Женщина всплеснула руками

— Опять что-то натворил? Проходите. Как раз его из школы жду. Ох, он у меня и получит!

— Нет-нет. Я по другому поводу.

Мы расположились на кухне. Женщина засуетилась, накрывая стол к чаю.

— Да вы не беспокойтесь. Спасибо. У меня совсем немного времени, я по делу.

Женщина, видя серьёзное выражение моего лица, миг растеряла всю весёлость, присела на краешек стула, комкая в руках кухонное полотенце.

— С Матвеем случилось что-то плохое? Скажите мне!

— Простите, не знаю даже, как и начать. Нет, ничего пока не случилось и, надеюсь, не случится.

— Ну что вы меня пугаете? Говорите, как есть! — в ее голосе прорезались истерические нотки. — Вы кто вообще? Из школы?

— Нет, я из другого города приехала.

Раздался звонок в дверь. Женщина подскочила и побежала открывать.

Блин, язык не поворачивается говорить такие вещи родителям, хотя, будь я на её месте, предпочла хоть попытаться что-то исправить.

По шуму в прихожей я поняла, что это пришёл ребёнок со школы. Я встала и вышла в коридор. Румяный здоровый мальчишка, класс первый-второй. Отлично. Моя информация своевременна.

— Меня зовут Анна, а вас как?

— Марина, — женщина все еще выглядела растерянной.

— Марина, мне нужно поговорить с вами и вашим мужем наедине. Когда это будет удобно сделать? Это касается здоровья вашего ребёнка.

Она кинула быстрый взгляд на разуваящегося пацана и неуверенно произнесла:

— Матвейчик здоров... Так вы из поликлиники? Ваше лицо мне кажется знакомым, но...

— Нет. У меня другая информация. Я в вашем городе проездом и по времени ограничена. Так когда мне прийти?

— Ну, давайте вечером, часов в семь.

— Хорошо, — я начала обуваться.

— Пойдите, вы меня прям выбили из равновесия. Может, сейчас поговорим?

— Давайте не при ребёнке, и мужу вашему тоже неплохо было бы услышать все самому.

Да, я позорно сбежала. Может, к вечеру соберусь с мыслями, если к такому вообще можно подготовиться.

Нервная у меня работа. Сама придумала — сама понервничала. Отличный план.

Навещу-ка я лучше своих любимых старичков. Они истерик закатывать точно не станут. Очень воспитанные и добрые люди.

Чета Ивановых жила за городом в небольшом симпатичном доме. Заходя в такой, ощущаешь его тепло и уют, настоящий семейный очаг, куда всегда хочется возвращаться.

Ивановым было хорошо за шестьдесят, у них было несколько детей, а внуков и вовсе на целую футбольную команду. Но, несмотря на прожитую долгую, полную забот жизнь, они до сих пор любили и берегли друг друга. Это было видно по их взглядам и тёплым улыбкам. Именно их любовь меня сюда и привела.

Дело в том, что у Тамары Сергеевны начала развиваться болезнь Альцгеймера. Образ жизни она вела закрытый, поэтому заметили отклонение, когда было уже поздно. Несмотря на уже начавшееся лечение, она ушла из дома и попала под машину. Сергей Геннадьевич не смог простить себе, что недоглядел за женой, и своими терзаниями свел себя в могилу.

Мою сбивчивую историю Ивановы выслушали совершенно спокойно, более того, не разозлились, не усомнились в моих словах ни разу.

— Я начал подозревать нечто подобное, замечал, что Тamarочка стала рассеянной, забывает некоторые вещи, но я и сам не безгрешен, даже в голову не приходило, что все так плохо. Спасибо вам, милая девушка, за ваш такой нужный талант и за вашу решительность, за то, что пришли. Мы обязательно оба пройдем обследование и начнем лечение. Мы с Томочкой хорошо пожили, детей на ноги поставили, но такой участи никому не пожелаешь.

Женщина сидела понурившись, словно из нее вынули стержень, ее закалки не хватало, чтобы принять удар судьбы. Хорошо, что рядом у нее есть твердое плечо мужа. Она долго

молчала, затем тихо произнесла:

— Анна, я вам очень благодарна, но у меня к вам есть просьба: у моей подруги внучка Машенька, красивая, умная девочка. Пару лет назад начала происходить какая-то чертовщина: из девочки утекает жизнь, как вода сквозь пальцы. Посмотрите её пожалуйста?

Такой подставы я не ожидала.

— Ой! Вы понимаете, эти сны, в которых я вижу будущее, хаотичны. Я бы рада помочь всем, но это так не работает. Я вряд ли что-то подскажу вашей девочке, если профессионалы врачи не выявили её болезни.

— Милая, я все понимаю. Это тебя ни к чему не обяжет, ведь можно просто посмотреть? Они живут здесь рядом, много времени не займет.

Отказать я не смогла.

Как же стремно обманывать таких добрых и милых людей. Давать им хоть кроху надежды, не имея на это никаких оснований. С другой стороны, отличная тренировка. Если уж собралась на «Битву экстрасенсов», наверняка придётся столкнуться с подобной ситуацией, когда знания из прошлого мне не помогут и придётся включать на максимум весь свой природный актёрский талант.

На кровати лежало хрупкое, прозрачное создание. И не скажешь, что моя сверстница. Уж я-то мелкая, а эта аж просвечивает. Чистый скелет. Погано-то как... А сколько надежды во взглядах девочки и её родных. Отказаться не представлялось возможным. Натянув дежурную улыбку, попыталась выведать у девочки максимальное количество информации. Отвечала она охотно, даже с интересом.

Маше оказалось семнадцать лет, серьезные проблемы со здоровьем начались примерно два года назад, никаких инцидентов перед этим не было. Мы мило пообщались на общие темы, я провела общие поверхностный терапевтический осмотр, расспросила о её самочувствии. Никаких, даже самых нелепых предположений о характере заболевания у меня не было.

Просмотрела кипу медицинских карт и обследований.

Прорисовали с ней ее страхи, попробовала пару психологических приемов. Здоровый и, как ни странно, счастливый и довольный жизнью ребенок. Нонсенс! Так не бывает.

Ситуация меня, честно, озадачила. Помочь хотелось до ломоты в кулаках. Но, увы.

В отель я вернулась в растрепанных чувствах. Наскоро перекусив и утихомирив разбушевавшуюся совесть, продолжила свой рейд.

К семи я вернулась в квартиру Матвея. Родители были на взводе. А для меня на этот раз ситуация мальчика выглядела несколько иначе. Ему ещё можно помочь! О чём я и рассказала родителям.

Реакция, как я и ожидала, последовала бурная. Узнала о себе много нового, хотя, похоже, пора начинать к этому привыкать. Не знаю, как отец ребёнка, настроен он был крайне негативно, видимо, жена, оставленная мной в раздразе, за день его так надергала, что на меня он излил все накопившееся негодование под остаток.

Мать Матвея, как мне показалось, крепко задумалась. В любом случае я им подробно расписала, где и у кого пройти обследование, написала диагноз, схему лечения. При необходимости операции перечислила несколько светил медицины, которые в состоянии им помочь.

Уже под конец, когда я устала слушать вопли папаши, встала и хотела уйти, женщина

сунула мне в руку клочок бумаги с номером телефона. Раз уж я здесь буду до конца недели, позвоню, притушу свою совесть. Здесь все от себя зависящее сделала.

А вот ситуация с девочкой Машей не давала покоя. Такое близкое мне, и такое чуждое в этом счастливом мире горькое чувство обреченности и безнадёги. Хуже нет, когда болеют дети.

Ночью мне приснился сон.

На мне белые одеяния. В теле легкость и расслабленность. Знакомая белая комната, уютный диван, вальяжно лежащая на нём волчица. Пока я озиралась, волчица заговорила первой:

— Хорошие сказки ты рассказываешь.

От легкости не осталось и следа:

— А что еще прикажешь мне делать? Что за тело вы мне подсунули? Серьезно? Да я же даже не подросток! Я карлик! Вот в этом мне идти менять историю? Seriously?

Волчица смотрит спокойным, пробирающим до костей, взглядом, и слова словно замерзают в горле.

— В теле девочки, которое тебе досталось, спит сильный дар. При длительном контакте ауры с кольцом, родовая сила начинает оживать. Если бы Анна при жизни носила это кольцо, она бы смогла себя защитить.

— Получается, в кольце все дело? Без кольца я беззащитна? Прекрасно...

— Сила в ауре. Твоя аура сейчас словно треснувшая скорлупа, через которую пробивается росток. Лишь крохотные отголоски силы ты можешь почувствовать сейчас.

— Я каким-то образом заморозила мужика, который мне угрожал. Раньше я так не умела. Я стану еще сильнее?

— Тебе нужно учиться.

— Чему? Это гипноз, да? Или что? Я бы и рада! Где же мне найти учителя?

— Скоро ты собираешься принять участие в испытании. Все это, конечно, ерунда. Но там ты встретишь своего будущего учителя.

— Там будут сотни людей. Как я его узнаю? Это мужчина?

— Он сам тебя узнает. Он давно тебя ждет. Ты выбрала правильный образ и правильную историю. Только помни: если ты не умеришь гордыню, не будешь уважать своего учителя — он уйдет. На этом свою миссию в этом мире можешь считать проваленной. Как бы ты потом ни спешила все исправить, не успеешь. Слушайся его во всем. Учись слышать.

Комната начала медленно таять.

— Подожди! Насчет той девочки...

— Это неважно.

— Мне важно! Помоги!

После недолгого молчания я услышала:

— Порча на ней сильная. Ее мать мужа у ведьмы увела. Если не снять порчу — девочка умрет. У тебя нет опыта. Слишком опасно.

— Я готова рискнуть. Что мне делать?

На некоторое время наступила тишина. Волчица и так общалась со мной, не размыкая рта, как это привычно у людей, слова словно транслировались напрямую в мой мозг.

Я уже решила, что продолжения не будет, как в голове появился ответ.

— Какому богу ты поклоняешься? — Ответить я не смогла, но, видимо, мои мысли были настолько громкими, что и не требовалось. — Иди в его дом. Надень его оберег. Каждый раз роняя кровь, девочка теряет жизненные силы. Купи отраву для крыс, окропи ее кровью ребенка и разложи в ее комнате по углам. Прочитай на каждый угол комнаты

молитву.

Капец... она серьезно?

— Крысу, что сдохнет, отнеси на пустырь за домом и сожги. Все время пока горит пламя, читай молитву. Божье слово и вера оберегут от перекидывания порчи на тебя.

И... я проснулась.

Твою мать... что за бред? Что за бред, я спрашиваю? А если это мои глюки и ничего не получится? Где сон, а где реальность? В принципе, подумаешь, со мной разговаривает волк, так-то я и сама нахожусь в чужом теле.

Ну, сожгу крысу под молитву. Эка невидаль.

Кажется, у меня начал дергаться глаз...

В церковь я шла, намотав на голову платок и надев большие солнцезащитные очки. Мне казалось, что все знают, чем я собираюсь заниматься, и смотрят осуждающе.

Я не верю в Бога. В прошлой жизни, пройдя нелегкий путь, видя страдания и смерти сотен, может быть, даже тысяч людей, без конца молящихся и просящих легкой смерти, я бы сказала, что никакого Бога нет. Да, в периоды глобальной задницы в моей жизни я молила о пощаде, о милости, но не конкретно и адресно к кому-то обращаясь, скорее для успокоения души. Ведь ситуации были безвыходные и неразрешимые.

Допустим, есть некие высшие силы, и я должна им полностью довериться. Но если веры нет, как же все это сработает?

Тяжко вздохнув, я толкнула дверь церкви.

В помещении царил приятный полумрак, не было ни единой живой души. Это меня воодушевило. В церковной лавке купила два самых простых крестика и две свечи. Обойдя зал по кругу, нашла таблички «для тупых», где ставить за здравие, а где за упокой, прочитала молитвы, тут же заботливо приклеенные на стене.

Но покоя мне это не добавило.

Непонимание и ощущение неправильности нервировали. Пометавшись от иконы к иконе, в сердцах махнула рукой и собиралась уже уходить, как меня окликнули.

— Здравствуй, дитя. Тебе помочь? — ко мне обратился батюшка, стоящий у одной из икон, которого я сперва не заметила.

Я несколько растерялась.

— Да, — слова вылетели быстрее, чем мозг оценил ситуацию, — моя подруга умирает, мне сказали, что помочь ей может только вера. Но ни она, ни я не верим. Я не знаю, что делать, — протянула к нему разжатую ладонь, на которой лежало два крестика.

Батюшка, взяв меня за руку, подвел ближе к свету.

— Знаешь ли ты, дитя, что обозначает христианский крест? Это орудие смерти. Сын божий Иисус умер, распятый на нем в страшных муках. Крест — это символ, напоминающий нам, какой ценой прощаются наши грехи. Это символ воскрешения и вечной жизни. Тело даровано нам, чтобы при жизни мы благими намерениями обелили свою душу, укрепили веру. Душа наша бессмертна. — От его слов я вся сжалась, мне стало жутко, казалось, он видит меня насквозь. — Открой свое сердце Господу нашему. Вера, она в твоём сердце. Она и охранит тебя и твою подругу. — Он надел крестик мне на шею. — Иди с миром, дитя.

На негнущихся ногах я поковыляла на выход. Сама не поняла, почему так сильно на меня подействовали слова этого человека.

Но выйдя из полумрака во двор, освещенный ярким весенним солнышком, вдохнув полной грудью сладкий воздух, я испытала наконец облегчение.

Какими глазами на меня смотрела мама Машеньки, когда я попросила порезать той палец и покапать кровью на отраву для крыс, не передать. Правда, после некоторого замешательства, та словно сдалась и рукой махнула, мол, куда уж хуже. Делайте что хотите.

Маша же преисполнилась энтузиазма и готова была хоть руку, хоть ногу резать. Нанесение легких телесных перенесла стоически.

А когда я закончила с ритуалом возложения чудо-средства по углам и немного ступевалась, не зная, что же делать дальше, Маша предложила посмотреть ее работы. В свободное время девочка рисовала.

Не прошло и пяти минут, как Маша крепко схватила меня за предплечье. Я была увлечена разглядыванием рисунков и не поняла, что произошло. Когда Маша с расширенными от ужаса глазами одними губами лишь прошептала:

— Там...

Каких усилий мне стоило не заорать во всю мощь легких, одному богу известно. В середине комнаты лежала огромная крыса. Если бы не мерзкий длинный хвост, я бы подумала, что это небольшая кошка.

Мы замерли, схватившись друг за друга.

Крыса не двигалась.

Шли секунды. За дверью раздались приближающиеся шаги:

— Девочки, вы закончили? Я печенье испекла, — в комнату вошла жизнерадостная хозяйка квартиры, но, завидев крысу, запнулась на полуслове и нещадно завопила.

И тут плотину прорвало. Следом заверещала Маша. А потом и я. А что я, не девочка, что ли? Мне тоже страшно! Не каждый же день такая дичь творится.

Не знаю, сколько мы так орали и кто опомнился первым. Но шуму наделали знатно. Надеюсь, соседи на работе и полицию не вызовут.

А мне ведь ее выносить и жечь. Фу, мерзость...

Когда я вернулась с поля, на меня уставилось два немигающих вопрошающих взгляда.

— Я не знаю. Вы сами все видели! Что увидела во сне, то и сделала. Я первый раз такое жгу!

И тут, видимо, маму Маши окончательно отпустило. И она подошла ко мне с обнимашками.

— Прости меня, девочка, такая чертовщина творится, уже не знаешь, во что и верить. Будем надеяться на лучшее.

Наконец-то можно выдохнуть.

Итог дня: добрые дела делать очень утомительно.

На следующий день я решила прозондировать почву на предмет готовности профессора Попова к написанию диссертации по уникальному случаю лечения дальтонизма.

Родной университет встретил меня распростёртыми дверями и отсутствием какой-либо пропускной системы. Золотые времена! Ни тебе параноидально-психических подозрений в каждом встречном, ни терактов, ни заложенных бомб. Фантастика.

Настроение отличное. Рассматриваю студентов, таких беззаботных и счастливых от нечаянно привалившей лафы. Родные стены, в которых я проучилась шесть лет и ещё два года защищала работу у профессора, встретили знакомым антуражем. Хотя что-то в этом мире неизменно.

Кафедра медицинской психологии находилась всё так же на втором этаже в правом крыле главного здания. Дождавшись большой перемены, я подошла к профессору и обрисовала представившийся случай, пошагово расписав схему лечения и перспективы защиты работы по данной теме. С каждым произнесённым словом глаза профессора разгорались нездоровым азартом.

Я знала, что он грезил идеей научного признания и все время искал варианты, но в ближайшие семь лет другой темы для работы он так и не нашёл.

— Аннушка, как же я счастлив, что вы пришли! Ведь был у меня вчера Григорий! Он мне тут такого нагородил! Я ничего из его слов не понял. Вы представляете, что он мне предлагал? А, — он махнул рукой, — бог с ним. Куда он теперь от нас денется? Вы себе даже не представляете, какое богатство вы мне подарили. Мне нужно срочно всё записать. Давайте в какой-нибудь кабинет. Главное, ничего не забыть. Как вы говорите... да-да-да... Ну что же вы? Пойдёмте скорее. Нужно отменить пару. Нет. Какая же сейчас у меня группа? Анна, ну что вы как неродная? Проходите скорее.

Профессор достал большой носовой платок и слабо трясущимися руками утёр бисеринки пота, выступившие на висках и лысеющей макушке.

— Да не волнуйтесь вы так, всё будет хорошо, я точно знаю, вам это по плечу.

— Вы не понимаете... Таких научных работ ещё не было...

— Больше вам скажу. В ближайшие годы и не будет. Я вам подскажу ещё одного человека с похожим симптомом, но это очень молодая девушка и очень стеснительная. На данном этапе она может отказаться с вами работать. Лучше будет, если вы сперва наработаете базу и придёте к ней уже с готовым материалом.

— Что вы, Аннушка, я просто настолько рад, что не знаю, за что хвататься. Давайте с вами попьём чаю, разложим по полочкам план наших действий. Что-то нехорошо мне. Таблеточку надо выпить.

— Отлично. Мне кажется, в вашей лаборантской есть телефон, верно? Можем позвонить Григорию, пусть подходит, его это тоже касается.

— Верно, верно.

Пока мы пили чай, подъехал и Григорий. У профессора эта пара была последняя, да и студентов он отпустил. Сказал, настолько перевозбужден, что ни о каких лекциях не может идти и речи.

Пока профессор суетился, а я тихо сидела в уголке, грея в руках чашку, меня посетила

светлая мысль, что ни в коем случае нельзя дать понять профессору о моих «сверхспособностях». Он в суете это упустил, но хватка у него зверская. Прямо здесь разложит на лабораторном столе и препарирует как лягушку.

Планы — это прекрасно, но почему-то в моем случае они не работают.

Григорий, как чувствовал, с порога громогласно заявил:

— Профессор, это же потрясающе! Вам когда-нибудь встречались такие уникальные люди? Анна, вы просто чудо. Вы мой ангел-хранитель. Это проблема поставила крест на всей моей жизни, я уже и не мечтал...

Профессор, словно очнувшись, внимательно посмотрел на меня:

— Действительно, а откуда вы узнали?

Повисла мхатовская пауза.

— Профессор, у меня, как у девушки, могут быть свои маленькие секреты? Завтра, между прочим, мне уезжать. Давайте сосредоточимся на нашей работе.

— Как уезжать? Не отпущу. Вы что? Я возьму вас на кафедру! Я все устрою. Мы будем вместе писать этот труд! Это прорыв! Это премия...

— Спасибо, конечно, мне очень лестно, но не в этой жизни, — сама усмехнулась своей «шутке». — У меня другие планы и цели. Приступим?

Профессор, бормоча себе под нос что-то вроде «феномены нынче пошли спесивые», расположился на рабочем месте и приготовился делать заметки по ходу нашей работы.

С кафедры мы выползли только после пяти. Не знаю, как мужчины, а я была выжата досуха. В процессе обсуждений профессор неоднократно нырял в различные учебники, ссылаясь на труды известных учёных и каждый раз всплескивал руками и неимоверно удивлялся, как такие очевидные вещи прошли мимо светлых умов человечества. Всё гениальное просто — вот аксиома веков.

Пока Юрий Сергеевич терзал Григория и спорил сам с собой, я листала разложенные на его столе книги. На кафедре психологии можно было открывать свой филиал библиотеки. Профессорский состав здесь подобрался сильный и увлечённый, каждый вносил свою лепту, собирая подборку научных трудов.

Одна из книг, довольно старая, отозвалась под моими пальцами лёгким покалыванием. Каково же было моё удивление, когда, раскрыв ее и попав на раздел «гипноз», я ощутила в ладонях настоящий жар. Испугавшись от неожиданности, резко захлопнула книгу. Видимо, получилось громко, потому что оба мужчины замолчали и подняли на меня головы.

— Профессор, вы должны подарить мне эту книгу.

— Позвольте, — он забрал книгу из моих рук, приподнял очки и повертел её перед носом, разглядывая. — Она не моя, но, думаю, нет ничего невозможного. Берите, Аннушка, с хозяином я как-нибудь договорюсь.

Так что выходила из университета я с подарками и до нельзя довольная. Уже на выходе Григорий поймал меня за руку и отвел в сторону. Протянул мне конверт.

— Спасибо, Анна. И да, это не последние, — подмигнул и улыбнулся.

Зайдя в гостиничный номер, я с разбегу упала на кровать и вытянулась в форме звезды. Эти дни выдались крайне суматошными и эмоционально-затратными. Валяясь и перебирая в голове итоги прошедшего дня, начала проваливаться в сон. Но нет, так просто это не работает.

Раздался звонок телефона с прикроватной тумбочки. На автомате протянула руку и

ответила на звонок:

— Анна? — женский голос.

— Да. Кто это?

— Я вас засужу! Слышите? Вы шарлатанка. Как вы посмели являться в наш дом и угрожать моему сыну?..

— А, госпожа Маркова...

Тяжёлый случай. Мать Александра продолжала распинаться и брызгать слюной в ни в чём не повинную трубку. Прервать этот поток словоблудия не представлялось возможным, поэтому я просто положила трубку. Звонок раздался вновь, пришлось вставать и выдергивать аппарат из розетки.

Ну что за люди? Только настроение испортила. И сон развеялся. Всё. Надоело. Завтра я отсюда сваливаю.

Пока я перебирала свой скудный гардероб, сетуя, что не удосужилась его обновить, да соображала, гдк бы мне сегодня поужинать, в дверь отчаянно застучали.

На пороге стоял Марков. Да вы издеваетесь?

— Анна, я прошу у вас прощения, мама на взводе. Все ваши слова подтвердились, а у неё, кроме меня, никого нет. Вы простите. Могу я войти?

Ну конечно, они мне будут гадости говорить, а я их встречать хлебом с солью.

— Это неуместно. Я собиралась спуститься в ресторан и поужинать. Если хотите составить мне компанию, ждите там.

А заодно и проспонсируете, ха-ха.

Ресторан был под стать гостинице, относительно отделан, и разнообразие меню не могло не радовать. Заказала себе всего и побольше, надеюсь, Александру нет дела до маленькой залетной обжоры.

— Александр, вы же понимаете, что мои знания неточны, их нельзя принимать за аксиому, я буду счастлива в чём-то ошибиться. Тем не менее молчать не могу. Так вышло, что судьба выбрала вас и подтолкнула меня в нужном направлении. На данном этапе ваша опухоль операбельна, я бы даже сказала, что с такими новообразованиями живут годами, и лучше её не трогать. Но, увы, это не так. У вас есть все возможности провести ряд обследований и убедиться, что операция необходима. Можно сколько угодно строить иллюзии, но проверка может слишком дорого обойтись.

— Вы абсолютно правы. Я вас услышал с первого же раза, как и специалиста, который делал МРТ. Я приму все необходимые меры. И я вам очень благодарен, — он залез во внутренний карман пиджака и достал конверт, — суммы мы с вами не обсуждали, но, надеюсь, моя благодарность вас не оскорбит.

— Спасибо.

А душа-то ликует. Денежки, идите ко мне, родненькие. Главное держать лицо! А вот не буду оправдываться. Пусть думает, что хочет.

Деньги приятно согревали мой карман, вкусная, халявная еда заходила влет, Александр оказался приятным собеседником, вечер становился отличным завершением дня.

— Александр, — мы уже прощались в холле гостиницы, и меня осенило, почему я ни разу не видела его матери, когда в прошлой жизни посещала его на больничном. — Если хотите нормальную семью, вам нужно отселиться от матери. Двух женщин одновременно в вашем доме быть не может. Это не мое дело. Просто информация вам к размышлению. До свидания.

Как же навязанные с годами установки мешают нам жить. Мужики за тридцать, а всё никак не сепарируется от матери. Какая нормальная женщина вынесет такую конкуренцию? И ведь сами мамы в этом и виноваты. Сначала долбят себя в грудь, с лозунгом «яжемать», не давая самостоятельно и шага ступить. А вырастет чадо, долбит уже его: «Заведи семью. Хочу внуков». При этом сами продолжают держать на таком коротком поводке, что мужик вздохнуть лишний раз боится. Сами роют ямы, сами же в них с удовольствием себя и закапываем.

Неужели дела в этом городе закончены? Я добилась своего, нашла лёгкий способ и получила стартовый капитал. Рулетка любит отчаянных, но не самоуверенных. Надо знать меру. Ведь людей, которые пожелают воспользоваться моей уникальностью, немало. То, что до сих пор этого не произошло, лишь случайность и фарт.

Хотя больше всего пугало меня не это. Меня тянуло, словно за волосы, к семье. Я готова была поставить всё на zero, ради единственной партии. Ещё один раз обнять сына и мужа.

Внутреннее чутьё вопило, рвало душу на куски, что так нельзя, это ошибка, сейчас миссия спасти их, а не угробить свою семью раньше на несколько лет. Поэтому, чем дальше я буду от них находиться, тем выше вероятность, что у меня получится задуманное.

Благо сегодня судьба была на моей стороне: через пару часов отходил поезд в нужном мне направлении. Спокойно собравшись, я добралась до вокзала, купила билеты и присела на лавочку, жмурясь в лучах весеннего солнышка.

Меня словно что-то толкнуло. Открыв глаза, даже не поняла. Кажется, меня пригрело, и я на какое-то время провалилась в сон. Ну надо же! Вот что значит здоровый молодой организм. Где поставят, там и спит.

Который час? Поезд, надеюсь, не проспала? Я завозила в поисках своего рюкзака. Вещей рядом не было. Твою мать! Да ладно? Серьёзно? Вот так по дебильному дала себя облапошить? Ты там прикалываешься?

Я задрала голову к небу, не зная, то ли смеяться, то ли плакать. Что делать?

Увидела вокзальные часы. Прошло каких-то минут десять. Как я могла так крепко заснуть и не слышать ничего? Блин! Неужели всё зря? Из глубины души начала накачивать злость. Да, я легко получила эти деньги, может быть, даже обманным путём, и что? Я одна играю в эту войну. Что ещё мне прикажете делать? Строить из себя пришествие второй Ванги? Может, ещё глаза себе выколоть? Чёрт, чёрт, чёрт!

Я не согласна! Где мои деньги? ВСЕ! МОИ! ДЕНЬГИ!

Я зажмурилась и закрыла руками глаза. Попыталась сконцентрироваться. Шум вокзала и крики сбивали. Но где-то на задворках сознания вилась тоненькая ниточка.

Меня качнуло в сторону небольших построек. Проверить? Что я теряю? Разве что дадут по башке. Хотя, убегу. Должны же быть у этого тела хоть какие-то бонусы?

Я шла небольшими шагами, всё время прислушиваясь ко внутреннему компасу. Мимо перрона, вдоль построек, по рельсам боковой ветки, мимо запасных вагонов. Нить в моем сознании становилась все ярче, я уверенно чувствовала направление движения, пока не пришла к заброшенному двухэтажному строению. Выщербленное крыльцо, отсутствие части окон, покорёженная, с облезлой краской дверь — всё свидетельствовало о том, что моя кукушенька ушла на каникулы. Здоровый человек один сюда явно не полезет, тем более, предполагая, что внутри есть кто-то совершенно не жаждущий встречи.

Стараясь ступать на носочках, я вошла на первый этаж и прислушалась. Где-то недалеко в соседней комнате слышалась возня. Подобравшись к проходу, осторожно заглянула внутрь.

В углу на каких-то тряпках и картонках сидел реальный бомж. И опять меня стали одолевать сомнения. Может, я сюда по запаху пришла? Неужели вот это так просто стянуло мои вещи?

Подобрав среди обломков под ногами кирпич поувисистее, я шагнула в комнату:

— Сумку мою верни.

Хозяин данных хором гостей явно не ждал. Дёрнулся, но запутался в своих же тряпках. Да он бухой в умат. Неужели успел за те полчаса, что я его искала, так нажраться?

Уже не сомневаясь, подошла к куче тряпья и начала распинывать её в стороны.

Ну точно! Выхватила свой рюкзачок, заглянула внутрь: нет кошелька.

А деньги клиентов так и лежат завернутые в отдельный пакет на дне. Человек, или то, что от него осталось, невнятно замычал и начал тянуть ко мне руки. Я отпрыгнула. Дорожная сумка с основными вещами была разворошена, и часть одежды рассыпалась по полу.

Какая же здесь вонища! Нет. Не хочу я этого касаться. Проще купить всё новое.

— Ты! Слушай сюда! — я вытянула руку в сторону человека на полу. — Слушай и запоминай! Ты больше никогда не будешь пить алкоголь! И воровать тоже не будешь! Вернешься к человеческой жизни. Найдешь работу. Будешь помогать людям!

Увидела в углу книгу профессора. Вот ее я заберу. К остальному не притронусь!

Выбежав на улицу, долго не могла отдышаться, сбивчивым скорым шагом двинулась в обратный путь. Всё время озиралась, казалось, что меня преследуют. И всё не верилось, что всё обошлось. Грудь моя ходила ходуном, на лбу проступила испарина. Что я там наколдовала? Получилось ли?

Плутая между вагонами, поняла, что заблудилась. Что за бесячий день? Попробовала сконцентрироваться на чувстве навигации вновь. Ничего не получалось. Видимо, нет конкретного предмета для поиска, вот и не могу уловить направление. Что там было? Лавочка, на которой я сидела? Нет. Мало я уделила ей внимания: не помню ни форму, не цвет. Меж тем я всё шла вдоль вагонов. Пыталась вспомнить кассиршу, дедка-охранника на входе в здание, продавщицу пирожков — всё тщетно. Какая-то искорка загоралась на задворках сознания, но тут же меркла.

Начала накатывать жуткая усталость в совокупности с пережитым стрессом, я уже еле волочила ноги. Ещё не хватало свалиться под колёса мимо проезжающего поезда и так бесславно спустить новую жизнь. Наконец надо мной сжалились, и я вышла к перрону. Сил не осталось от слова совсем.

— Анна, — кто-то окликнул меня.

Но сознание, игравшее сегодня явно краплеными картами, решило меня покинуть, не дав отыгратися даже на последний кон.

Свет померк.

Проснулась я от того, что кто-то меня бил по щекам. Уворачиваюсь, сознание выныривает из темноты с большой неохотой. Когда очертания складываются фигуру, вижу перед собой Наталью, мать Машеньки.

— Слава тебе, Господи, Анна. Как вы меня напугали. Что произошло? Я так торопилась. Только сегодня удалось снять деньги. В гостинице я вас не застала. Что с вами? Вам плохо?

Речь её сбивчивая, она очень волнуется.

— Сейчас... Дайте прийти в себя. У меня поезд.

— Какой поезд? Домой поедем. Вы посидите здесь. Я найду такси.

Когда в такси я более-менее прихожу в себя, Наталья снова начинает совать мне в руки конверт.

— Что это?

— Вы извините, здесь немного... Если бы я только знала... сколько же мы раздали шарлатанам...

— Уберите, ничего не нужно.

— Пожалуйста. Я от чистого сердца. Вы мне дочь спасли. Это не последние. Возьмите не обижайте меня.

Молча беру. Эти разговоры меня утомляют. Почему так всегда? У кого много — копейку не выпросишь, а вот так люди отдают последние, и ни тени сомнения. Ведь на дело.

До вечера отлёживаюсь на выделенном мне диване в зале. Благодарные родственники своей заботой уже конкретно подбешивают. Рада я за них, конечно, но чувствую себя обманщицей. Не умею я принимать благодарность. Заплати и до свидания. Зачем сто раз одно и то же? О-о-о-о...

Уехала бы по-тихому, так нет. Никак меня не отпускает этот город.

В комнату входит Маруся, улыбается. Заметно, что ей лучше: на щёчках румянец, хорошее настроение. Принарядилась.

— А нас Ивановы на шашлыки позвали! Ты любишь шашлыки?

— Конечно, люблю. Только вот надеть мне теперь нечего. Пропала моя одежда.

— Хочешь, я тебе свою юбку дам? До болезни я не была такой худой. У меня много юбок.

Смеюсь.

— Нет, Машуль, так пойду. Ничего, потерпят оборванку.

На семейном празднике оказывается неожиданно многолюдно. Похоже, вся семья в сборе. Всеобщее внимание мне не нравится. Меня отзывает в сторону сын Иванова Демьян.

— Анна, отец мне всё рассказал. Мы вам так благодарны...

Бла-бла-бла-бла-бла...

Да что же я за свинья-то такая неблагодарная? Люди мне спасибо говорят, а я нос ворочу.

— Рада, что смогла помочь. Давайте уже не будем об этом? Вечер такой чудесный. Ну что мы все о работе?

— Да как же так? Вы вот возьмите... — он протягивает мне конверт.

В какой момент всё пошло наперекосяк? Деньги — это же хорошо? Может, я просто устала.

Видимо, на моём лице отражается что-то такое, что мужчина вновь начинает оправдываться и извиняться.

Я молча беру деньги, лишь бы он замолчал.

— Да-да. Спасибо.

Собираюсь уходить.

— Анна... подождите... понимаете, у меня такая деликатная проблема... может быть, вы мне как-то поможете?

— Нет. Я не могу помочь ни вам, ни кому бы то ни было из здесь присутствующих. Мои видения хаотичны. Ваших родителей я вижу второй раз в жизни. Я не могу этим управлять.

— Может, всё-таки попробуете?

— Извините. Нет, — разворачиваюсь и ухожу.

Валить! Отсюда надо валить!

Не успеваю сделать и пары шагов, как меня под руку хватает молоденькая девушка и тянет в дальнюю часть двора на садовые качели.

— Аня! Ты должна не помочь! Найди мне жениха! Хочу удачно выйти замуж, чтобы один раз и на всю жизнь!

За что-о-о-о??

Девушка продолжает заливаться соловьём, перечисляя приметы будущего суженого. Я же просто ухожу в свои мысли.

Этот город дал мне много возможностей. Но и преподнёс хороший урок. Мне нужно учиться. В том числе и общаться с такими вот клиентами. После программы про экстрасенсов они попрут табуном. И это либо большие деньги, либо фееричный провал.

Я даже пробую сосредоточиться и увидеть будущего мужа этой девушки. Увы. Только начинает болеть голова.

— Не могу. Извини.

Встаю и иду на выход. Меня перехватывает Наталья, но я ссылаюсь на головную боль, вызываю такси и еду в уже знакомый отель.

Номер, в котором я до этого жила, за мной уже не числится, и ценник на него, оказывается, кусучий. Снимаю обычный. Завтра меня здесь уже не будет. Город начинает просто душить.

Сама не понимаю почему. Живи да радуйся. Дома меня никто не ждёт, но что-то гонит в столицу. И это что-то нехорошее.

Сегодня мне с расписанием так не повезло. Поезд будет только вечером. Нужно чем-то себя занять.

Так как из всей одежды у меня осталась лишь пачка денег, так тому и быть.

Как лечить хандру молодой девушке при деньгах? Правильно! Шоппингом! Оторвусь! Я уже и забыла, что это такое. Где же у нас тут в 2006 году люди-то одевались?

По пути к торговому центру, внимательно всех рассматриваю. Я реально забыла, что была такая мода. Многие женщины в юбках и в платьях. Молодёжь, конечно, носит джинсы, но всё равно девочки выглядят женственно. Многие на каблуках. Мужчины в большинстве своём аккуратно пострижены и гладко выбриты, никаких бородачей.

Я же, кроме бесформенных толстовок из стиля унисекс, когда непонятно, парень перед тобой или девушка, да ещё и с волосами непонятного кислотного цвета, другой моды и не помню. Как вошли в моду в двадцатых неформалы, да так и остались. А там война, вечный стресс... не до моды людям стало, не до радости.

Но и щеголять в платье или юбке я не готова. Тело, может, и новое, а старые привычки придётся вырывая с корнями, и это далеко не быстрый процесс.

Дожила. Бурчу как бабка старая. Не может так девочка восемнадцатилетняя рассуждать. Нужно срочно практиковать пылающий энтузиазмом и жаждой жизни взгляд. А то со скепсисом своим к двадцати пяти морщинами покроюсь как шарпей. Хохотнула, представив свое новое тело в старушечьем облике. Маленькая собачка до старости щенок.

Зацепилась взглядом за свое отражение в витрине. Джинсы, пуховик, кеды и хвостик от моих недовосемнадцати оставляют хорошо если пятнадцать. Дитя дитем. Не то что пиво, журнал для взрослых не продадут. Нужно срочно и стиль одежды менять, и прическу. Сколько уже я в этом теле нахожусь, Только-только обгрызенные с заусенцами ногти в порядок привела. Страсть что было. И работы впереди непочатый край.

Замоталась я с этими магическими штучками. Люди не могут такую внешность воспринимать всерьез. Хорошо иметь сменную, неприметную детскую личину. Но сейчас мне нужен строгий брючный костюм, хорошие удобные туфли на каблуке и приличные аксессуары к ним.

Новый лук, словом.

Также нужно прикупить косметики. Пользоваться ей я умею, придам себе возраста красками. Кукольное лицо в совокупности с низким ростом в путешествии в одиночестве мне совсем не помощники. Сюда ехала, чудом неприятностей избежала. Купейных вагонов не было. В плацкарте гуляла компания парней. Хорошо, в попутчицы достались бабки-соседки. Не знаю как, но парней они отвадили на раз. Да и сама не искала приключений, всю дорогу с верхней полки не слезала.

Хожу по торговому центру пару часов, с удовольствием рассматриваю и примеряю наряды. Действительно, есть в этом определённый шарм — тратить деньги на себя любимую.

В принципе, я знала, чего хочу, и справилась довольно быстро. Но вот проблема! Мне нужно себя занять ещё чем-то на целых шесть часов!

Новый образ я продумала еще в больнице.

Сперва хотела сыграть на кукольном личике и маленьком росте, нарядившись куклой из

фильма ужасов. Сто процентов запоминается, да и педофилов заодно отпугнет. В том, что они будут, даже не сомневаюсь.

Обратная же сторона магического притяжения такова, что обычные люди будут бояться. Да будут «кусать кактус, колоться и тут же в панике давать по газам». А мне-то нужна отдача. Я собираюсь сделать имя, бренд и далее этим пользоваться не один год. Шарахающиеся потенциальные клиенты мне не нужны. Мне нужны преданные фанаты.

Хотя... девочка-гот... постебалась бы над чинушами знатно... Или девочка «из звонка» им бы еще долго снилась ночами.

После всех этих фокусов с гипнозом, после сна с волчицей в голове нарисовался определенный образ. Он должен завораживать чем-то неземным, воздушным, на первый взгляд, не несущим опасности, но в то же время не позволяющим лишний раз протягивать руку и трогать.

В памяти всплыл образ Киселевой из передачи «Слабое звено». Какой же сучкой она казалась зрителям. И это привлекало и завораживало. А ее вид строгой училки держал на расстоянии. Непрístupная магическая красота — вот моя цель.

Визуально же прототипом моего будущего образа была белая волчица. Вот кто меня надоумил. Выкрашу волосы в кипенно-белый цвет. Кожа после зимы и больницы тоже белоснежная. Хотя, конечно, жрать как не в себя пора заканчивать. Глазом не моргнешь, и с таким ростом вместо Дюймовочки придется отыгрывать Колобка.

Для большего контраста с окружающей блеклой действительностью добавим белоснежную необычную одежду. И накидку из белого меха.

Отстраненный вид, размеренный, глубокий, уверенный голос. Рассуждения не по годам. Думаю, это будет то, что надо.

Ангел с дьявольским содержанием. Притягательно и пугающе одновременно. Еще над спецэффектами подумаем, и вообще конфетка выйдет.

После салона красоты я не удержалась и рассмотрела себя в зеркало.

Подобрать одежду на мои параметры оказалось непросто. Но длинные торговые ряды, пестрящие разнообразием предложений, сделали свое дело. Даже примерка «на картонке» меня не смутила. Таков Путь.

В ростовом зеркале я видела молодую, цепляющую взгляд и, безусловно, выделяющуюся из толпы девушку. В бежевом брючном костюме. Длинное пальто прямого кроя скрадывало хрупкость и миниатюрность фигуры. Высокий, но устойчивый каблук и большая кожаная сумка-мешок довершали образ. С копной кипенно-белых волос, ярко подведенными визажистом глазами я выглядела инородно для этого рынка и, главное, на несколько лет старше.

То что надо. А если кто сунется, зыркну так, что сувалка отсохнет.

Хотя, на себя надейся, да не плошай: газовый баллончик в арсенале не помешает...

Бродя между отделами увидела отдел сотовой связи. Ну, конечно! Девчонки, поди, с ума сходят. Хороша подруга. И ведь ни одного номера телефона не знаю... Да ерунда — в соцсетях найду. Девчонки активные, по любому везде зарегены. И комп у них в комнате есть.

Решительно направилась к отделу. Одного взгляда на небольшую внешнюю витрину которого хватило, чтобы в очередной раз щелкнуть себя по носу, вспомнить, в каком

времени нахожусь, и не расслабляться.

Да-а-а, ребята, выбор непрост, непрост.

Тут же ко мне подскочил молодой парень, судя по бейджику, ассистент.

— Девушка, добрый день, чем могу помочь? Баланс пополняем без комиссии. На телефоны есть внутренняя рассрочка без переплат.

— Мне нужен телефон. Какой сейчас самый лучший?

Глаза парня загорелись небывалым азартом.

— Новый обалденный имиджевый Nokia 8800 Sirocco, — с таким трепетом и придыханием он достал из витрины внушительный кирпич и продемонстрировал мне. — Потрясающий дизайн. Слайдер. Посмотрите только, как он резко выстреливает благодаря доводчику! Корпус из нержавеющей стали, закаленное стекло для защиты цветного TFT экрана 208x208 пикселей. Камера, правда, 0,5 мегапикселя, но зато это статусная вещь.

Мне показалось, или он сглотнул набежавшую слюну?

— И сколько же стоит это чудо?

Ассистент слегка стусевался:

— 39 тысяч 999 рублей. Но у нас есть рассрочка!

— А-ха-ха-ха, ой не могу, за этот орехокол три средние зарплаты? Фух... Нет, я, конечно, эстет, но пока не до понтов.

Парень чуть поскуchnел и, заботливо погладив пальцем бок отливающего металлического корпуса, аккуратно убрал девайс в витрину.

— Вот тоже новинка Motorola RAZR V3i. Раскладушка, внешний цветной дисплей, по сравнению с трешкой, камеру 1,3-мегапикселей воткнули и увеличили аккумулятор до 710 мАч.

— Фу, нет. Моторолу не надо.

— Siemens S88. Отличное бюджетное устройство. Всего 6 тысяч 885 рублей. Зато!.. FM-радиоприёмник, 72-тональной полифония, MP3, поддержка GPRS, камера на 1,3 мегапикселя, даже есть диктофон! У меня такой, — парень гордо приосанился.

Я улыбнулась.

— Полифония, это, конечно, звучит сильно.

Парень моего скепсиса явно не разделял.

— Тогда вот. Лучший слайдер 2006 года Samsung D900! Самый тонкий слайдер в мире. Вы только посмотрите, какой элегантный дизайн.

Лишь тяжело вздохнула, взвесив на руке телефон. Да, пока еще дизайны кирпичей отличаются не только размером экрана. Как же быстро все меняется...

— Трехмегапиксельная камера и, посмотрите, специальная кнопка для управления камерой на левом торце корпуса.

— Нет, нет. Мне надо надежное и не убиваемое. Walkman мне покажите. У меня такой был... ну, в смысле, я им интересовалась.

— Есть Sony Ericsson K750i — отличный девайс, и есть его апгрейд. Только-только у нас модель поступила: W810i. Отличный звук — заменяет любые плееры! Весь интерфейс заточен под эти цели. Оригинальные наушники в комплекте.

— Да-да. Вещица достойная, я помню.

— Дисплей 176x220 пикселей, 2-мегапиксельная основная камера, память Memory Stick Duo Pro на 4 гигабайта!!!

— А что по цене?

— И цена интересная: 9 тысяч 999 рублей.

Продавец выглядел донельзя довольным. Он словно специально выстроил свой показ так, чтобы я остановилась именно на этой модели. Я улыбнулась. Хороший сотрудник.

— Спасибо вам огромное! Вы так все здорово рассказали! Мне прям все понятно стало. Я очень рада, что именно вы мне помогли.

Парень упаковывал покупку, а его лицо грозило треснуть по швам от довольной улыбки.

— Может, вам еще и веревочку помочь выбрать?

— Какую веревочку? — не поняла.

— Ну, чтобы телефон на шею вешать. Очень удобно! — он поднял свой, болтающийся на шнуре с черепами.

— А-ах на веревочку... Нет, спасибо, не стоит. Оформите лучше мне симку и денег на нее положите рублей триста.

Парень посмотрел на меня уважительно.

Уходила из отдела я в отличном расположении духа.

Перекусив в кафе, увидела киноафишу. «Пираты Карибского моря». И следом «Парфюмер». В своё время ходила на оба фильма. Клёво! Посмотрю с удовольствием.

Поднялась на последний этаж к кинотеатру и на выходе столкнулась с... знакомая прическа, милая желтая куртка, которую муж подарил на Восьмое марта, любимая сумка с бусинами и веревочками... черт побери! Я сталкиваюсь нос к носу собой!

Паника! Что делать? Как так? Нельзя же!

Галина стоит слишком близко, чтобы не заметить всей той бури эмоций, что бушует во мне. А я взгляда не могу отвести. Стою, вылупилась.

Пару раз споткнувшись, я резко сменила направление и чуть ли не сбежала в противоположную сторону торгового центра.

Мы же не должны были встретиться! Меня накрывает реальная паника. А вдруг я все испортила? Что же теперь будет?

Воровато озираясь и высматривая везде желтую куртку, мелкими перебежками добираюсь до кинотеатра и прячусь там в самом дальнем углу верхнего ряда.

Дневной сеанс, народа от силы человек десять.

Но какой теперь к черту фильм? Ни о чем другом я и думать сейчас не могу!

Как же давно это было. Целая жизнь прошла. Целый мир перевернулся.

А вот она я. Иду себе, наслаждаюсь жизнью. Точно! Ведь у сыночка скоро день рождения. Что же я ему тогда купила? Сколько ему сейчас вообще...

И я такая молодая, здоровая... Дико смотреть на себя со стороны.

Хотя я уже и забывать начала, как выглядела. Первые взрывы прогремели в двадцать третьем, когда сил у обеих сторон было еще немеряно. Не считали ни денег, ни людей. Громыхало по всему миру. Словно обезумели, живя одним мигом, совершенно не думая о последствиях... а там массовые облучения, смерти, болезнь... пост апокалипсис...

Смотреть в зеркале было особо и не на что. Если ничего не изменится в этой реальности, красоткой мне ходить осталось недолго...

Ну хватит уже! Пообещала же себе не думать... хоть головой о стену бейся!

Просто странно так... и не верится. Словно кто-то крутит и крутит по сотому кругу старое домашнее видео. Как же все это перечеркнуть и забыть? Наверное, должно хотя бы пару лет пройти, чтобы моя прежняя личность слилась с настоящей. Перестала всего бояться и все время ждать, когда же и откуда прилетит пушистый северный зверек.

Один выход: самой стать таким диким зверьком, покусать кого надо, чтобы кровь от задницы, вскормленной на икре и омарах, отлила, прилив к мозгу, и направить верной дорогой.

Сделаю. Все, что смогу.

А сейчас... какое же это извращенное издевательство... родные как на ладони, полчаса — и я у них в объятиях... но нельзя!

А может, родители меня поймут?

Ага. Устрою им истерику века. Кондрашка хватит от таких полтергейстов. Да и что я им расскажу про светлое будущее? Если изменить его не выйдет, я бы, честно, предпочла и не знать. Хоть пожить ближайшие годы нормально.

На экране скачут молодые и дерзкие Джонни Депп с Кирой Найтли, а я сижу на местах для поцелуев и заливаюсь горячими слезами.

А ведь макияж намалевала в полтонны штукатурки. Представляю, какая я теперь «панда».

Убираю остатки «взрослости» влажной салфеткой и продолжаю тихонько и самозабвенно поскуливать и жалеть себя.

Хорошо, что кино динамичное и громкое. Моих завываний никто не услышал.

Сидеть еще и второй сеанс сил у меня не осталось.

Хотя полегчало. В душе образовался вакуум. Разрешила себе оплакать потерю своей семьи вновь. Добровольный и самозабвенный отказ от самых дорогих мне в целом мире людей.

Выпустила терзавшую боль. А все самое доброе, теплое, светлое закрыла на ключ и убрала в самый дальний закуток памяти.

Буду иногда доставать. По праздникам.

Попыталась привести себя в порядок в туалете. Какой там! Краснющий нос, растертые опухшие глаза. Ну очень взрослый у меня вид. Черте что. Нацепив темные очки, двинула на вокзал.

У меня явно проблемы с планированием и приведением этих планов в жизнь.

Буду менять стратегию!

На полку поезда, следовавшего в направлении нашей великолепной и резиновой, я просто свалилась без сил. Ну почему, когда ждёшь чего-то очень сильно, время словно замирает?

Несколько часов я слонялась по вокзалу, лишь потому что чётко знала, что сегодня здесь своих родных я не встречу. Даже изучив табло, была готова ехать с пересадками, лишь бы скорее убраться из этого города. Как по заказу, билетов в наличии не оказалось.

Дерьмовая была затея изначально. Денег можно было срубить и как-то иначе. Ну да, что не делается, делает нас сильнее.

Моими попутчиками оказалась пара средних лет: мужчина и женщина. Я даже обрадовалась.

Закинув свой нехитрый скарб под подушку, тут же постелила постель и легла, отвернувшись к стене.

Попутчики копошились, переговаривались, смеялись.

Сон не шел.

Вспомнила про профессорскую книгу. Точно! Почитаю! Что еще делать в поезде?

Когда в третий раз поймала себя на мысли, что читаю одну страницу уже несколько минут, со злостью захлопнула книгу.

Да что опять-то не так?

На душе так и мутит, так и крутит. И матрац подо мной словно резко весь пошел комками, что стало невозможно сидеть на месте. Помаявшись еще несколько минут, вышла в коридор. Почитала расписание. Попросила у проводницы чай.

Вернувшись в купе, увидела, что мои попутчики ужинают.

Скромно присела сбоку.

— Угощайтесь, вы такая худенькая. Вам кушать надо за троих.

Вроде доброжелательно говорит тетка, а глаза острые, так и зыркают.

— А вы куда едете? Вы одна?

Замешкалась. По опыту своему уже знаю, что проще покивать и сделать вид, чем спорить с насильно причиняемой заботой.

Подсела к столу. Взяла хлеб с сыром. Поддержала необременительную беседу. Нормальные абсолютно люди. Вежливые. И что меня так лихорадит?

— Не стесняйся, — Мужик с аппетитом уминал куриную ногу. — Давай винца с нами. Хоть уснешь нормально. Видел я, как ты маялась.

А может, и правда? Но чуйка вопит, что нельзя терять бдительность. У меня с собой все мои деньги. А они мне нужны. Особая астральная связь с ними как-то сама собой наладилась в торговом центре, и мы с ними уже, считай, сроднились.

Хоть на этот раз я и в купе, которое закрывается, в дороге зевать нельзя. Дураков жизнь только так и учит.

Дверь с шумом откатилась в сторону. Проводница внесла чай.

Принимая стакан в подстаканнике из рук женщины, чуть его не выронила. Я уверена, что с чаем что-то не так! В подкорку создания тюкает, словно дятел, навязчивая мысль: отравлено, пить нельзя!

И то ли галюны у меня уже, то ли реально она, приторно мне оскалившись, задержала

на моей попутчице взгляд как-то подозрительно долго и говоряще, словно недовольна ею.

Слегка подрагивающей рукой протянула сто рублей.

— Пошли, на сдачу выберешь шоколадку.

— Нет, спасибо, мне нельзя сладкое, — идти куда бы то ни было, пока не пойму, что происходит, не хочется.

— Да что ж такое! Ну сдачу заберешь тогда.

Подозрительность моя взлетела до небес.

— Оставьте, я еще утром чай возьму.

Проводница подрастерялась. Сложив свои пухлые ладошки вместе, она замялась в нерешительности.

Я вопросительно подняла бровь.

Наконец устаревший процессор развис и ее лицо осветила мысль:

— Нет, так нельзя. И вообще, я утром сменюсь. Пошли давай. Я что ли туда-сюда буду бегать?

Что безопаснее: оставаться в купе или валить отсюда, сверкая пятками? Чуйка последнее время не подводит, к чуйке стоит прислушиваться. Сжав зубы, я встала.

Нехорошее предчувствие только усилилось. Оно вопило. Интересное, однако, свойство моего нераскрытого таланта. Пора начинать доверять своему чутью или лучше сразу бежать в дурку за чудесными таблеточками?

Сумку со спокойной душой я оставила, в ней лишь тряпки. Деньги у меня в поясной, плотно прилегающей и скрытой свободной одеждой.

Проводница остервенело шебуршилась в своем купе.

Стою спокойно в коридоре. Жду. Та нервничает. Как есть в доле с этими... а, собственно, с кем? Клофелинщики? Не убьют же они меня в конце концов. Труп, хоть и такой компактный, как мой, не самая заманчивая перспектива. Что им от меня надо? С чего они вообще взяли, что у меня есть чем поживиться?

Вот же я дурная баба, хлопнула себя ладошкой по лбу.

Проводница, до этого копавшаяся на столе и словно только заметившая мой приход, подняла вопросительный взгляд.

— Ну что? Может, всё-таки шоколадку?

— Что вам от меня нужно?

— Ты о чём, девочка? — а глазки-то бегают.

— О том самом. Думаете, если я одна еду, за меня заступиться некому?

Та лишь стоит и молча глазами хлопает.

— Всё с вами ясно.

Возвращаться назад в купе и проверять, насколько далеко готовы зайти мои соседи в своих злодейских планах, не хочется. И что же мне делать? Ехать ещё несколько часов.

Отошла к окну. Что же ты так неласкова-то ко мне, новая реальность?

Устроить здесь и сейчас сцену с воплями, привлечением соседей и заламыванием рук? Никаких следов борьбы на мне нет, как и предъявить этим товарищам нечего. Еще и крайняя останусь. Несовершеннолетняя, считай, бесправная. Задержат до выяснения.

Отпускать этих гадов просто так с миром — совесть заест. Сколько ещё наивных людей облапошит эта троица? Ведь непонятно какой дозой они хотели меня накачать. Ливанут на глаз, а организм у меня хрупкий, и чем аукнутся такие возлияния, неизвестно.

В конце-то концов!

Гипнотизёрша я или где? Решительно направляюсь в голову поезда с намерением найти управляющего, ну, или главного счастливца, который здесь заведует порядком. Вписался, дядя? Камон! Блюди!

Пройдя насквозь вагонов пять и вдоволь нанюхавшись свисающих в проходах ног, пришла к вагону ресторану.

Отлично. По логике, это примерно середина поезда и следующим должен идти вагон для персонала. Возможно, я ошибаюсь и этот вагон находится в голове поезда, но что-то мне подсказывает, что доступ с обоих концов проще, если штаб в середине.

Долго собираюсь с мыслями. Волнительно. Пожалуй, это первый раз, когда я планирую использовать гипноз целенаправленно. Ну, или как там это моя сила называется? Пусть будет гипнозом, для простоты.

Подойдя к заветной двери с табличкой «Начальник поезда». Решительно стучу!

Но... Никто открывать мне не спешит. Хотя... прикладываю ухо к двери, там слышится явная возня. Может, он спал? Стучу опять. Снова и снова. В очередной мой замах дверь резко распахивается. Высокий, одутловатый мужчина, чуть за пятьдесят, в форменной одежде РЖД, с расстегнутым воротом и всклокоченными, наспех приглаженными рукой волосами зыркает на меня. Но тут же выражение его лица делается изумленным.

Я и сама теряюсь. Опускаю взгляд ему за спину: на застеленной постели, отвернувшись лицом к окну, сидит проводница. Упси...

Похоже, я не вовремя.

— Я вас слушаю?

— Извините... я... Можно с вами поговорить наедине?

Он делает шаг в коридор и закрывает за собой дверь купе.

Так. Собралась. Выдохнула.

Выставила вперед руку:

— Вы сейчас пойдете со мной. В моем купе шарлатаны. Они хотят опоить меня снотворным и обокрасть.

— Девочка, а ты с кем едешь? Где твои родители? Ты потерялась, что ли? Что ты мне тут за сказки рассказываешь?

— Ч-что? За-замри!

— Там мне замереть или с тобой идти? Вообще-то, поздно, и у меня еще... кхм... дела. Ладно, — он выдохнул, словно смирившись, что вечер безнадежно испорчен. — Показывай, куда идти.

Сил остается лишь на то, чтобы тыкнуть пальцем направление.

— Какой вагон?

— Седьмой.

— Пошли!

Берет меня за руку и, словно нашкодившее дитя, ведет обратно.

В нашем вагоне разводит бурную деятельность: стучит проводнице.

— Инна, с кем едет девочка? Какое купе? Почему нет порядка?

— Я, Павел Юрьевич, да как же это?

— За мной!

Та с квадратными глазами, заламывая руки, идет за нами следом, как на заклятие.

Идиллическая картина: вечер, звездная ночь, в уютном купе поезда дальнего следования

путешествует семейная чета. Они распивают чай и мерно беседуют. И вдруг...

Распахивается дверь, и вваливается мужик, а из-за него выглядывают две рожицы разной степени офигевания.

Мхатовская пауза...

— Кхё-кхё, чем обязаны? — первой реагирует пассажирка, и глазками такая хлоп, хлоп, хлоп.

— Граждане пассажиры, предъявите документы.

— А в чем дело? — подключается ее спутник. — У нас все в порядке.

— На вас поступила жалоба. Зачем ребенка пугаете? А что это у вас тут? — указывает на пустую бутылку под столиком. — Спиртные напитки распиваете? Не положено в общественном месте. Штраф хотите платить?

Проверив документы и спрятав ловким движением руки в карман вложенную в паспорт пятисотку, начпоезда буркнул что-то напоследок и удалился.

Че-е-ерт. Вот же попандос.

Моя постель перерыта и наспех заправлена. Сумка, уверена, тоже. стакан пуст и чист. Вот же мерзота!

Соседи, позыркав на меня с неприкрытой ненавистью, в итоге стали укладываться на боковую, старательно меня игноря.

Стою в коридоре, дверь наполовину прикрыта. Так и не могу решить, что делать дальше. Ехать еще семь часов. Тусоваться в тамбуре — увольте. В вагоне-ресторане гуляет пара шумных компаний, идти туда — только искать себе новые неприятности. Какое-то время так и стою в коридоре, слепо уставившись в пролетающих за окном пейзаж.

Когда соседи улеглись, решила и юркнула в угол своей постели. А вдруг они мне укол в шею сделают? Или начнут душить подушкой, а я безоружна? Мамочки... Схватила со стола стакан. Если полезут, разобью о стол.

Уж к чокнутой с розочкой они точно лезть поостерегутся.

За окном проносились верхушки деревьев на фоне лунной безоблачной ночи, редкие фонари и деревушки. А я все так и сидела.

Самобичевание — моё второе имя. Как можно быть такой самоуверенной? Так быстро поверить в то, что я смогу дать отпор своей магией. Может, этот начальник выпивший, поэтому гипноз не сработал? Или негипнабельный он. Вроде есть такой термин... Учиться мне ещё и учиться.

А ещё нужно тренировать это субтильное тело! Любая тётка меня скрутит, я и пискнуть не успею. Моя злость постепенно переходит в апатию. Разглядываю далёкие звёзды. Думаю о своей судьбе, судьбе этого мира. Жду утра...

Вскакиваю резко от громкоголосого окрика проводницы в коридоре: «Просыпаемся! Через сорок минут столица!» Пару мгновений спустя раздался и громкий стук в дверь.

Огляделась: купе пустое. Да уж. Меня только в разведку брать. Всех врагов положу своим умильным, пускающим пузыри видом.

Поскольку все свои вещи еще ночью я убрала под полку, на которой сидела, в их сохранности сомнений нет. Жаль, конечно, что не удалось наказать воришек, но, видимо, судьбе их шкурки для чего-то нужны.

Дежавю. Раннее утро, вокзал, Аня-растеряша.

Куда пойти? Куда податься? В больницу возвращаться нет смысла. Идти в свою квартиру страшно. Почему-то я боюсь не риэлторов, а ту тётку из соцопеки. Хотя до дня рождения всего несколько дней, но она порождает какие-то мои внутренние страхи. При виде неё я впадаю в панику.

А подамся-ка я в общагу, к девчонкам. Одна голова хорошо, а четыре лучше. Хотя что там сейчас делать? Пока доберусь — все свалят на занятия. Ключей у меня нет. Даже перекантоваться будет не у кого. Не на общей же кухне сидеть.

На часах восемь утра. Решила сходить в институт. Вопрос с посещением занятий в любом случае нужно решать.

Институт выглядел обшарпано и вполне привычно, как множество бюджетных госучреждений нашей бескрайней родины. Длинные коридоры, мраморные полы, светлые стены — даже какая-то ностальгия проснулась.

Шла пара, в фойе шаталась лишь пара-тройка студюзов-прогульщиков.

Настрочила быстренько эсэмэску Ритке: «Какая аудитория?». Ответ прилетел моментально. Значит пара «интересная».

Методом нехитрых вычислений определила, что этаж, на котором находится наш факультет — третий.

Нашла кабинет декана. Игнатов Михаил Павлович — гласила табличка на двери. Мужчина — это хорошо. Договоримся. Подергала ручку. Закрыто. На паре, наверное.

И только повернулась уходить, как столкнулась с... судя по всему, с ним и столкнулась.

А ничего так декан, симпатичный. Это вообще моя мысль?

— Здравствуйте, а я к вам.

— Да неужели? Сама Котова? Никак, снег пойдёт. Ну проходи, — он отпер кабинет и вошёл первым. — Что расскажешь? Чем порадуешь? Что-то ты не похожа на больную. Вид вполне цветущий. Ты как сессию собираешься сдавать? Нет, ну вы на неё посмотрите, стоит улыбается. Чего лыбишься? Ситуация невесёлая.

— Михаил Павлович, спасибо за вашу заботу. Я пришла написать заявление на академ.

— Академ? — он уже присел за стол и рассеянно переключивал из угла в угол папки, — зачем так сразу? Ты девочка умная. Наверстаешь, запишешься на факультативы, напишешь пару работ...

— Вы знаете, это скорее временная мера. Мне кажется, я выбрала неправильную профессию. Подумаю и, скорее всего, буду поступать в другой ВУЗ.

— Повторное поступление на бюджет невозможно.

— Да всё я понимаю. Но и здесь учиться смысла не вижу.

— Не скажи. Диплом о высшем образовании — это документ, как ни крути. Сейчас такие времена, что с высшим образованием у нас даже продавцы в супермаркете.

— Такое высшее образование я себе могу купить в любом подземном переходе, не теряя пять лет жизни.

— В наше время такого не было, высшее образование ценилось. А сейчас...

Написав заявление, с чистой совестью спустилась в фойе и решила дождаться девчонок в буфете.

Взяла себе хотдог и кофе три в одном. Ох уж этот ни с чем не сравнимый вкус молодости.

К моему столику подкатила компания молодых парней позднего пубертатного периода. Это когда низы хотят, а верхи не могут. Вниз вся кровь отливает, а бедным верхам нечем думать. Прекрасный и одновременно печальный возраст.

— Аннушка, ты ли это?

— Ты не оригинален. И вообще, не видишь, ем? Позже приходи.

— Семен, ты глянь, фифа какая стала. Ты себе папика, что ли, нашла? Барахлишком разжилась, прическу сменила. Телефон новый... — вперед вышел светловолосый парень, наверное лидер.

А ведь действительно. Я и не подумала, что для знакомых мои кардинальные перемены не останутся незамеченными.

— Даже если и так, твоя какая забота?

— И почём нынче берёшь? Может, у меня такое предложение тоже заинтересует. Тебе всё радостнее будет на молодом жеребце скакать, чем мучиться со старым сморчком.

Толпа салаг зашлась дружным гоготом.

— Оч-чень дорого. Тебе точно не по карману. Если у тебя всё, не порти аппетит.

Парень растерялся. Мой холодный тон и совершенно не реагирующий на подначки вид его озадачили. То ли Аня раньше была эмоциональной девочкой, то ли он ни с кем, кроме малолеток, не общается.

Демонстративно отвернувшись к окну, глотнула мерзко приторный кофе.

— Ты! Я еще не закончил, — резко подойдя ко мне, он схватил за предплечье и повернул к себе.

Зыркнула на него так, что моими лазерами можно было плавить льды Северного Ледовитого.

— Грабли свои убрал, иначе вырву и вставлю туда, куда не попадает свет.

И что-то, видимо, в моем взгляде такое было, что уверенность этого парня пошатнулось.

Он отпустил руку и сделал шаг назад.

Зазвенел звонок.

Я встала и отошла к окну ждать подруг. Компания парней тоже отошла.

Девочки налетели дружной гурьбой. Мою новую прическу они еще не видели, как и смену стиля одежды. Начали наперебой все трогать, крутить меня и сыпать тысячами всевозможных вопросов.

Я была одета все в тот же светлый брючный костюм с рисунком в мелкую гусиную лапку и длинное светлое пальто. На фоне окружающих разношерстных студиозов смотрелось стильно и необычно. К тому же белые волосы со стальным отливом и макияж, выделяющий глаза и добавляющий пару-тройку лет моему детскому лицу, делали меня выделяющимся ярким пятном.

Запоздало поняла, что нужно было одеться проще.

Хотя пора привыкать ко всеобщему вниманию.

— Ну, рассказывай, ты куда пропала? Месяц, считай, не ходила. Психичка на каждом семинаре про тебя выспрашивает, слюной захлёбывается. Она в прошлую-то сессию тебя топила, на этой с живой тебя точно не слезет.

— Бедненькая. Передайте ей, что свое слюноотделение она может поберечь. Я написала заявление на академ.

И снова град вопросов. Отвечать я не спешила, девочки сами прекрасно справлялись. Сами спрашивали, сами делали предположение, сами убеждали себя в обратном.

Со стороны смотреть на это было мило. Было видно, что они искренне переживают, волнуются за такую неблагодарную меня. Ну, поболтали, и будет.

— Девчоночки, у меня ведь другая проблема. Мне жить негде!

И снова ворох домыслов и предложений. Две девочки про мою ситуацию с риэлторами не знали. За что Соня с Ритой удостоились моего благодарного взгляда. Я их не просила держать это в секрете, но такая верность подруг грела душу.

Рита предложила переехать временно к родителям, а мне освободить своё место в общежитии.

Тут же вступила третья девочка, живущая в комнате вместе с Соней и Ритой, они жили втроём.

У нее был довольно продолжительный и серьёзный роман с одним мальчиком и вполне далеко идущие на него планы. Предложить перейти на новый этап отношений она не решалась, а тут такой шикарный повод съехаться.

А я и не стала отказываться и заставляя себя уговаривать:

— Вот и супер. Вот и ладушки. Спасибо, девочки, что бы я без вас делала? Дайте ключ от комнаты. Отдохну с дороги. Такие у меня были приключения, врагу не пожелаешь. Вечером всё расскажу.

Забрав ключ, вышла на крыльцо, оглянулась по сторонам и, довольная произведённым эффектом, медленно поплыла к общежитию.

На выходе с парковки меня подрезала низкая спортивная машина. Попыталась ее обойти, но водитель играл со мной, катаясь взад-вперед, не давая прохода.

Я встала, недовольно сложив руки на груди. Я в такие игры не играю.

Переднее стекло опустилось, явив мне того парня из буфета:

— Куда так спешишь, цыпа? Папик на машине не забирает? Не бережет тебя? А я буду беречь, садись — прокачу с ветерком.

— Тебя как зовут, я забыла?

— Аня, ты чего? — он смутился. — Девки, конечно, говорили, что ты головой ударилась. Но меня бы ты никогда не забыла.

— Прикинь? — моя ухмылка и спокойный вид заставляли парня явно нервничать.

— Кирилл...

— Пока, Кирилл.

Он все пытался заглянуть мне в глаза, увидеть ответ на свой незаданный вопрос, но я лишь отвернулась к нему спиной, да так и стояла. Бегать я не собиралась.

Он вышел. Я возвела глаза к небу.

— Ну что еще?

Обойдя и взяв меня за руки, он пытался заглянуть в лицо:

— Ань, ну я ведь серьезно. Ты мне давно нравишься. А ты, как дикий котенок, шипишь, не подпускаешь. А сегодня увидел и чуть с катушек не съехал. Ты так изменилась.

— Кирилл, — постаралась высвободить руки и говорить как можно холоднее и отстраненнее, — ты мне неинтересен. Ты прав, я нашла себе взрослого мужчину, у меня с ним все серьезно. Институт бросаю. Не подходи ко мне больше.

Его стальная хватка вдруг стала болезненной, я даже вскрикнула:

— Какого еще мужика? Я отца попрошу, он выяснит. Я его сгною. В проститутки подалась? нравятся дорогие шмотки? За них он тебя купил?

Его слова били хлестко. Мне-то пофиг, но у парня явно слетела планка. Он сграбастал меня в охапку и начал слюнявить лицо, клянясь в любви и уговаривая быть только его.

Мне только влюбленных подростков не хватало. Ну что такое-то а-а-а?

Сопrotивляться противнику вдвое больше меня было бессмысленно. Обмякла в его хватке и закрыла глаза. Лишь внутренне закипая от своей немоцности и мелкости.

Что там говорят, в схватке с медведем притворитесь мертвой?

Похоже, сработало. Он остановился и отстранился.

— Поехали ко мне?

И только моя рука освободилась, как я со всего маха зарядила ему звонкую пощечину.

— Не смей. Ко мне. Приближаться. Понял? — в моем голосе прорезались рычащие нотки. — Забудь о моем существовании.

Развернулась и пошла в другом направлении. А парень так и остался стоять.

Может, опять гипноз подключился? Хорошо бы!

Так и шла, метая гром и молнии до самой общаги. А, ворвавшись в комнату, завалилась спать.

Разбудили меня девчонки, вернувшиеся с пар:

— У-у-у... мы-то губу раскатали, что придем с пар, а нас новая соседка обедом с разносолами встретит, а она даже в магаз не зашла.

— Я же говорила — дрыхнет! А вы не хотели в «Ватрушку» заходить.

— А мы ее кормить не будем, — раздался дружный девичий смех.

В комнате они жили втроем. На чьей я в итоге сейчас постели, выяснить придется опытным путем. Память тела ко мне так и не пришла. Поддержала разговор:

— А я, как та Машенька, и в холодильнике покопалась, и на чужой кровати поспала, — губы сами растянулись в улыбке.

— После этого ты должна исполнить три наших желания, — Ритка начала выделять в воздухе магические пассы руками.

— Да легко! — встаю на кровати, достаю из кармана сотовый и демонстрирую зрителям, как заправский иллюзионист. — Могу при помощи волшебного телефона вызвать мальчиков по вызову! Которые принесут нам горячую, тягучую, вкуснучую, всю такую сырную пиццу!

— Е-е-е-е-е!!! — раздался дружный крик одобрения.

К пицце прилипла картошка, салатки, напитки — словом, девчата за скромностью в карман не полезли, раз уж поляна дармовая и безотказная.

— Вот, вот, эту давайте!

— Она воняет, эти морские гады мне носки ношенные напоминают. Я хочу с ананасами!

— Нет! Я против фруктовых пирожков! Мясо! МЯСО! Я хочу мя-я-ясо, — Соня трясла за грудки Риту.

Обе при этом ухохатывались.

Кажется, я потихоньку начинаю привыкать жить нормально. Мне все это нравится! И девчонки компанейские: в душу не лезут, поддерживают, мозг не делают. Они лишь раз меня спросили, на какую сумму можно рассчитывать, а узнав, что мы сегодня отмечаем мое второе рождение и стол all-inclusive, взвизгнули от радости и продолжили выбор еды с удвоенным рвением и предвкушением.

Я в это время рассматривала комнату. Виден был свежий ремонт. Родители у Сони и Риты вполне состоятельные, и в общагу девчонки сбежали, скорее за приключениями, чем от плохой жизни. Соня единственная и любимая дочка, но родители ее живут в глубоком пригороде. Ежедневно терять по три-четыре часа на дорогу в обе стороны — удовольствие сомнительное. С поступлением она сразу заселилась в общагу, даже не дожидаясь начала учебы. Девушка она серьезная и поэтому рьяно жаждала самостоятельности.

Ритка же коренная москвичка. Но в силу заоблачных цен, в трехкомнатную квартиру ее родителей недавно брат привел свою молодую жену. Поэтому коллективно было решено создать приличные условия в общаге на то время, пока молодожены не определятся с жилплощадью. Так как всех такой расклад устраивал, за год ничего и не изменилось. А поскольку Рите учиться еще четыре года, видимо, и нескоро изменится.

О третьей девочке я пока ничего не знала. Не беда, исправим.

Здесь было довольно уютно. Видно, что девчата относились с трепетом и любовью к своему первому взрослому жилью, которое навсегда останется в сердце.

Комната была довольно просторная, метров двадцать пять. Светлые обои с ненавязчивым рисунком, домашний ковер на полу. Вдоль стен стояли двухэтажная кровать, заправленная и заваленная мягкими игрушками. Мягкий угловой диван, на котором мы сейчас разместись с комфортом все вчетвером. Шкаф-купе с ростовым зеркалом, облепленным наклейками с котиками и сердечками — все же девочки такие девочки. В углу притаился небольшой закуток с раковиной, электрической плитой и холодильником. Широкое окно давало много света и было украшено милыми занавесками.

Длинный стол у окна, на два рабочих места, компьютер. На стенах полки для книг. Все разместилось компактно и в то же время продуманно и удобно для жизни.

— Стоп! Компьютер! — от неожиданности я вскрикнула.

Соседки замолкли и обернулись.

— Что? — первая отмерла Рита.

— Он рабочий? Твой?

— Нет Сонькин. Работает, конечно. Принтер у Ленки если что есть, в 303-ей. Только интернет кончился. У нас включен режим «еврей». Кому быстрее всех понадобится — тот и раскошелится. А все остальные упадут на хвост.

— Если прям срочно надо, вахтерша приторговывает карточками. У нее и для сотового есть. Но с накруткой конечно. Знает, скряга, что, зачастую, срочно надо поздно вечером, когда все магазины уже закрыты.

— А что ты там смотреть собралась? Ты же в академ, вроде?

— Да мне надо, — что именно, уточнять я не стала. Я и сама не знаю насколько интернет 2006 года нынче мне помощник.

Так, весело болтая в ожидании доставки ужина, меня расспрашивали о путешествии. Расслабляться было опасно. Далеко не всё им следует знать, плюс странности в поведении, мелкие детали. Стоит лишь породить сомнения, и человек сам додумает, а в процессе еще и навьдумывает всякого.

Допрос мне устроили с пристрастием. Рассказала лишь о трех снах. Про Маркова, про старичков и про Машу. Конечно же, с расспросами и уточнениями об их удачной развязке. Ну и, естественно, про поход по магазинам. Как же без этого?

Девчонки слушали, практически не перебивая, активно восхищались и требовали срочно нагадать им женихов. Третья девушка, Эльвира, стала меня сторониться. Видимо, мои сказки ей совершенно не зашли. Или пачка денег, к слову, одна пятая от полученных, произвела на нее неизгладимое впечатление. Нужно быть с ней повнимательнее, а деньги на ночь припрятать.

К слову, она и предложила мне свою кровать в недельное пользование. Эльвира уже год встречалась с парнем, и такой шикарный повод для того, чтобы съехаться и попробовать совместное существование, упустить не могла.

Дольше я здесь в любом случае не задержусь. Через неделю начнется «Битва», а мне исполнится восемнадцать. Если с квартирой ситуация не разрешится, просто продам ее спокойно, через проверенное агентство, поживу на съемной, а деньги в работу пристроить не проблема.

Когда привезли пиццу, мир на неопределенный срок перестал для меня существовать. Мои зубы впивались в самые сочные куски, язык слизывал текущий по пальцам сок, а глаза жмурились от удовольствия. Мне кажется, я даже мурчала. Разнообразие вкусов, тягучие сыры, нежнейшее мясо, пикантные овощи — я испытывала множественные

гастрономические оргазмы. Жаль, место в желудке закончилось гораздо быстрее, чем жадные глаза и загребушие ручонки натаскали на тарелку вторую порцию вкусняшек.

Налопавшись от пуза, мы сыто развалились на мягких поверхностях. Первой пришла в себя Эля. Ее парень, Марат, должен был скоро заехать за ней, поэтому она начала метаться по комнате, собирая вещи.

Лежбище телепузиков поредело уже через пятнадцать минут. Оставшись с подругами наедине, я загрузила их новостью о приближении испытания на «Битву экстрасенсов» и отсутствии у меня сценического образа.

Эта новость девчонок взбудрила. Тут же из шкафа на диван полетели все мало-мальски подходящие наряды. Увы, все это нафталиновое приданое меня не впечатлило.

— Все не то. Смотрите! — на листе бумаги я схематично изобразила платье и меховую накидку.

— Ого, как круто! — Сказала Соня. — Ну, в принципе, мерки сейчас снимем, я ткань завтра куплю. Поможете мне раскроить и стачать, а на машинке я вообще быстро пройдуся. Я видела в «Лоскутке» подходящую ткань. Плотная, не просвечивает, и в то же время не толстая — лежать будет красиво. Я на сарафан такую хотела.

— А сюда органзы добавить, — подхватила Рита.

Меня отодвинули, продолжив жаркие обсуждения нюансов кроя.

Ну и ладушки. Я как раз в этом не понимаю. Одно знаю — нужен мех!

Подошла к компьютеру и нажала кнопку включения.

— Тогда я вниз схожу за карточкой. Как вахтершу зовут?

— Что? — увлеченные девчонки отозвались не сразу. — А... кто там сегодня? Да просто скажи, что надо, она даст.

Процесс добычи столь нужного ресурса и впрямь прошел легко и непринужденно.

Компьютер грузился, казалось, целую вечность. А интернет... Эти нелестные эпитеты неуместны из уст столь юной особы как я особенно в печатном виде... разочаровал меня интернет, мягко скажем. Плохое забывается быстро.

Поиск... Объявления Москва... Яндекс-маркета нет? А что есть? Авито? Пусто... Д; ладно? ОЗОН уже есть! Ура! Что-о? Только продукты и только по Москве? Каменный век...

— Девча-а-аг... а есть какая-нибудь онлайн-доска объявлений или интернет-магазин?

— Не знаю. А как оплачивать? Это наверное небезопасно. Лучше завтра газету купи.

— А что ты хотела?

— Вот так, — показываю на рисунок, — через плечо мне нужна полоса белоснежного меха, желательна песец.

— Может, в тканях искусственный взять?

— Нет! — Закатила глаза. — Должно же быть хоть что-то в сети?!

— На форумах может каких поискать... даже не знаю...

— Боже... ну почему все так сложно?

— Давай завтра на рынок съездим?

— Да! Спросим у тех, кто шапками торгует.

— Или шубами.

— На рынок? — смотрю растерянно на девчат — их лица вполне серьезные, не шутят. — Ок, рынок — значит рынок.

Я уже говорила о целебно-магических свойствах шоппинга? Никогда не устану

повторять. Покупки для себя любимой — это душевная терапия. А для других — занятие, которым можно заниматься вечно. Неподдельная радость девчонок, такие яркие эмоции, полные благодарности глаза. Много ли для счастья надо моей изголодавшейся душе?

Первым делом купили Соне новые очки. Ее предыдущие в металлической оправе, казалось, весили центнер! Хотела вовсе от них избавить девчонку, но, увы... Современные линзы пока еще больше напоминали орудия пыток, чем медицинское средство. У Сони они, оказывается, были, но ходить в них дольше нескольких часов не представлялось возможным. Носить же импортные однодневки было удовольствием, граничащим с роскошью. Возможно, конечно, это была индивидуальная непереносимость, но пока эта история заканчивалась многоточием. В любом случае, Сонечке новая легкая, почти незаметная оправка шла. Делая ее милое личико немного серьезным, и от этого не менее привлекательным.

Когда выбирали мне меховой отрез, Рита вцепилась в кожанку с заклепками, больше похожую на байкерскую куртку, и пропала для общества. С таким трепетом она ее наглаживала, что мое сердце не выдержало.

Молодец Ритка, посмотрела на меня взглядом «до гроба не забуду», но даже слова против не вякнула. Только схватила и закружила, чуть не снеся прилавок с шапками. Пара даже улетели в грязь. После чего, в качестве извинения, пришлось купить еще и сумку для Сони, и срочно покидать отдел.

Также выбрали зимнее белое пальто и сапоги. Если на проекта продержусь, то съемки продлятся до февраля — уличная одежда тоже должна прилично выглядеть, съемки будут вестись и вне помещений. А вылечу — буду подрабатывать на корпоративах Снегурочкой.

Так мы веселой гурьбой совершали налет на рынок. В какое-то мгновение меня потянуло в сторону. Девчонки шли впереди, активно обсуждая покупки. Меня же словно ветром сдувало в глубь рядов. Противиться этому ощущению можно, но зачем? Мне же интересно. И вот я по неведомому зову бреду в никуда.

Заканчиваются ряды с одеждой, начинаются ряды с животными. А я как в замедленной съемке, двигаюсь на автомате вперед и вперед, ведомая неизвестным мне чувством. Словно через вату слышу блеяние коз, крики гусей, ноздри улавливают слабый запах скотины, картинка словно слегка оплывает. Сознание трезвое, но я ощущаю свое тело будто со стороны, как на экране. Какой-то транс. Люди меня огибают, даже не замечая, их взгляд с меня соскальзывает. Страшно и интересно одновременно! Целиком отдаюсь этому чувству.

Далее следуют ряды старьевщиков. Где-то на прилавках, а порой и на земле находятся книги, одежда, предметы быта. Обожаю всякое такое рассматривать. Но я все еще плыву вперед в своем загадочном коматозе.

И тут мое сознание резко проясняется. Волной накатывают звуки, запахи, изображение. Я, словно выдернутая из глубины рыба, хватаю ртом воздух, пытаюсь вернуть себе ориентацию в пространстве. Где я вообще? И что здесь искать?

Подхожу к ближайшему прилавку. Советские часы, медали, чьи-то старые ношенные башмаки...

Не то. Иду дальше. Может, книги? Нет... Не они... Стоп. Тянет назад. Рядом с книжным прилавком сидит сухонькая старушка. Такая она маленькая, уже чуть скрученная возрастом, лицо покрывает частая сетка морщин. Маленькой ладошкой она подзывает меня к прилавку. На картонной коробке, покрытой вязанной салфеткой, у нее разложены старые бусы из яшмы, фарфоровый чайник, всклокоченная кукла. А это что? Среди бус на солнце бликует

цепочка. Тяну вверх... на ней раскачивается кулон. Белесый, чуть мутный кристалл. И такое тепло разливается по телу. Волной от сердца до кончиков пальцев рук и ног. И такая ни с чем не сравнимая нега. Чистый кайф.

Вот это да-а-а...

— Здравствуйте, — произношу чуть заплетающимся языком, — почему эта прелесть?

— Здравствуй, доча, сто рублёв. — говорит она полубеззубым ртом. — Это мне жених еще в молодости дарил. Сам он с севера был, так и упорхнул, соколик. — Ты тоже белянка такая. И он белобрысый был. Возьмешь, доча? — и столько надежды в голосе. Сердце ёкает.

Что ж за страна такая, в которой старики унижаются, распродают последнее, считая каждую копейку. Становится горько.

Отсчитываю в сумке пять тысяч, скручиваю, быстро наклоняюсь к бабушке, кладу ей в руку, зажимаю ее пальцами:

— Не болей, бабуль. Купи, что нужно.

Разворачиваюсь и иду на выход.

Спустя буквально пару минут непонятным мне образом выхожу прямо на девочек. А они стоят духи выбирают! Даже не заметили, что меня не было! Вот же... подружки!

— Привет!

— Ой, Аня, понюхай!

— Прикол, вы что, меня не потеряли? Меня полчаса не было!

— Да ладно! Рядом ты была.

Вот так номер. Что же это за такое пограничное состояние, в котором я... кто? Призрак? Это возбуждает и будоражит. Хочу повторения, попробовать войти в это состояние со собственному желанию. Но понятия не имею, как это делается. Мои скрытые умения каждый раз меня поражают. Ну почему никто мне не дал интерфейса или хотя бы руководства к действию. Сколько мне тыкаться наобум как слепому котенку?

Девчонки, так и не замечая моего состояния, уводят под руки долой с рынка.

В общежитии, в отличие от больницы, дни летели незаметно. Днем я изучала новостные сводки из всех доступных ресурсов, вечером соседки не давали скучать. Костюм, как и сценический образ, был полностью продуман до мелочей.

Близился день X.

Находясь уже непосредственно перед зданием, в котором проходили съемки, я начала нешуточно мандражировать. Девчата, конечно же, пришли со мной, как моя самая преданная группа поддержки.

Перед входом собралась немалая толпа оригинальных личностей. Соня с Ритой безостановочно крутили головами, шушукались и хихикали. Разве что пальцами не тыкали с особо выделяющихся фантазеров.

Кого здесь только не было. С бубнами, черепами.

Народа было действительно много. В основном это люди среднего возраста, на первый взгляд, совершенно обычные. Единственное, что их выдавало, — это горящий взгляд. Они явно кайфовали от происходящего, чувствовали свою сопричастность, верили, что повезёт именно им.

Хватало и клоунов. Да, как ни прискорбно, я тоже относилась к их числу. Что там говорила Соня, принести с собой пауков в банке? Нашлись и такие уникалы. Некоторые рисовали на асфальте пентаграммы. Другие тыкали иголками в кукол вуду. Жглись чёрные коптящие свечи. Целовались различные обереги в форме засушенных лапок животных или их черепов.

Тем не менее, все были на позитиве. Было видно, что каждый в теме и данная тусовка всем доставляет.

Вначале на меня накатила непонятная оторопь. Стараясь не отвечивать, я заняла отдельную нишу чуть в отдалении от общей толпы, и активно внимала: что к чему. С одной стороны понятно, что в лоб за шарлатанство не дадут, да и каждый второй здесь пойдёт домой несолоно хлебавши.

Уверенность в собственных силах медленно, но верно росла. Перебороть себя. Я обязана пройти дальше. Как не пафосно это звучит, но это действительно важно для всего человечества. Это, пусть небольшая, но первая ступень на пути к моей великой цели. Возможно, мировой сценарий уже не исправить, но я обязана, обязана, обязана сделать все возможное.

Старалась превратиться в локатор. Информация в наше время — самый ценный ресурс. Правда, получалось не очень. От людской энергии меня штормило. В этой жизни в такие скопления людей мне еще попадать не доводилось. И непонятно, виной тому потусторонние силы или мое неумение отгораживаться от людских эмоций.

А эмоций хватало. Отбор шел уже часа три. Но я как нерадивый студент заходить не спешила. Искренне надеялась, что комиссия притомится и никто не обратит внимания на мой возраст.

Прошедшие испытание уходить никуда и не собирались, как и делиться информацией тоже. Не исключено, что в дальних закоулках и за отдельную плату что-то да происходило, но нам отсюда было не видать.

Желающих блеснуть своими сверхспособностями набежало столько, что только первый тур отбора будет идти два дня. Далее последуют еще два этапа.

Некоторых экстрасенсов я узнавала. И это обнадеживало! Я помнила, что они пройдут. Вот та странная тетка с бубном, вроде как даже до финала дойдет. Или не она это?

Чем дальше я находилась на площади, тем отчетливее понимала, что так безоглядно

полагаться на свою память прошлой жизни было крайне опрометчиво. Неуверенность в себе росла. Нужно было идти, а я все бродила среди толпы, словно кого-то выискивая.

Мой новый лук притягивал внимание. Многие были в черном, в нелепо-пестром, хотя большинство пришли в обычной одежде. Все же это первый сезон, делать Шоу с черепами, рогами и белесыми линзами начнут гораздо позже.

А я сработала на опережение. Я выделялась. Нужно максимально запомниться зрителям.

Здесь и сейчас во всем белом щеголяла я одна. Хотя...

В стороне от толпы на полу в позе лотоса сидел старик. Внешность у него была восточная. Китаец или кореец — я их не различаю. Его убеленные сединами длинные волосы и борода были уложены в оригинальную прическу. Одежды напоминали белоснежное кимоно.

Наши взгляды встретились. Показалось, или он мне кивнул? От неожиданности я даже волноваться перестала.

Надо идти. Сколько можно бродить вокруг да около?

Преисполненная уверенности, двинула к администрации, где регистрировали всех желающих заявить о своем мировом господстве.

— Добрый день, я хочу принять участие в битве. Я Дочь Скандинавской Волчицы. Специализируюсь в сфере гипноза и хиромантии.

— Здравствуйте, — сидящая за столом женщина бросила на меня такой обреченно-убийственный взгляд, словно я воплощение всемирной скорби и кредитор, вытрясающих из нее долги, одновременно, — документы дайте.

Пальцами с длинными острыми ногтями она практически вырвала мой паспорт из рук. Долго его рассматривала, сличала фото с оригиналом. Пододвинула калькулятор, вычла мой год рождения. И ее лицо озарилось:

— Милочка, ну это же телевизионное шоу. Официальное оформление. Участникам платят за съемки настоящие деньги. С ними заключается контракт. А вам нет восемнадцати, — это ликование, смешанное с пренебрежением и собственной значимостью так и хотелось размазать по столу.

— Мне восемнадцать исполнится через пару дней. Не вижу причины для отказа. Сегодняшнее испытание будет идти два дня минимум. И дальнейшие тоже займут время.

— Девушка. У нас правила. Подрастите и приходите на следующий год.

Я наклонилась к ней ближе:

— Уважаемая, может, договоримся? Я буду вам очень-очень благодарна, если вы закроете глаза на эту совершенно несущественную деталь. Ведь никакого нарушения нет. Девятого мне исполнится восемнадцать, и все будет отлично.

— Вы за кого меня принимаете? — взвизгнула тетка.

Огромного труда мне стоило не закатить глаза на такую убогую актерскую игру на публику.

Даже дослушивать не стала. Завтра приду. Уже с совершенно иным настроением и подходом.

Махнув на все рукой, развернулась, чтобы идти к девчонкам, и врезалась в того самого мужика в белом.

— Иди за мной, — голос у него уверенный и сильный. Не видя, и не скажешь, что старик.

И ведь у меня не возникло ни малейшего сомнения или мысли не подчиниться. Словно в тумане переставляя ноги, я засемила за ним следом. Людское море пестрело, но расступалось перед нами, как крошево льдин перед ледоколом. Не нужно было никого обходить, проталкиваться или просить уступить дорогу. Окружающие словно чувствовали и, озираясь с опаской, прекращали разговоры и давали дорогу.

Лишь за периметром площадки свежий весенний ветерок меня отрезвил.

— Вы кто? — несмотря на невысокий рост и внешне неудобные многослойные одежды, шагал он довольно бодро. Я на высоких каблуках еле за ним поспевала. Но обогнать и заглянуть ему в лицо не получалось.

— Зови меня Сенсей, — голос его звучал с небольшим акцентом. Но понять, какой он национальности, я так и не смогла.

— Так это вы? Вы будете меня учить? Вам Волчица сказала?

— Позже.

Чего-о-о?

— Куда мы идем? Вы прошли отбор на Битве? Да вы что, в метро идете? Там же толпа. Подождите. Давайте вызовем такси!

Тишина.

На входе в метро я сдалась. Тотальный игнор. Да еще нужно умудриться переставлять ноги, не запутаться в одежде и не пропахать носом асфальт.

Сказать, что мы привлекали внимание, — значит, не сказать ничего. Словно сошедшие с экрана кино, я вся такая блондинка. В белом, с меховой накидкой и вечерним макияжем. Сенсей в своих национальных одеждах. Оба с белоснежными волосами в тон.

Люди вокруг тыкали пальцами. Снимали на телефон. Просили сфотографироваться. Я лишь неловко отнекивалась и улыбалась. Сенсей стоял с каменным непробиваемым выражением лица. Стоял на перроне, стоял в вагоне поезда, на эскалаторе.

Когда впереди показали очертания моего дома, я уже хотела было выдохнуть и расслабиться, как резко вспомнила, что там опасность.

— Сенсей, туда идти нельзя ни в коем случае! Там черные риелторы. Они хотели меня насильно заставить им квартиру переписать!

Я попыталась схватить его за рукав. На что получила такой болезненный шлепок по руке, что чуть не взвыла.

— За что?

— Не смей меня хватать. Шагай молча.

Я растеряна и обескуражена. Но ведь пошла.

Дома, ожидаемо, ждал жуткий бардак. Даже злорадство пробрало. Чего он сюда перся? Хоть бы спросил. А откуда он вообще знал, где мой дом? Странно. Прошла в свою комнату прямо в обуви. Закрыла дверь. После тщательного осмотра шкафа, нашла более-менее удобную одежду. А свой костюм аккуратно сложила. Мне еще завтра в нем идти. Нужно будет детальнее рассмотреть, не порвали ли где по дороге длинную юбку.

Выглянув из комнаты, тут же столкнулась с Сенсеем.

— Наведи чистоту. Будем здесь жить.

— Я вам еще раз говорю: это небезопасно...

— Здесь говорю я. Ты делаешь. Поняла?

Тяжело вздохнув, лишь кивнула.

С прошлого посещения квартиры все окна так и остались распахнутыми настежь. Срач

стоял жуткий. Хорошо хоть, не так воняло.

Найдя пакеты и тряпки, начала отскребать многотонный слой мусора и грязи со всех доступных поверхностей.

Есть нечто сакрально умиротворяющее в уборке. Например, когда хочется чье-то лицо расцарапать, можно все свое остервенение направить на оттирание трудно очищающейся поверхности. А если еще и матюгаться по-тихому «для смазки», процесс становится довольно увлекательным и эффективным. А уж когда видишь дело рук своих, блестящее и благоухающее альпийскими лугами, и вовсе в душе разливается блажь.

Закончила я только часа через три. Не знаю уж, кто и когда последний раз здесь убирался, но захламлённость помещения удручала. По ходу уборки перетащила к выходу целую гору хлама, подлежащего утилизации.

Без задних ног упала в кресло. Сенсей все это время сидел на полу в позе лотоса, да так и не шевельнулся ни разу. Даже когда полы мыла, не рискнула его трогать и аккуратно обмыла по кругу. А мог бы, между прочим, и помочь!

— Я голоден.

Мне захотелось взвыть.

— Откуда здесь продукты? Давайте закажем доставку. Вы что будете?

— Пища — это лишь способ восстановить сил, а не культ. Еда должна быть сбалансированной.

Не закатывать глаза, только не закатывать. Я встала и вышла из комнаты. Слава богу, хоть не спорит. Еще мне готовки сейчас не хватало.

Всю ночь промаялась без сна в раздумьях и сомнениях. А утром...

Я сбежала. Ну серьезно. Станный чужой мужик в доме. Хмурой тучей нависающая угроза прихода риелторов. Страх облажаться на битве. И весь этот адский коктейль бурлит через край.

Не для того ягодку растили. Я слишком молода для таких стрессов.

В общаге в силу раннего утра стояла суета. Жизнь бурлила и была невыспавшихся студиезов гроссбухом по сокровенному, готовя площадку для ввода гранита науки особо извращенным способом.

Несмотря на суету в коридоре, в комнате девчонок царило сонное царство.

— Аня? — Рита приподнялась на постели, уставившись на меня растерянной сонной мордочкой. — Ты куда вчера пропала? Мы там на уши всех экстрасенсов подняли.

— Э-э... Вы проспали? Время без пяти восемь.

— Не. Нам ко второй. Точнее, решили забить на физру. Так ты знаешь, что? Ведь ни один экстрасенс нам помочь не смог! — Начинает хихикать. — Никто не почувствовал, куда ты делась. Мы им там такую проверку забацали! Мне кажется нас даже снимали. — И такая гордость и восторг на лохматых, сонных мордашках.

Ухмыльнулась. Как мало человеку для счастья надо.

— Я вчера встретила своего учителя. Точнее... я не совсем уверена, — как же бесит необходимость вечно изворачиваться и что-то придумывать. — В общем, он мне снился. И он же сам вчера подошел там на «Битве». Он такой странный, Рит! С одной стороны, мне действительно нужен человек, который разбирается во всей этой чертовщине, который мне все объяснит. А с другой — чужой, странный мужик в доме пугает.

— Ты что, его привела к себе?!

— Он сам меня притащил! И адреса я ему не говорила!

— Так, может... это они? — подруга переходит на шепот.

— Кто? — вторю ей шепотом, еле сдерживая смех.

— Ну, риелторы. Узнали, чем ты интересуешься, и подослали шпиона. Вотрется в доверие и того...

— Чего того? — еще тише.

— Ну, не знаю... Уговорит квартиру отдать.

— Рита! У меня появились странные способности, но кукушкой я пока не уехала, — смеюсь.

— Да ну тебя! Ты сегодня опять идешь? Помочь собраться?

— Да. Начало в одиннадцать. Пойду сразу. Надеюсь, не поздно.

Сборы заняли не один час. Казалось бы, все продумано. Какой там! То прическа не та, то костюм помялся.

Когда мы на дорожку присели попить чайку, Соня вдруг шлепнула себя по лбу.

— Анька! Мы ж тебе подарок приготовили! — она бросилась к столу и начала с шумом выдвигать шкафчики, что-то ища.

Смотрю непонимающе, а у самой разливается тепло по телу от предвкушения. Так приятна чужая забота!

— Вот! — она протягивает мне небольшой расшитый шелковый мешочек.

Трепетно беру в руки, и чувствую сквозь ткань тяжесть и правильность форм.

— Карты! Реально? А-а-а! Ну супер, здорово! — достаю на свет колоду, рассыпаю по столу, вглядываясь в рубашку и изображения, — Девчат! Вы чума. То, что надо!

Именно что-то подобное я и хотела.

Карты метафорические, с изображением зверей и природы. Подобные будут у любого психолога в 20-х годах, но даже боюсь представить каких трудов стоило сейчас, в 2006 раздобыть подобное.

— Девулечки мои... я тронута!

— С Днем рождения! — студентки в халатах и пижамах полезли ко мне обниматься и так всей кучей мы и завалились на диван.

Еле уговорила девчонок не прогуливать второй день занятий. Клятвенно пообещав зайти после испытания или хотя бы позвонить. У Риты был простенький сотовый, это облегчало задачу. Правда, денег на нем никогда не водилось. Но ради такого случая она клятвенно меня заверила, что положит десять рублей через автомат в холе института.

Из-за непривычки к современным реалиям я даже немного подвисла, вспоминая, как выглядят бумажные десять рублей и как работает автомат для пополнения баланса телефона. Всплыло в памяти, что он сжирает комиссию в пять рублей. Надо же, насколько наша память избирательна. Нет бы вспомнить что-то важное...

Дала с серьезным лицом Рите сотку, попросив быть на связи, и еще пятьсот, чтобы купили винишко, сыр и прочих вкусняшек. Вечером или пан, или пропал. Будем обмывать победу или заливать горечь поражения.

Второй день съемок абсолютно ничем не отличался от первого. Те же лица, народа словно стало еще больше. Смотрю мелькает много вчерашних неудачников. Зачем они здесь? Надеются пройти по второму кругу? Наивно.

Хотя... прислушалась. Да они же всем направо и налево вещают о своих геройских подвигах. Действительно! Что-то я не подумавши ляпнула. Как можно пропустить такую тусовку? Теперь только через год доведется мелькнуть в телевизоре.

Решила ни с кем не контактировать, делать отчуждённый вид, возводя вокруг зону отчуждения. Судя по всему работало, что не могло не радовать — с расспросами никто не лез.

Но и в одиночестве свои минусы. Волнение всколыхнуло новой волной. Я начала всерьёз опасаться, что мою подставу раскроют. Умом понимала, что среди сотен присутствующих каждый второй является шарлатаном, тем не менее страх не покидал.

Народ все прибывал. Одухотворенные лица, томные загадочные взгляды... Присутствующие явно на своей волне, они кайфуют. Это как на концерте, когда все единомысленцы и фанаты одного и того же и их сердца согревает любимый исполнитель.

Простояв, наверное, с час, пришла к выводу, что очередь не продвинулась от слова совсем. Народ перетекал из одного конца в другой, словно на богемной тусовке. Психанув, стала мягко расталкивать впереди стоящих, продвигаясь вперед. Как ни странно, никто меня не остановил.

У столов с администраторами, оформляющими документы, я немного притормозила и стала наблюдать. Комиссия состояла из трех человек, сидящих в разных концах комнаты. Вон у той мымыры я вчера была. Нужно выбрать из двух оставшихся. Одна надменная дама

преклонного возраста, явно мучается, пытается пережить возложенную на нее миссию, настроена ко всему крайне негативно. Ее нервоз ощутим даже на расстоянии.

Вторая — скучающая барышня чуть за тридцать. Видимо, собиралась подцепить здесь солидного мужичка, но по ее виду, понятно, что надежды не оправдались.

Придется работать с тем, что есть.

— Здравствуйте. Ваши документы? Два фото три на четыре, заполните анкету. — Она на меня не смотрит, бубня на автомате набивший оскомину текст.

Протягиваю готовый собранный пакет.

— Все готово. Когда моя очередь?

— Все расписание сбилось, идут по живой очереди. Вчера съемки закончили в час ночи. Сегодня такое ощущение, что эти чудики размножились. Ой, — она наконец подняла взгляд.

Я наклонилась ближе, смотрела ей в глаза и старалась говорить негромко, но четко:

— Елизавета, сейчас вы оформляете мои документы, берете их и проводите меня в начало очереди. Всех любопытствующих осаждаете, говоря, что так нужно, что это приказ руководства. При этом мило улыбаетесь и считаете меня самой талантливой из здесь присутствующих.

Взгляд женщины стекленеет, лицо расслабляется, на губах появляется чуть дебильная полуулыбка.

— Да, я вас узнала. Вы же такая крутая. Я сейчас, — реакции ее чуть заторможены, движения дерганы.

Начинаю нервничать. Заметно и сильно, что она не в себе! Сейчас меня из-за нее еще дисквалифицируют. Как ее размотать назад — не имею понятия.

Взяв документы и ступая чуть нетвердой походкой, она поплыла в направлении уходящего вглубь коридора.

— Лиза, ты куда? — окликнула вчерашняя не принявшая меня мадам. На что та никак не прореагировала.

В коридоре тоже людно. Вдоль стен стояли стулья, на которых обменивались бесценными советами будущие звезды ТВ.

С приближением к заветной двери Елизавета набирает скорость, а мое сердце замирает. Ладно. Как бы там ни было, делаем уверенную мину при любой игре. В конце концов им нужны мои способности. Держите наглядную демонстрацию.

У двери стоит мужчина-секьюрити в черном костюме и один из братьев Сафроновых. Без понятия, который именно. Я их путаю.

Лиза, подойдя, словно не замечая, начинает их отталкивать, желая пройти дальше.

— Воу, ты куда, красотка? Лиза?

— Андрей, я спешу, отойди, — девушка его с силой толкает, тот смеется, ловя ее за руки.

— Там съемки. Ты переработала, что ли? Алло?

— Ты не понимаешь, — она начинает повышать голос. — Этот экстрасенс гениальна! Да она на голову выше всех здесь присутствующих! Нужно, чтобы ее срочно взяли!

— Охладись давай, ты чего там в чай себе заварила, какой еще экстрасенс? — он уже не весел, и с усилием удерживает девушку. Отодвигает на вытянутых руках, смотрит ей в лицо, видит стеклянный взгляд, щелкает перед лицом пальцами, легко хлопает по щеке. — Лиза! Проснись!

Стоящий рядом охранник подобрался, положив руку на рацию, готовясь вызвать подкрепление.

Девушка начинает приходить в себя, хлопать глазами, очухиваясь, растерянно смотрит на Сафронова.

Стою, готовая провалиться сквозь пол. Ну почему все всегда идет кувырком?!

Сафронов, убедившись, что Лиза в норме, переводит на меня взгляд, осматривает с головы до ног, и насмешливым тоном произносит:

— Это ты, что ли, гениальный экстрасенс?

— Допустим, — что-то ты, мальчик, не по возрасту самоуверен, в эту игру можно играть вдвоем, сверлю его таким же оценивающим насмешливым взглядом, — есть сомнения?

Усмехается уже более дружелюбно.

— А ты мне нравишься.

— А ты мне нет. Но это неважно. Мне надоело ждать.

Усмехается.

— Ну, — он кидает взгляд на косящуюся в нашу сторону очередь, чешет голову. — Разве что в порядке особого исключения, со скидкой на «гениальность». — Играет бровями. — Стой здесь.

Жду, сделав несколько шагов в сторону. Чувствую на себе множество изучающих взглядов. Перешептывания слышавших диалог, несколько откровенно хамских выкриков. Весь мой надменный образ насмарку. Чувствую, как к щекам приливает жар румянца. Пытаюсь отстраниться от мыслей и чувств. Успокоить молодой организм. Сосредоточиться на деле. Беру в руку кристалл, надетый на шею, начинаю поглаживать его грани. Я так и не поняла, что в нем особенного, может, он звал, чтобы просто помочь старушке. Но форма у него очень уютная, удобно ложится в ладонь, приятный на ощупь. Да и к образу моему подходит идеально.

Наконец заветная дверь открывается, и я попадаю в просторную светлую комнату. По центру ее перегородивает высокая, черная ширма из плотной ткани. Предмет испытания находился как раз за ней.

Вокруг находится три оператора. Они уже работают.

Андрей заходит из другой неприметной двери и ставит дополнительный стул. Кивает мне на него и заговорщицки подмигивает.

Волнение достигает своего апогея. Сажусь, оглядываюсь. Андрей в углу тихо переругивается с другим ассистентом.

Тестирование экстрасенсы до этого проходили по десять человек. Перед ширмой два ряда по пять кресел. Мое одиннадцатое ну никак не вписывается в картинку. Стараюсь сидеть смирно и не дергаться.

Наконец все нюансы разрешены, шоу начинается.

Фоном включается запись:

«Добрый день, мы начинаем отборочное испытание «Битвы экстрасенсов». Это первый в истории настолько масштабный поиск медиумов по всей стране. В течение нескольких месяцев мы будем испытывать паранормальные способности человека. Узнаем, существует ли шестое чувство.

Узнав о состязании, на котором можно проверить свои экстрасенсорные способности, на передачу пришло более тысячи человек. Разного возраста, разных профессий и

национальностей.

Кто-то пришёл прямо с улицы, а есть среди вас и маститые целители, экстрасенсы. Но главное, что все вы считаете себя необычными людьми.

Практически каждый из здесь присутствующих уверяет, что может видеть сквозь преграды. Мы предоставляем вам такую возможность. Вы должны будете разглядеть то, что находится за этой плотной, непроницаемой ширмой. Вы можете использовать для помощи любые необходимые вам предметы, можно передвигаться по комнате.

По прошествии десяти минут вы должны передать ваши записи ассистенту.

Итак, время пошло».

Я давно готова и знаю, что написать. Совпадет ли? Как знать? Сколько всего осталось за кадром? Девушка с моей внешностью точно в программе не участвовала. Значит уже все иначе.

Итак, пишу: «Молодая девушка, в светлом платье, пышная юбка. Волосы убраны назад. Может, хвост. Она творческая личность. Не стоит, двигается. Плавно. Руками двигает. Словно танцует». Ниже начинаю схематично изображать фигуру человека. Прорисовывая все больше деталей. Многократно обвожу контуры, словно сомневаясь. Время от времени поднимаю руку с перстнем и принимаю отрешенный задумчивый вид. Краем глаза вижу, что сидящий по правую руку мужик нагло списывает мои записи. Пусть. Чем тупее конкуренты, тем проще блистать на их фоне.

Когда по моим ощущениям время подходит к концу, резким росчерком пририсовываю фигуре балетную пачку и оцениваю результат.

Ниже вывожу лишь одно слово: «Балерина».

Заканчивается отведенное время. Собирают наши записи. Выходит сам Пореченков и начинает зачитывать написанное. Просит дать пояснения авторов.

Кто во что горазд. Мда уж мда-а-а... Выдвинутые варианты можно перечислять бесконечно. Собака, Пугачева, коляска, клоун. При таком разнообразии, ткнув пальцем в небо, можно и попасть.

Тем временем, отодвигают ширму, и перед нами исполняет несколько па милая балерина.

Внутри я ликую. Да! В яблочко! Как же сложно сдержать покер-фейс!

По окончании испытания всех вывели через дальние двери, в новый коридор. Здесь шел прием в два кабинета. Нужно было на камеру кратко рассказать о себе.

Ну я и рассказала. Плести небылицы я мастер. Всей общагой под винишко душещипательную историю придумывали. Ну в самом деле, не говорить же, что отец алкаш, а мать свалила в закат.

Легенда моя звучала так.

«Я зову себя Дочерью Скандинавской Волчицы. Моя мать северянка родом из Скандинавии. Ее семья жила в лесу на дальнем хуторе, они жили в гармонии с природой, с другими людьми почти не общались. Ходили легенды, что в определенные дни они превращались в белоснежных волков. Жители ближайшей деревни видели необычных хищников, но те никогда к поселению не подходили.

Отец мой работал на Севере и однажды случайно попал в ту деревню. Увидел мать и влюбился. Это была любовь с первого взгляда. Родители матери были против их брака. Мать тайком бегала к отцу. Но время шло, заканчивалась командировка отца, и отец уговорил мать бежать с ним.

Приехав в Москву, мать поняла, что она беременна. Смена климата для белоснежной кожи оказалась губительна. Мать начала угасать на глазах, в итоге еле выносила меня и умерла.

Отец так больше и не встретил другую женщину. Всю жизнь тосковал по ней.

Ко мне во снах всю жизнь приходила белая волчица. Она оберегала меня и

подсказывала путь. С рождения у меня был обостренный слух и развитая интуиция. Всегда чувствовала изменения погоды и грядущие неприятности. С годами сила начала расти. Уже сейчас я могу многое рассказать о людях, а сегодня, в день совершеннолетия, проведу семейный ритуал призыва моего тотемного волка и стану сильнейшей из предков Скандинавских волков.»

Длинновато, конечно вышло. Вошла во вкус, как говорится. Вырежут для программы, и, увы, далеко не самое интересное. Ну да ничего, еще представится случай «О себе поведать миру!».

После записи «сториз», нас повели практически через все здание насквозь. Я даже немного подмерзла в своем легком белом платье. Пришлось накинуть белую шкуру на плечи и укутаться в нее. Пальто осталось где-то в гардеробе. Я спросила о нем у ассистента. Тот лишь развел руками.

Привели в итоге в очередную комнату ожидания. Вдоль стен стояли стулья. На них уже сидели прошедшие первое испытание. Кто-то общался между собой, поймав волну. Другие продолжали поддерживать свой образ, медитируя над своими прибабасами. По комнате ходил оператор, ловя интересные кадры.

Хотела с многозначительным видом раскинуть новые карты, заодно внимательнее их рассмотреть. Даже начала подыскивать удобное уединенное место с выгодным ракурсом. Но ко мне обратились:

— Анна, вы следующая.

— Хорошо.

Проследила взглядом, как надевают непроницаемую маску на моего соседа и уводят. Приглашали по одному, и более эти люди не возвращались, видимо, двигаясь далее.

Спустя несколько минут очки надели и на меня, взяли за руку и повели вперед, предупреждая о ступеньках и поворотах. Шли недолго.

Прохлада коридоров сменилась жаром софитов. Все эти прожектора мало того что слепят, они еще и греют нехило. А в небольшой комнате без открытого доступа воздуха было как на курорте. Судя по звуку, где-то недалеко работал кондиционер, но он не справлялся.

— Анна, — раздался голос ведущего, — перед вами Мистер Х. Он пришел на испытание инкогнито. Даже наша съемочная бригада не знала до последнего, кого мы сегодня снимаем. Возьмите, — мне в руку вложили что-то жесткое, завернутое в тряпицу. — Это личная вещь мистера Х. Расскажите, кто перед вами.

— Здравствуйте. Я не совсем сильна в гадании по фото и вещам. Вы можете забрать обратно. Мне проще работать с живой энергетикой.

Вещь у меня забрали.

Я провела перед собой пятерней с растопыренными пальцами. Затем другой рукой. Думаю, достаточно выпендриваться. Кто предо мной, я помню из передачи. Первое испытание совпало, нет причин сомневаться в том, что здесь что-то пройдет иначе.

— Красные стены. Золотой трон с резной спинкой. Это мужчина. Красивый. — Добро слово и кошке приятно. — Возраст — около пятидесяти... Длинные темные волосы. Борода... аккуратная такая, — взяла небольшую паузу, подумала и еще раз рукой провела. — Одежда черная... Неженат. Вижу морскую тематику. Кто-то есть в семье из моряков... — говорю размеренно, выдерживая смысловые паузы, все это я вспомнила заранее, теперь лишь озвучиваю, — Я вижу его среди богатых, известных людей. Это какое-то мероприятие. Все ему хлопают. Вот так, браво! Он очень любит внимание, похвалу. — А какой творческий

человек не любит? — И еще он очень раним, нетерпим к критике. Он вот так что-то делает, — показываю маляра, — это... Что же он делает? — направляю на испытуемого прямую открытую ладонь, делаю вид, что анализирую увиденное — Он, несомненно, творческая личность. Прямо вот так, — показываю, как из груди двумя руками что-то вынимаю, — отдает себя работе без остатка. Очень ответственный человек. И как будто все перед ним... заискивают, чтоли, стараются угодить. Его внимание очень дорого стоит... Вокруг него всегда жизнь бурлит. Очень много народа. Он это любит, но в тоже время сильно от внимания устает и словно ищет уединения и спасения в работе. Имя... редкое, красивое. Приходит на ум почему-то Ник, Николай. Но ведь Николай — это не редкое имя? — произношу растерянно, словно сама с собой разговариваю. Замолкаю.

— Думаю, этой информации достаточно? — раздается голос ведущего.

— Как скажете. Тогда у меня все, — сказал и сняла маску.

На какой-то миг свет софитов ослепил, а я, проморгавшись, увидела его. Мужчина улыбался.

— Здравствуйте. Я Никас Сафронов. Художник и актер. Вы все верно сказали. Моя работа для меня всегда, как самая любимая женщина, на первом месте. Моряки — у меня в семье были и есть. Морская династия по мужской линии. Я и сам мореходку закончил. Но не срослось... Богемные тусовки вы тоже тонко почувствовали. Ну и комнату верно описали. Bravo. Десять из десяти!

Мои губы помимо воли расплываются в довольной улыбке. Еще один шагок к моей заветной цели сделан.

Ассистент, молодой парень, вывел меня из здания, и посадил в микроавтобус. Просидели мы еще минут двадцать в ожидании еще троих человек. После чего дверь закрылась и нашу разношерстую компанию повезли в неизвестном направлении.

А хорошо систему отладили! Практически без проводов.

Если честно, я уже устала от томительного ожидания, неизвестности и постоянного напряжения. Скорей бы уже это закончилось!

Ехали, правда, недолго. Повезло. Даже не успела затянуть свою любимую депрессивную шарманку.

Вышли у большого ангара.

Помню-помню. Какой-то бедолага лежит в багажнике, который день напролет. Не позавидуешь. Здесь я, конечно, могу ошибиться, во многих битвах были подобные испытания, но помнится мне, машина счастливица должна быть бежевой.

Съемки моего соло начались лишь спустя сорок минут. За это время подъехала еще одна группа.

В ожидании своей очереди мы пили кофе в небольшом, но теплом кабинете.

Зайдя в ангар, увидев тридцать разнообразных автомобилей, я на мгновение замешкалась. Пройдя вперед, увидела ту самую бежевую иномарку по правому ряду. Шумно выдохнула. Отлично. Укажу на нее, либо совпадет, либо нет. Сейчас гадать что-либо другое бессмысленно.

— Здравствуйте, Анна. — мне навстречу открыто улыбаясь шел рыжий Сафронов, — Перед вами тридцать автомобилей. В одной из них, в багажнике находится мой брат Андрей. У вас есть десять минут, чтобы его найти. Время пошло.

Я посмотрела на него и ухмыльнулась. Вам нужно шоу? Сняла с шеи длинную цепочку с

кулоном-кристаллом и вытянула руку чуть вперед.

Сафронов протянул мне фото.

Мельком взглянув, улыбнулась:

— Я знаю.

И пошла вперед, не прикасаясь к фотографии.

Я ступала медленно, кидая лишь беглый взгляд на каждый автомобиль.

И тут меня потянуло вправо. Не стала противиться этому чувству. Время еще есть. Эта волна привела меня к красному седану. Поводив над машиной рукой для верности, ничего не обнаружила. И что бы это могло значить? Развернулась и напрямик отправилась к своей цели. Время-то идет. Цирк пора заканчивать. Дольше пары минут все равно в телевизоре не покажут. А скорость прохождения, возможно, мне зачтется.

Подошла к своей изначальной цели:

— Эта машина.

— Вы уверены?

— В нашем деле никогда нельзя быть абсолютно уверенной. Не сомневаются лишь дураки.

Сафронов открыл машину. На заднем фоне раздались жидкие аплодисменты съемочной группы.

Из багажника вылез молодой мужчина.

— Спасибо, милая барышня, за скорое освобождение. Лежание в багажнике со вчерашнего дня в моем рейтинге нелюбимых занятий занимает теперь лидирующее место, — он озарил меня лучезарной улыбкой.

Я же сохраняла покер-фейс. Лишь чуть приподняла уголок губ и кивнула.

— Я могу идти?

— Конечно, вас проводят.

Девушка-ассистент пошла чуть впереди, показывая мне дорогу.

— Все ваши данные у нас есть, вам позвонят и сообщат, прошли вы или нет. Но скажу вам по секрету, очень мало кто нашел Сергея. И вы еще так быстро! А та красная машина его! Представляете? Он на ней сюда приехал! Здорово у вас вышло. А мне не погадаете?

Девушка тараторила без умолку. После пережитого стресса хотелось тишины и собраться с мыслями. Лишь усилием воли убедила себя быть любезной.

— Извините, я устала. В другой раз, хорошо? — и мило улыбнулась.

— Да-да, конечно, я понимаю.

Я действительно устала. Этот день был невероятно долгим и выматывающим. Выйдя на улицу, зажмурилась, наслаждаясь последними лучами заходящего солнца. Удовольствие разлилось по всему телу.

Я это сделала! Я смогла!

Испытание закончилось. Вечерело. Уточнив у ассистента, где нахожусь, поняла, что место расположения очень неудобное и удаленное от моего дома. С одной стороны, там меня должен ждать Сэнсэй. Он вроде как гость, нужно его развлекать. С другой стороны, некомфортно мне с этим странным чужим мужиком. Сидит как истукан. Чему он вообще может научить? Если честно, не понимаю, что мне с ним делать. И сегодня я слишком устала. Подумаю об этом завтра.

Вызвав такси, поехала в общагу к девчонкам. Те встретили радостным визгом и накрытым столом. Оказывается, они всё это время меня ждали, пиршество не начинали.

Стало так тепло и приятно на душе. Давно для меня никто не устраивал таких праздников. Даже прослезилась.

А потом полился град вопросов. Видела ли я кого-то из звёзд? Удалось ли мне познакомиться с кем-то из мужчин? Прохождение испытания волновало девочек меньше всего. Их любопытные умы, пока не избалованные скудностью телеэфира, требовали «мяса».

Не стала их лишать этого удовольствия. Рассказала в самых сочных подробностях, какие были сексуальные brutальные ассистенты. Что все они как один пытались ко мне подкатить, просили номер телефона, пытались схватить за руку. Видимо, я плохая актриса, или сценарий моего сольного выступления был не очень, только первой рассмеялась Ритка. Соня надула губки и обиделась. Она-то сидела и слушала с открытым ртом.

Чтобы совсем не разочаровывать девчонок, описала Пореченкова во всех деталях и Сафронова старшего.

Братья-фокусники пока не так популярны, вряд ли девчонки что-то о них слышали. Акцентировать их внимание не стала.

С угощением хозяйшки расстались на славу. Удивительно, как такой шикарный стол можно накрыть на пятьсот рублей? Нужно срочно сходить в магазин, изучить цены на ходовые товары, иначе можно попасть впросак. Мне-то привычны ценовые категории совсем другого времени.

Гужбанили мы всю ночь. Вдоволь наболтавшись, вытянув из меня все подробности, девчонки устроили танцы. На звуки музыки и запахи еды подтянулись ещё студенты. Общага тем и уникальна, здесь всегда у кого-то праздник. Здесь невозможно остаться в одиночестве, грустить, голодать. Всегда найдётся заботливый человек, который не только поддержит, но и устроит целый движ в поддержку реабилитации твоего настроения.

Долго звать никого не пришлось. Народ набежал сам. В пять минут от остатков салатов и горячего ничего не осталось. Дальше были танцы. Было весело. В такие моменты телс берёт контроль над разумом. Я отрывалась по полной. Не помню, когда в последний раз так бесилась и радовалась тому, что я просто есть.

Всё хорошее когда-нибудь заканчивается, и настает похмельное утро. Проснувшись на следующий день, девчонок не обнаружила, чувствуя при этом дикий сушняк и головную боль.

Веселиться, конечно, здорово, но долго в таком темпе не протянешь.

Вывод: общага — зло.

Собравшись, отправилась домой. Нужно было срочно утопиться в ванной.

До квартиры я добралась только в районе обеда. Зайдя, прислушалась. Стояла звенящая

тишина, даже подумалось, может, этот мужик свалил?

Помня, что дома пустой холодильник, по дороге заскочила в магазин. И теперь, стоя истуканом посреди прихожей с двумя сумками, оттягивающими руки, выглядела я, наверное, как минимум странно. Тишина — это хорошо. Выдохнула с облегчением.

Все же странный он, скинув обувь, потопала на кухню.

И тут мне по жопе прилетел звонкий смачный шлепок. Резко развернувшись, зацепилась пакетом, тот порвался, и продукты посыпались на пол. Но я была настолько ошарашена, что даже этого не заметила. Сомнений нет, это Сэнсэй. Но его поступок меня обескуражил.

— Что-о-о? Вы-ы-ы? Зачем это? — у меня все слова разом пропали.

В его руках длинная ровная палка, как черенок от лопаты. И где только он ее взял?!

— Ты у меня на обучении. Если планируешь шляться не пойми где, мне здесь делать нечего. — Да он реально взбешен! Нависает надо мной и испепеляет взглядом.

Мамочки!

— Я больше не буду, — единственные слова, что приходят на ум.

— Живо накорми меня! И пока я буду есть, ты переоденешься, и мы начнем тренировку, — говорит он с легким акцентом, чуть смягчая и коверкая слова.

Смысл его речи немного отрезвляет и приводит в чувство. Ну и хам. Я в шоке.

Молча разворачиваюсь и тащу остатки уцелевшей еды на кухню.

Кромсаю ему огромные кривые бутерброды. Рублю колбасу, сыр, представляя бороденку Сенсея. Я бы ему волосенки проредила, я бы ему поубавила пыла! Нашелся тут командир!

Одно лишь осознание того, кто я в этом мире, какая у меня цель, и кто мне этого учителя послал, постепенно успокаивает. Что волчица вообще про него говорила? Убей не помню.

Стукнув тарелкой о стол, демонстративно прошагала в спальню за одеждой, а потом и в ванную. Чтобы заниматься, нужны трезвые мозги. Мне срочно требуется душ!

Полчаса спустя, разомлевшая от горячей воды, натягиваю на себя старенький спортивный костюм, найденный в шкафу. Довольная выхожу из ванной.

И тут же мне прилетает тычок в живот. От боли сгибаюсь и падаю на колени.

— Что-о-о? — сиплю, в изумлении пуча глаза.

— Ты как беременная черепаха. Ты знаешь слово дисциплина? Ты моя ученица! Ты позоришь меня! Ты вообще прошла испытание?

— Да.

— Тогда нужно тренироваться вдвое интенсивнее! Что это за лохмотья на тебе? Это оскорбление. Чтобы я больше такого не видел! Ученик должен быть одет с иголочки! Тренировка — это сакральное таинство! Это превознесение духа над телом! Поняла?

— Да.

— Ты должна говорить «да, Сенсей».

— Да, Сенсей, — кажется, я приютила психа...

— Сегодня это первый и последний раз, когда ты приходишь в таком виде. В следующий раз избыю до кровавых пузырей. На третий развернусь и уйду.

После коридорного самоутверждения суперраздутого эго моего новоиспеченного учителя мы прошли в зал. Ну как прошли. Сенсей шагал с гордо поднятой головой, я, скрючившись, семенила следом. Да он мне все кишки проткнул! Садист недоделанный!

— Сядь в позу лотоса.

Падаю на пол посередине зала. Корячусь, стараясь загнуть ноги, но от волнения ни руки, ни ноги не слушаются.

Хлесть!

Снова прилетает удар по спине.

Взрываю от боли и поднимаю руки в защитном жесте.

— За что?

— Ты как жирный неповоротливый карп! Сядь на колени!

Быстро подгибаю ноги под себя и складываю руки на коленях, как примерная ученица.

Уже почему-то не страшно. Даже немного интересно. Вот только место ушиба болит. Бьет он, конечно, не сильно, скорее это звонкий обидный шлепок. Просто неожиданно и очень быстро. Вроде старик, а реакция зверская!

— Закрой глаза. Расслабь полностью тело.

Хлесть!

Новый удар!

Вытянулась стрункой. Глаза открыть боюсь.

— Вот так и сиди. С ровной спиной и гордо поднятой головой. А не как червяк на крючке, дрожащий при виде рыбы! Концентрация на позвоночнике, почувствуй, как сверху идёт энергетический луч, он пронзает тебя насквозь. Напитывает силой.

Я слышу, как он ходит вокруг меня кругами. Стараюсь успокоить дыхание. Расслабить напряженные мышцы. Мысли начинают успокаиваться и ускользать. Сознание очищается, мир закручивается в спираль, и я куда-то проваливаюсь...

Такая легкость во всем теле. Голова ясная, как после отличного сна. Тело полно энергии. Открываю глаза: вокруг белое пространство. Резко оглядываюсь. Волчицы нигде нет. Поворачиваю голову и отшатываюсь. На расстоянии вытянутой руки стоит сенсей в белом кимоно. Опускаю взгляд — на мне такое же.

— Я уже понял, что ты неповоротливый жалкий слизняк. Твои мышцы как рисовая лапша. Ничего не защищают.

Хлесть!

— Ай!

— Никакой реакции. Я буду тебя постоянно бить! Или терпи или уворачивайся!

Хлесть!

— Вссс... Да как? Вы взрослый мужчина, а я девушка.

Хлесть!

— Проснись, курица. Бегаешь за цыпленком, а должно быть наоборот. Ты где находишься? Управляй своим сознанием.

Начинаю потихоньку закипать. Я пытаюсь увернуться. Какой там!?

Хлесть!

Как же больно, черт!

— Бездарность! Тебе дана сила. Но ты никогда не узнаешь, насколько она велика. Ведь это тело очень слабо, чтобы пользоваться ею.

Контратаковать? Вы о чем? Выжить бы!

Хлесть!

— Закаляй тело. Практикуйся. Слышала, в здоровом теле здоровый дух? Чтобы стать сильнее, нужны тренировки. Много тренировок...

— Так и тренируйте меня, а не избивайте! — кричу в отчаянии.

— Первое правило тренировок: молчать, пока учитель не разрешит говорить! Быстро на полосу препятствий!

Хлесть!

— Что-о?

Хлесть!

Отбегаю, оборачиваюсь. Вокруг на всю видимость обзора разливается белое бескрайнее пространство.

Что это за матрица такая? Я в шоке.

Недалеко от меня появляются деревянные сооружения. Это, наверное, и есть полоса препятствий. Подбежала и замешкалась в самом начале. Ряд перекладин на высоте бедер. И только хочу спросить, как лезть: снизу или сверху?

Хлесть!

Я даже не заметила, как то ли перепрыгнула, то ли перелетела через первое препятствие.

Дальше идут уже более понятные: ров, бревно лабиринт, стена с канатом...

Что-то мне дается легко. Тело стройное, молодое и гибкое. Но при этом мышцы откровенно слабые. Подняться по канату я не могу, за что вновь получаю несколько обидных шлепков палкой.

— Это пространство вне времени. Наши тренировки будут проходить здесь. Придется очень много работать. Твое тело выглядит как насмешка природы...

Он все время что-то говорит и ходит за мной по пятам. Не знаю, сколько проходит времени. Может, полчаса, а может, и все три. С меня градом катит пот, кожа рук красная и саднит, спина и то, что пониже болят от ударов палкой. Падаю на колени, а затем и на пол. Грудь ходит ходуном. В глазах плывет белое марево. И я отрубаясь.

Просыпаюсь от боли. Тело ноет, как будто меня пинали ногами. Хотя в памяти всплывает вчерашняя тренировка, почему «как будто», примерно так все и было.

На мой стон в комнату входит сенсей и резко сдергивает с меня одеяло. Инстинктивно прикрываюсь руками, но на мне есть какая-то одежда. Так это вчерашнее кимоно! Как? Оно же было в иллюзии? Или нет?

— Вставай. Пора завтракать. Ты очень долго спишь!

Постанывая, встаю, с трудом переодеваюсь и плетусь на кухню. Руки и ноги не слушаются. Я чувствую каждую мышцу. Даже те, о существовании которых не догадывалась в обеих жизнях.

За что же мне такое наказание? Какая готовка в таком состоянии? Мне бы полежать. Вообще не понимаю, что происходит. Как такое возможно? Занималась я там, а болит все здесь и сейчас.

Варю гречку и сосиски. Хорошо хоть, этот критик на еду не жалуется. А то устроил бы мне здесь шоу «Кулинар». Хотя травануть бы его по-тихому, может, и поговорчивее бы стал...

— Твое тело очень слабо. Нам нужно много тренироваться.

— Зачем мне такие интенсивные тренировки? Я даже ходить нормально не могу. Меня взяли в проект. Сейчас начнутся съемки, что я буду делать?

— Твои съемки — ерунда! Сила, которую ты можешь и должна принять, тебя просто убьет. Закаляй дух, закаляй тело. В здоровом теле — здоровый дух. Слышала?

— Да, Сенсей, — говорю тихо, а у самой слезы наворачиваются — рука так трясется от

напряжения, что я не могу донести до рта гречку — та рассыпается.

Нервно хватаю сосиску и откусываю половину.

— Съёмки для меня тоже важны. Вы правы! Это тело вызывает только смех. А мне нужно, чтобы меня слышали большие люди. Мне нужен «вес» в обществе! И совершенно нет времени, чтобы долго зарабатывать себе имя. А как только меня покажут по телевизору — обо мне узнают. А там заинтересуются сверху. Чем быстрее я туда, — показываю пальцем наверх, — попаду, тем быстрее начну менять ход событий.

— Что должно, то случится. Людей нельзя изменить. Измени себя, и тогда ты поймешь.

— Я боюсь. Не знаю, как я смогу что-либо изменить. Мне нужна эта битва. И тренировки тоже нужны. И ваше обучение. Но я боюсь не справиться.

— Для этого я здесь. Ты закончила?

Киваю.

— Продолжим наши тренировки.

Мои глаза в ужасе расширяются. Но вот я в кимоно со страдальческим лицом сижу в позе лотоса. Спираль... Боли нет. Есть полоса препятствий...

Стою в подъезде под дверью в собственную квартиру и всухомятку давлюсь шоколадкой. Как я дожила до такой жизни, спросите вы. А я отвечу!

Мало того, что этот изверг ежедневно меня унижает своими шлепками, загоняет мое тело до изнеможения на тренировках, так еще и отбирает у меня шоколад! Доколе, я хотела бы знать, будет продолжаться эта пытка?! А, главное, где же я так нагрешила?

Одно радует: магия белого пространства таинственным образом снимает все последствия этого извращенного вдальблывания новых навыков в мое тело. С одной стороны, в белом пространстве ждут адовы тренировки, иду туда на одних морально-волевых. С другой — только переступаешь «порог», вся мышечная боль и ломота проходят.

Как кнут и пряник.

В реале первые спазмы прошли, боль в мышцах есть, но вполне терпимая. Просто эти первые дни ломания себя дались непросто. В обычной жизни я бы, сто процентов, сбежала. Дух мой слаб, в этом с сенсеем не поспоришь. Но здесь и сейчас? Этот человек мне нужен в будущем. Он важен для моей глобальной цели. Посланник дала это четко понять. И я не в том положении, чтобы капризничать.

Дни сплелись в бесконечный хоровод. Просыпаясь, не понимаю, какое время суток, вместо тела отбивная. Плетусь в ванную, затем на кухню. Проталкиваю в свой бедный организм еду.

Ах да, конечно же, сперва нужно умаслить сенсея. Сосиски, видите ли, ему приелись. Натурального мяса подавай. Зожник хренов. Кто тогда все мои шоколадки, спрашивается, слопал? Даже ту, что я тайком сунула в свою тумбочку! Чтоб его кариес целиком сожрал!

— Здравствуйте. — Мое увлеченное самобичевание прерывает мужской голос.

От неожиданности подпрыгиваю и чуть не роняю шоколад на пол.

— Извините. Не хотел вас напугать. Вы же Анна?

— Да, я. Здравствуйте.

На площадке передо мной стоит молодой представительный мужчина, в руках у него папка с документами. Он ее открывает и протягивает мне белые листы. С опаской смотрю на него. Риелтор?

— Что это?

— Вы прошли отбор и стали участником «Битвы экстрасенсов». Поздравляю.

А ведь действительно! Я с этим садистом забыла обо всем! Сколько вообще дней прошло со съемок испытания?! Полнейшая дезориентация во времени!

— А какое сегодня число?

— Уже три дня прошло! Мы вас потеряли. Телефон, который вы указали, не отвечает. Вот, отправили меня с визитом. Вы, пожалуйста, убедитесь в исправности линии, во время съемок вы должны быть постоянно доступны. Все детали и нюансы есть в договоре. Вы его изучите и подъезжайте сегодня к четверем в здание администрации. Там в конце листок, на нем все данные. Также вот моя визитка на всякий случай. Будут вопросы — звоните, не стесняйтесь.

Сперва не веря, а после со все шире растягивающейся улыбкой, я взвизгнула и повисла у него на шее!

— Получилось! — Уровень эндорфинов пробил верхнюю планку, разве что из ушей не

брызнул. Где только все это пряталось буквально пять минут назад?!

Мужчина, ставший в первый момент как каменное изваяние, немного оттаял:

— Поздравляю еще раз, конкурс был серьезный. Более шестидесяти претендентов на место.

— Простите, — слезла наконец с крепкой шеи, смутившись сама. — Я обязательно буду. Чаю?

— Нет-нет, мне пора.

Кивнув, мужчина развернулся и сбежал по лестнице к спасительной свободе.

Ну, сейчас я устрою кому-то взрыв мозга! Такое настроение, как у меня сейчас, не испортит никто!

— СЕН-СЕ-Е-ЕЙ, — заорала с порога дурниной.

Учитель медленно вышел из комнаты. Как ему, наверное, думалось, с пафосом, на самом деле с опасением.

— Меня взяли! Взяли! Взяли в программу! — висла и раскачивалась на мужской шее второй раз за утро.

Главное, не перегибать. Медленно отступаю и протягиваю ему договор как доказательство:

— Они ждут меня к четверем для подписания контракта. Вы представляете? Это победа!

Мужчина стоит, подобрившись, губы его плотно сжаты в тонкую линию.

— Нужно срочно начинать тренировки. Так мало времени. Мы ничего не успеваем.

— Что-о-о-о? В смысле? Мы же тренируемся... и так много, — встретив холод глаз, тут же потупила взор. Что-то я волю почувствовала.

— Мы еще даже не начали. Что за наказание мне? Где я так согрешил?

Далее пошла неразборчивая речь на иностранном языке. И он просто... ушел.

Ну и ладно! Срочно отписаться девочкам!!! Уж они за меня точно порадуются. Где мой телефон? Ну надо же, за три дня он даже не разрядился. Потрясающе непривычно. Помню, некоторых смартфонов и на день не хватало. А тут знай себе лежит, никто в него каждые пятнадцать минут не заглядывает. Но, что странно, ни одного пропущенного.

Набираю девочек:

— Недостаточно средств...

В смысле? Я же специально с запасом положила. Как так? Никуда особо не звонила. Если только... Ну, конечно, год-то какой? Роуминг внутри страны между областями... Вот же я бестолочь. Неужели снова идти сим-карту покупать? Хотела расстроиться, да махнула рукой. Не буду терять время.

Раз сегодня мое потрошение откладывается, займись делами насущными!

Мне срочно нужны деньги! Тех, что мне любезно выдали в моем городе, увы, надолго не хватит. Нужно изучать, анализировать возможности, искать спонсоров... Сейчас все деньги у тех, кто их «легально» отжал в девяностых. А что может помешать этим предприимчивым людям отжать всю такую необычную маленькую меня в личное пользование? У меня даже защитника адекватного нет. Тяжко вздыхаю.

Конечно же, при таком раскладе физически мне ничего не грозит, посадят под замок и не спросят. Но это полный контроль, ограничения, и серьезная проблема для моей основной цели. Так что до всеобщей славы, которая и привнесет, и в то же время защитит, еще дожить надо. Бедная и несчастная я пошла в комнату к компьютеру. Всё сама, всё сама.

Усевшись на деревянный расшатанный стул, запустила тормозного монстра.

Потрясающий агрегат, смотрю на него — и пробивает на скупую слезу. Даже дисковод для дискет есть. Да и сами дискеты лежат в выдвижном ящике.

Интересно, в каком году изобрели флешку? Точно помню в широкие массы ее запустили намного позже. Но вот когда...? Может, мне ее запатентовать... хм...

Загружается Windows 98. "Любименький" Explorer... Power DVD, Winamp...

Все такое родненькое, словно приехала к бабушке и с умилением смотрю на древний ковер на стене.

Вау! Тут и игры есть. Что это? Serious Sam. Да... Анька-то у нас продвинутая была Норм, норм.

Lines! Залипушная тупушка. Надо сенсею показать! Может, от меня отстанет?

Ладно, это все лирика. Мне нужны биржевые сводки! Да-да. Теперь мне восемнадцать, проблем быть не должно.

Подтягиваю мышь за провод, делаю несколько поступательных движений рукой, чтобы раскатать колесико, заглядываю мыши вниз, хихикаю, кручу колесико пальцем, ммм, гладенькое.

Итак, «установить интернет соединение», ввожу карточку аж со ста мегабайтами, модем под столом начинает утробно мурчать.

Колонки начинают пиликать — аська разрывается длинным списком сообщений.

— Ой, ребят, извините, я вас никого не знаю. Отдыхайте. А вот девочкам можно и написать.

Набираю краткие эмоциональные, полные междометий, знаков препинания и смайликов сообщения Соне и Рите. Все остальное скролю.

Не в этой жизни.

Открываю Internet explorer. Домашняя страница — Rambler. Грузится оставленная прошлой хозяйкой страница с рецептами. Может, не такой уж и плохой был ее папаша? Земля ему пухом. Было ведь у нее время и готовить, и учиться.

Надо, кстати, к соседке заглянуть, денег дать. Неудобно вышло...

Интересно, а Google уже появился? Можно и его акций прикупить. Вот уж не прогадаешь. Единственное, неизвестно, когда он начал активный рост.

Как же получить-то полную картину? Ну невозможно же знать все даты наизусть! Хоть бы брошюрку какую распечатали, прежде чем меня сюда отправлять... Нелюди, блин.

Перво-наперво — «Финам». Да ты ж мой родненький! Основан в 1994, и филиал недалеко от дома. Записала в тетрадочку.

Да-да. Я подготовилась! Принтера у меня нет, дискетки — это, конечно, прекрасно, но тоже мимо. Будем действовать наверняка — по старинке! Или сейчас это еще не старинка? Задумалась...

Читаю, какие предлагают к покупке голубые фишки. Бубню себе под нос, скроля страницы и графики.

Все не то. Многих названий я вообще не помню. Да и знаний как и насколько они вырастут у меня нет. Словом, «Сбербанк» и «Газпром». Сбер стоит двенадцать рублей. Вырастет по любому. В 2008 году он точно около пятидесяти был. Значит, за два года прибыль больше 600 % — одобряю. Кризис в 2008 у нас будет летом. Скину на всякий случай в конце зимы и доллары куплю, да пережду все бешеные скачки, чтобы наверняка. С этим решили. Зайду завтра, счет открою, положу свои скромные пожитки, пусть потихоньку множатся.

Миллиардером мне сейчас, увы, не стать, но приумножить данное от рождения в этом теле не помешает.

Facebook, оказывается, основан у нас в 2004, и сейчас это сайт знакомств. Милота какая. Интересно, можно их акции купить? Интерфейс мне определенно что-то напоминает... Ну ничего своего придумать не смогли...

Youtube тоже утаптывает себе гнездышко на рынке с прошлого года. Отли-и-ично! Мне срочно нужен свой канал. Девчат попрошу его развивать, контент обрабатывать. Пусть пока тематические нарезочки пилят и готовят неискушенный люд к лютым фокусам мадам Анны.

Можно, кстати, подружиться с братьями Сафроновыми, пусть меня распилят, что ли? Мысль эту запишем в тетрадочку. Верные помощники у меня есть. Рита освоит хорошую камеру, а Соня монтаж. Комп у них в комнате есть, пару программ по обработке видео и наложению звука потянет. Будем зарабатывать всенародную любовь!

Как же все здоровско складывается. Время, время, как же его не хватает на все хотелки...

А может, мне TikTok создать? Закусила губу, самолично бы расстреляла создателя этого трешевого угара, но, если это принесет мне хорошие деньги... Деньги точно понадобятся. Не знаю еще, на что конкретно, но чую, лишними не будут. Нельзя ни от кого зависеть. Все нужно делать самой.

За полчаса до назначенного времени я была уже на месте. Встретилась со своими теперь уже конкурентами.

Нас усадили в просторной комнате переговоров за овальный массивный стол. Во главе стола стояла молодая, ухоженная женщина.

— Добрый день. Я продюсер проекта, Мария Шайкевич. Хочу поздравить всех присутствующих. Вы десять лучших героев по итогам испытаний. Подобные передачи уже давно идут по всему миру. Но в России впервые. Именно вы примете участие в «Первой Битве Экстрасенсов». Будут и другие, но вы навсегда останетесь первопроходцами. Мы уверены, что рейтинг передачи взлетит до небес. Люди любят все необычное и загадочное, — женщина обвела всех нас взглядом. — Марина, раздай договоры.

Девушка-ассистентка начала обход присутствующих, перед каждым на стол ложилась увесистая пачка бумаг.

— Итак, нам предстоит долгая работа. Думаю, вы понимаете, какая это реклама для вас в первую очередь. Даже если вы об этом не задумывались, с выходом уже первой серии, а это будет 25 февраля 2007 года, вы проснетесь знаменитыми на всю страну.

— Получается, почти полгода ждать? Начнется показ в феврале, а финал в мае? — подала голос расстроенная полноватая женщина с гнездом на голове. Не помню, кто такая, видимо, вылетит одной из первых.

— Верно. Контракт с вами подписывается вплоть до окончания выхода последней серии. Все это время вам будет выплачиваться зарплата. В договоре все прописано по пунктам. Есть основная оплата, а есть бонусы за эфирное время. Соответственно, чем вы лучше и интереснее себя покажете, чем чаще будете мелькать на экране, тем больше денег получите. Монтаж отснятого материала длится намного дольше, потому необходимо быть доступными для вашего ассистента 24/7. Съемки на открытой местности всегда непредсказуемы. К тому же человеческий фактор никто не отменял. Могут потеряться материалы, подвести техника, что угодно. И если понадобится переснять что-то, никто не будет вас искать по всей бескрайней родине, будет проще вас вырезать вовсе и заменить более предсказуемыми участниками. Поверьте, желающих на ваши места хватает.

Сидящий по левую руку от меня мужчина громко сглотнул. Волнуется, что ли?

— Итак, съемки длятся несколько месяцев, на это время вам предоставляется зарплата, а также льготные условия проживания в нашем общежитии. Съемки носят разъездной характер, поэтому каждый раз вы собираетесь как в короткую командировку. Выезды могут быть ранние, и даже ночные. Поэтому настоятельно вам советую на время съемок по возможности поселиться у нас. Так всем будет удобнее.

Ух ты! Здорово как. Интересно, можно мне, москвичке, будет туда податься?

— Расписание на ближайший месяц установлено следующее: вы будете заняты четыре дня в неделю. Понедельник, вторник — общие съемки. Среда — просмотр материала. Четверг, пятница — снова съемки. Суббота — просмотр и монтаж. При необходимости в дни монтажа отдельная группа едет переснимать точно неудачные моменты. Таким образом, выходной у вас один — воскресенье. Можете этот день посвятить родным.

Участники засуетились и загомонили.

— Недовольных не держим, на ваше место сотни желающих, — женщина сказала как

отрезала.

Гомон стих.

— Процесс съемок абсолютно непредсказуем, часто случаются накладки. Планируйте на ближайшие месяцы полностью отдаваться проекту, в любое время суток. Думаю, вы осознаете последствия и плюсы от такой самоотдачи, надеюсь на ваше полное содействие и понимание.

Присутствующие прониклись. Кто-то читал контракт, кто-то кивал и ждал продолжения.

— Далее, ваш внешний вид. В проекте работает первоклассная команда стилистов-визажистов. Они вам посоветуют и подберут запоминающийся образ. Их посетить обязательно в самое ближайшее время. Не забывайте. В первую очередь это телевизионное шоу. И по его итогам вы станете известны на всю страну. Не посрамите свое имя. Опять же, продумайте, еще не поздно взять сценический псевдоним.

Мария привстала со своего места и обратилась в женщине, сидящей рядом.

— Приведу случайный пример, Наталья Носачева, может вы? Ведь можно придумать что-то загадочное. Ведунья, колдунья и тому подобное. Оставить лишь имя. Либо сменить имя полностью на псевдоним. Вам работать с этим всю жизнь. Решать только вам. Ваше приветственное видео еще можно переснять, представляетесь своим именем вы только там.

— Ой, я как-то об этом даже не думала, — смутилась скромная женщина. — Могу я посоветоваться с родными?

— У вас есть время только до завтра. Про ваше расписание я сказала. При нарушении графика съемок все штрафы прописаны в договоре. Поверьте, они вам не понравятся. Читайте внимательнее, что вы подписываете, и не нарушайте. Тогда все у нас с вами будет прекрасно.

— А за съемки в испытании когда деньги выплатят? — спросил молодой высокий парень.

— На испытание контракт у всех был отдельный, вы его подписывали при анкетировании. Там и указаны сроки. Я не бухгалтер. Изучите его дома. Все бумаги у вас на руках. Далее ваша зарплата будет идти по нарастающей. Чем интереснее ваше выступление на очередном испытании, чем больше вы попадаете в кадр и занимаете экранное время, чем дальше проходите в испытаниях, тем выплаты выше.

— То есть мы должны устраивать цирковое представление со спецэффектами?

— Все наше шоу — в своем роде представление. Устраивать вы можете что угодно. Но помните, что репутацию заслужить очень сложно, а потерять можно за мгновение. Каждый решает сам, в каком образе ему предстать перед зрителями.

— Я правильно поняла, — не унималась женщина, — спецэффекты типа дыма разрешены?

— В разумных пределах. Оговаривайте все дополнительные ваши придумки с ассистентами и съемочной группой. Это должно быть зрелищно, а не выглядеть как дешевая цирковая пародия. Все эти нюансы вы сможете обсудить с Мариной, — девушка, раздававшая контракты, подошла к Марии. По всем вопросам и проблемам обращаться к вашему менеджеру Марине. Понос, температура, прыщ на носу, любые коллапсы перед съемками — все к Мариночке. Она у нас кудесница и может снег летом в Африке достать.

— Здравствуйте, — девушка выглядела вполне доброжелательно.

— Итак, больные, кривые, но вы обязаны присутствовать на съемках. Если какие-то

серьезные, не зависящие от вас причины, и вы уходите со съемок, мы это как-то аргументируем для зрителя. Либо как-то иначе решаем проблему, вплоть до того, что кого-то из здесь присутствующих заменяем. Также замена, скорее всего, произойдет, если на последующих трех испытаниях вы не покажете никаких результатов, ни как актер, ни как экстрасенс, контракт будет расторгнут, вас заменят, пересняв часть кадров. Съемки поэтому и ведутся настолько заранее. Это шоу будет колоссальным и масштабным. С этим, думаю, понятно, еще изучите нюансы.

Все закивали, соглашаясь.

— Ну и еще один из важнейших пунктов, на который хочу обратить ваше особое внимание, — это тотальный запрет на разглашение любой информации. Штрафы колоссальные. У нас огромный штат юристов, и я вас вовсе не запугиваю, а напоминаю об ответственности. Также запрещено сниматься в течение всего времени съемок передачи, в других проектах. Штрафы, соответственно, в контракте.

Женщина закончила свое выступление, кивнув ассистентке. Та вышла чуть вперед:

— Итак, друзья, я Марина. Сейчас мы все с вами познакомимся. Я отвечу на любые ваши вопросы. Изучайте контракт. По времени сейчас вы не ограничены, но подписать его нужно сегодня. Если вам нужно посоветоваться с родными, все же вы выпадаете из привычной для вас жизни на долгие месяцы, делайте это, но в темпе.

— Подойдите ко мне, пожалуйста, я вообще в этих контрактах ничего не понимаю и жутко боюсь все испортить... — затараторила женщина с рыжими волосами.

— К сожалению, я вынуждена вас покинуть, — сказала продюсер. — Была рада познакомиться. Увидимся на съемках. Марин, я передам секретарю, что надо подать кофе с закусками.

На Марину тетки-экстрасенсши накинулись с расспросами как коршуны. Чего им неймется, спрашивается. Все же доступно объяснили. Да и смысл возмущаться? Что там выторгуешь? Контракт составляли тертые юристы. Выдержав это перетягивание Марины еще минут пятнадцать, поставила размашистую подпись на всех листах и пошла домой. Вот где ждет меня разбор на запчасти.

— Вы же видите расписание. Съемки каждый день. Нужно жить в общежитии. Ранние выезды, ненормированный график. Да и после тренировок я буду как вареный банан, — ловлю себя на мысли, что уже начала перенимать у сенсея его оригинальные сравнения. — Словом, я не знаю, как нам теперь быть с тренировками.

Сенсей гневно раздувал ноздри.

— Есть Дух, Душа и Тело. В прошлых жизнях твои помыслы были чисты. Душа твоя за череду перерождений обрела крепкий Дух. Но твое Тело не сможет принять его Силу. Ты как полудохлый карп на нересте. Должна плыть к цели, а сил нет! Мечешь икру, не добравшись, и все без толку! Все твои начинания улетучатся, как туман по ветру. Почему ты не хочешь стать сильной? Почему позволяешь сомнениям точить дыры в твоей уверенности? Силы как раз через них и утекают!

Смотрю на сенсея широко открытыми глазами. За эти дни мое отношение к нему изменилось. Боль и обида словно отступили, кажется, что с каждым хлестким шлепком в мое тело вбиваются крупинцы сил и мудрости. Скажете, бред? Как бы не так!

Наставник тем временем все сильнее сам себя распалял:

— Именно тебе выпала великая честь! Испытание! Ты должна гордиться этим.

Трудности делают нас сильнее, только если мы сами этого хотим. Когда мы боремся — это нас закаляет. А если даем слабину, пускаем в душу сомнения, теряем цель, к которой движемся, то никто не сможет нас сподвигнуть на эту борьбу. У тебя есть цель?

— Да, — отвечаю твердо, сжимая руку в кулак, — моя цель не допустить повторения истории любой ценой.

— Это достойная цель, но глупая. Ты выбрана неслучайно. Так зачем метать икру на мелководье? Налетят чайки, и вся жизнь прошла зря. В тебя поверили, дали второй шанс. А ты хочешь тешить гордыню? Слишком высоки ставки в этой игре, девочка.

Поджимаю губы. Прав он в чем-то. Даже звучит безумно. Но ведь и я права! Популярность и телевизор — это короткий путь для придания веса своей личности. Причем насыщенность сил, по сути, не играет большого значения, больше актерское мастерство. А стань я сейчас великой магичкой со сверхсилой — разве можно ее хоть кому-то продемонстрировать? Закуют в бункер и будут использовать как тайное ядерное оружие. Была Аня, да сплыла. Никто ничего не слышал, не видел, а кто и видел, уже никому об этом не расскажет. Слишком высоки ставки.

Зыркаю на Сенсея, но этому разве объяснишь? Твердолобый карп. Ох, опять!

— Сенсей. Я уважаю ваш опыт, вашу мудрость и снисхождение до меня, неуча. Но не могу отказаться от выбранного пути. Я не тешу гордыню. Популярность нужна мне, чтобы добраться до нужных людей. Без них я не справлюсь. Один в поле не воин.

— Толпа дармоедов — это, а не воинство! Все лебезят в глаза, сыплют бисер. А как пельмешки подгорать начинают — каждый прячется за спину другого. Трусливые скунсы!

— Но и одна я ничего не добьюсь. Даже если моя сила вырастет многократно, мы находимся в обществе, с которым хочешь-не хочешь, а считаться приходится.

— Не надо сокрушаться. Но и не увлекайся. Отделяй зерна от плевел. Твоя миссия в другом.

— И в чем же моя миссия по-вашему?

— Посланник отправил тебя на перерождение, чтобы спасти заблудшие души. Они слабы, свернули с предначертанного пути. Твой дар особенный. Только ты выбираешь, кого спасти. Но ни ты, ни кто другой не может спасти всех. Боги не позволят перекраивать полотно судеб. Лишь несколько незначительных ниточек не повлияют на общую картину, и тебе дано дозволение воспользоваться этой лазейкой. Выбирай с умом! Сила — это твоя путеводная нить. Она подскажет верное направление.

Разговоры с Сенсеем каждый раз меня выбивали из колеи. Мое мировоззрение по несколько раз в день вставало с ног на голову и вдогонку делало пару кульбитов. Более того, чем шире становилось представление о цели впереди, тем сложнее было сконцентрироваться и найти единственно верный путь.

Мне действительно нужны эти тренировки, но где взять еще хотя бы часов десять в сутках? Разве что его можно выкроить, лишь отказавшись от других занятий. А что у меня еще остается? Сон? Еда? Подготовка к съемкам? Нужно оптимизировать процесс с максимальной выгодой для кратчайшего достижения цели. А цель у меня сейчас не вылететь из проекта, при этом громко и пафосно заявив о себе. И взять максимум из того, что даст мне сенсей.

И, кажется, я знаю, что делать.

Ритка плюхнулась на диван, приложив ладошки к щекам:

— Потрясающе! Ты первая моя знакомая, кого покажут по телику! А сможешь передать нам привет?

Смеюсь.

— Я не в «Поле чудес» снимаюсь, но попробую. Рит! Ну давай уже серьезно. Так вы мне можете помочь?

Соня, в отличие от подруги, была сама серьезность.

— Еще раз, Ань, ты снимаешь квартиру возле здания, в котором будет жить вся эта съемочная тусовка, так?

— Верно. И вы будете в ней жить вместе со мной, чтобы любую свободную минуту мы использовали по максимуму.

— Но зачем такие траты? Ну реально? Шить костюмы для съемок я могу здесь и с примеркой приезжать в любое удобное для тебя время. Даже если на такси — это дешевле, чем квартира!

— Ну, во-первых, съем квартиры неизбежен. Свою квартиру я выставила на продажу. Не хочу сталкиваться с теми риелторами, — это раз, район мне не подходит, — это два, ну и я знаю, как эти деньги можно приумножить и использовать гораздо эффективнее.

— Офигеть! Я бы никогда не решилась. Анька! А если ты ошибаешься? Вещие сны — это не стопроцентная гарантия, что они сбудутся. Можно ведь забыть какую-то малость, а она окажется значительным фактором! И все рухнет...

— Спасибо, что ты веришь в меня, подруга, — улыбаюсь.

— Нет! Прости-прости, — Рита сложила руки в умоляющем жесте, — просто это же... Квартира! Единственное твоё наследство. Как же так? Ты в ней выросла...

— Что за пережитки? Это просто стены, Рит. Причем довольно убогие. А деньги я пушчу в дело, и вместо одной квартиры через год можно будет купить две, а то и три. Точнее, что-то удобнее и ближе к центру. Но у меня другие планы.

Девочки смотрели на меня, разинув рты.

Да... Не пришли еще времена быстро думающих и действующих людей. Трудно раскачивать народные массы, взращенные на десятилетиях теле-радио-зомбации и привитых массовиками-затейниками «правильных» ценностей.

— Спокойно, подруги. Все будет бомбично. Сейчас я уже ориентируюсь не только на вещие сны. Сенсей учит меня пользоваться моим даром, развивает его. Тренировкам я уделяю каждую свободную минуту. И он, кстати, будет жить вместе с нами.

Скорей бы уже изобрели нормальные телефоны с камерами. Эти эмоции на лицах подруг бесценны. Их только увековечивать в истории и показывать внукам.

— Но... Как же?

— Я его боюсь! Мы приходили за эти дни много раз!

— Мы тебя потеряли!

— Он же нас на порог не пускал! Если бы не знали, что ты сама его выбрала, то уже пришли бы с милицией!

— Еще пара дней, и точно бы вызвали! Он вообще как будто по-русски не понимает!

— Не переживайте. Снимем большую квартиру, подружитесь. Места хватит всем. К

тому же костюмы для сценического образа — это не самое главное. Нам нужно начинать снимать контент и развивать YouTube канал.

— А почему снимать будет Рита, а я обрабатывать, а не наоборот? Я же ничегошеньки в этом не понимаю.

— Сонь, ты человек въедливый и внимательный к мелочам. Если возникнут сложности, мы найдем тех, кто разбирается, кто научит. Не переживай. И ты тоже, Рит, пока придется набивать шишки на собственном опыте, но у нас шикарная фора в полгода на репетиции, пока я не засветилась в телике.

— Вот именно, надо упор делать на телевидение, а не на интернет. Я вообще им не пользуюсь, там помойка, не найдешь ничего. Библиотека надежнее.

Вздыхаю.

— Сейчас вам это может показаться бредом, но интернет — это реальный бизнес будущего. Сеть растет бешеными темпами. И кто раньше запрыгнет в эту круговерть, встанет у истоков — тот и снимет сливки. Миллионы подписчиков — это миллионы в денежном эквиваленте. И самое главное, что у меня есть идеи для контента, есть готовый, пользующийся спросом бренд — экстрасенсорика, есть стартовый капитал для раскрутки, в конце концов! А скоро появится и всемирная слава. Уж трепануть про свой канал с экрана телевизора я исхитрюсь.

— Ты такая умная стала, Аня, мои мозги за тобой просто не успевают. Откуда ты всего этого набралась?

— И не говори, словно подменили нашу тихоню...

— Девочки! Вы меня вообще слушаете? Если я буду разрываться между съемками, общагой и тренировками, то просто сдохну через месяц такой жизни. Я вам даю 30 % прибыли. И нет, мне не 70 %, равные доли, а 40 % пойдут на раскрутку канала. И вы не рабы положения, это наше общее дело, за которым будущее. Это сделает нас всех богатыми и знаменитыми.

— Что-то я не верю в какой-то YouTube, — Соня задумчиво трет подбородок, — может, лучше концертную программу придумать и ездить с гастрольями по стране? Артисты, знаешь, сколько зарабатывают! Начнешь с малого, с институтов, дворцов культуры. А как в телевизоре прогремишь, уже будем договариваться на концерты по городам.

— Точно! Сонька башка!

— Девочки! Девочки! Давайте договоримся на берегу. Направлять нашу лодку должен кто-то один. И этот кто-то — я. Вы мне безоговорочно доверяете, и мы идем моим курсом без промедлений и проволочек к светлому будущему. А если каждый будет тянуть в свою сторону, раскачивая нашу лодку, то мы затонем, не отплыв и от берега.

— Как ты красиво сказала! — Соня мечтательно улыбнулась. — Я с тобой!

— Я тоже! Только... этот Сенсей! — Ритка насупилась. — А вдруг он нас выгонит, пока ты на съемках?

— Думаю, он вполне вменяем. Я с ним поговорю. Комнаты у вас будут отдельные, при желании можете вообще с ним не пересекаться.

Четырехкомнатная квартира особым уютом не отличалась. Зато радовала соседством, буквально в минуте ходьбы до здания моей нынешней «администрации», кстати, и до института девчонок было всего четыре остановки на метро. Словом, центр. Конечно, не общага во дворе, придется жертвовать с утра получасом сна, но перспективами я их

раззадорила хорошо. Настрой у подруг боевой, идеи фонтанируют. Главное, пыл их организовать и направить в нужное русло.

Милые хозяева новой квартиры были столь рады долгосрочным арендаторам, что с удовольствием сдали жилплощадь на год вперед практически за полцены. Думаю, они и сами не поняли, с чего вдруг оказались такие добрые и уступчивые. Но договор, заключенный у нотариуса, сковывал их досаду и хотелки легкой наживы на корню. Да и не в накладе они, лишь немного поумерили гонор.

Я, честно, не планировала использовать свой дар на такие мелочи, но, заметив интерес, мне элементарно начали выкручивать руки, навешивая на оговоренные уже условия чуть ли не ежегодный косметический ремонт. Хотя я и сама жить в неудобной квартире не собираюсь. А будет все хорошо, глядишь, и вовсе эту площадь у них выкуплю. Она на первом этаже, удобная планировка, высокие потолки, отдельные комнаты из коридора, а не "паровозиком". В перспективе можно сделать отдельный вход и вести прием пациентов.

Перетасили из моей старой квартиры всю мебель. Сильно уставшая, как по мне, так помойка по ней плачет, но девочки так выразительно на меня посмотрели, что я предпочла промолчать. И ведь плотно забитая двушка была, а распределилось добро по площади тонким слоем, и как была эта квартира пустая, так и до сих пор эхо гуляет.

Оставила организацию быта и уюта на откуп девочкам. Одной из первых целей было обустроить съемочную студию. С фоном, светом, декорациями, инструментами.

Вторую комнату выделили Сенсею. Он будет там жить, там же мы будем и заниматься медитацией. Какое счастье, что есть магическое пространство для тренировок! Я так до сих пор и не поняла, как оно работает. Но снимать целый тренажерный зал я бы точно не потянула!

В третьей комнате будет спальня девочек, там же монтажный кабинет. А в моей комнате будет швейный уголок. Так как я в этой квартире буду самый редкий гость. Нечего площадям простаивать. Да и второй компьютер поставим. Помимо монтажа, скоро добавится работа с подписчиками, рекламодателями, прочие мелочи, вытягивающие время. Казалось, места много, а в итоге снова муравейник.

Переживала, что Сенсей не придет в восторг от новых спартанских условий. Но он, на удивление, лишь хитро улыбался, хваля меня за находчивость и обещая, что с честью выполнит возложенную на него миссию. Меня его обещания настораживали, но назад дороги не было.

— Нет, ты представляешь, он тут как павлин ходит! Какой там не пересекайтесь? — жарко шепчет мне Соня. Щеки ее покраснелись от возмущения, голос подрагивает. — Да он во все комнаты без стука заходит! Встанет над душой и стоит как статуя, смотрит, что мы делаем. Представляешь?

— Я вчера выбирала нам шторы подходящие, так он молча подлетел, за руку схватил, затянул в съемочную. Я даже испугаться не успела от растерянности.

— А он что? — растерянно моргаю.

— Он меня снимать себя заставил! Как он ногами дрыгает своими! — Рита надулась и пыхтит, как ежик.

— Ногами, говоришь, хммм... А что? Это мысль. Чем разнообразнее наш контент, тем шире охват. Пусть выдает различные тренировочные упражнения. Видок у него вполне сценический. Нарочно не придумаешь. А пару приемов он на мне отработает. Так и

объединим единой темой. Чудненко! Я поговорю с ним. Девчат, ну и вы будьте чуть гибче. Человек он пожилой, к тому же иностранец. Тренируйте стойкость, скоро вас будут осаждать толпы не всегда адекватных фанатов, халявщиков разных. И нужно будет со всеми уметь держать марку.

— Мы научимся, Ань, всему-всему! — глаза девчонок аж горят.

— Да! Пока не забыла. Всем купить по нормальному сотовому, Сенсею тоже. Можно как у меня. Этот телефон еще пару лет будет вполне актуален. Сделать корпоративную связь с возможностью переадресации, автоответчиком, ну и что там еще уже придумали. Прозондируйте почту. Ну и номер рабочий нам красивый раздобудьте. Хотя... Это, наверное, мне будет проще сделать.

— А можно я не буду оператора менять? Мне на мой номер бабуля звонит.

— Так, давайте уже взрослейте и шире мыслите. Есть рабочие моменты, техника, связи. А есть личная жизнь. И я вам настоятельно рекомендую эти понятия не смешивать. Сейчас это, может, и неощутимо. Но со временем, если не контролировать разделение потоков, работа смочет как цунами. А мы работаем, чтобы хорошо жить, а не наоборот. Ясно?

— Предельно!

— Умницы. Повесьте магнитную доску вот здесь, в коридоре. На ней будете писать наши предстоящие планы, траты, встречи, расписания. Мне кажется, удобно, пока собираешься, на нее взглянуть и освежить в памяти важные моменты.

— Классно! Я такую в американском кино видела! На нее еще всякие цветные стикеры клеят и картинки! Так красиво!

Вздыхаю. Все время забываю сделать скидку на возраст.

— Да, все правильно, Сонь. Стикеры — это очень классно. Наша доска будет самая красивая.

Улыбаюсь, глядя, с каким жаром девчата накидывают идеи оформления фирменного красного уголка. Отличная у меня команда. С такими не то что мир завоевывать не страшно, хоть целую вселенную! Держись, мир, мы идем!

Проснувшись довольно рано, еще некоторое время ленивилась в кровати, не находя морально-волевых из нее выбраться. Настало то самое чудное время, когда на улице уже дубак, но отопление в домах еще не дали. Высовывать нос из-под одеяла откровенно не хотелось.

Но сегодня первые официальные съемки. Точнее, первый рабочий день. Опаздывать ну никак нельзя.

Собирали нас к семи утра в холле общежития. К слову, общагой это место звали только «местные» завсегда. По сути, это была гостиница с номерами-квартирами. В будущем будет сие чудо зваться апарт-отель. Ну, или не будет.

Эта мысль отчего-то придала мне бодрости и предвкушения нового насыщенного дня.

На улице уже было довольно многолюдно. Несмотря на небольшую удаленность от центра, район был спальный и достаточно густонаселенный. Да и шутка ли? Столица. Здесь, порой, людям чтобы добрать на работу, вставать надо раньше самых отбитых петухов. Вот и теперь впереди наблюдала картину, как бедолага мамаша тащила отпрысков для сдачи в надежные руки российского образования.

На буксире девушка тянула девочку, принципиально упирающуюся всеми конечностями и разрывающую возмущенными криками сонную округу.

Школьник, лет восьми, в темной курточке и скособоченном петушке, с огромным тканевым ранцем за плечами, плелся рядом на автопилоте. Мне кажется, у него даже глаза еще закрыты. Утром подняли, одели, нафаршировали бутербродами, а вот разбудить забыли. И ничего, "маршрут построен, езда по дороге". Как ни странно, но мальчик в джинсах. Помню обязательную школьную форму ввели намного позже, до этого же все ходили кто во что горазд, даже старшеклассники.

Про студентов и вовсе речи не идет. Самовыражение — второе я, но пока все большие скромняги. Есть такие, у кого выстрижена асимметрия на голове или носит дреды, но их меньшинство. Только-только в моду входят тату, не из серии "За ВДВ", "Колокола" или "Русалка от сих до сих", а уже цветные. Но пока такие имеются у редких счастливых обладателей. И никак не на лице или шее. Это в 20-х, в метро только что и сидишь рассматриваешь иконостасы на молодежи — от макушки до пяток, и в декольте, и на лодыжках, и даже на щеках. Нет сейчас такого. Тату пока носит довольно интимный характер и так открыто не демонстрируется.

Надо поторапливаться. Стою здесь рот открыла. Так и опоздать недолго. Вечно те, кто живет ближе всех и опаздывают.

Навстречу выплыл из подъезда мужчина с двумя белоснежными королевскими пуделями. В холке сантиметров семьдесят, оба пса спокойно и горделиво шагают по обе стороны от хозяина. Красиво, конечно, но представляю сколько от них шерсти...

А вон на детской площадке гуляет бабушка с доберманом на поводке. Только не совсем понятно кто кого гуляет бабушка добермана или он ее? Видимо, дети завели, а заботы скинули на старушку.

И вообще собак много! Разных, больших и маленьких. Я уже и забыла как выглядят живую черной терьер, дог, такса, долматинец, бультерьер. А здесь и сейчас люди заводят больших собак, держат в квартире, и это норма. Буквально лет пятнадцать пройдет и

останутся только искусственные жалкие пародии на собак. Мини подмышечные версии. Я зову их собаки-барабаки. Как в том анекдоте:

"— Да что такая собака нам сделать-то сможет? Разве что в зад поцеловать!

— Ага! А губы у нее знаешь какие холодные?"

Вот так вышла я заранее, но пришла одной из последних. Похоже, все прониклись штрафными санкциями, да и вылететь из-за такой ерунды не хотелось никому. Что ни говори, но сейчас рекламы лучше, чем мелькание в зомби-ящике, еще не придумали.

Вскоре к нам подошел организатор и провел в минивэн с заклеенными черной пленкой окнами. Все так удивлялись и возмущались, словно поговорить больше не о чем? Какая разница на чем нас везут? Не пешком же!

Правда, ехали мы недолго, в салоне горел свет, играла спокойная музыка, но, признаюсь, жутковато было всем.

Итак, битва начата. Теперь мы не просто соседи. Мы конкуренты. Надеюсь, до проклятий и слабительного в еду не дойдет. Но бдительность терять не следует. На войне, как говорится, как на войне.

Я-то прекрасно знаю, что зачатки экстрасенсорики здесь хорошо если у троих из десяти, включая меня. А в телевизор и на Олимп хочется всем.

Уверена, еще и очередь есть из не подсуетившихся вовремя, но все еще отчаянно желающих попасть в последний вагон за любые деньги. То есть угроза не только от участников, но и от организаторов. Увы, деньги любят все. Пусть нечестные, но вопрос морали здесь не стоит, просто у каждого своя цена.

Итак, первое испытание проходило... барабанная дробь... в торговом центре. Торговый центр еще был закрыт в силу раннего часа, заводили нас с задов в сопровождении мужчины в форме охранника.

Память, конечно, у меня неплохая, но, как, думаю, и у всех, избирательная. Я помнила очень многое, что касалось «Битвы экстрасенсов». Но загвоздка в том, что записи развлекательных шоу крутили безостановочно. Все серии подряд, по несколько серий в день. Сезон за сезоном.

Последние несколько месяцев даже рекламы никакой не было. Оказывается, это тоже минус. Если сильно увлечен происходящим на экране, а рекламных пауз нет, никак не можешь выбрать момент, чтобы оторваться от сюжета: ни за чаем сходить, ни в туалет.

Мне нравилась эта передача. В свое время смотрела я все серии очень внимательно, каждый раз даже с неким азартом: понять, заметить момент мошенничества, проанализировать достоверность и натуральность поведения экстрасенсов, не актеры ли они.

Не могли эти испытания не отложиться в памяти, но все же засомневалась... Да и в последний раз уже повторы в больнице скорее шли как бубнеж для фона, ну и не круглыми сутками. Свет часто отключали, особенно по утрам, когда вели операции. Мощностей генераторов не хватало. Плюс, иногда меняли каналы, их оставалось аж целых два.

Как мне казалось, я видела и помнила все. Первые сезоны и серии любого сериала всегда почему-то запоминаются лучше. Но что и зачем шло, четкую хронику событий выстроить было нереально. Точечно, отдельные моменты — да. В целом же в воспоминаниях была хорошая такая каша. Здесь и сейчас могла лишь надеяться, что ориентируюсь и вспомню на месте. А что не вспомню, лишь придаст моим действиям

реалистичности.

Первое испытание проходило в детской игровой комнате. С розовыми стенами и разбросанными повсюду игрушками. Детей, слава богу, не было. В ряд стояло девять стульев, на них сидели женщины в возрасте от двадцати до сорока лет.

Ассистент озвучила задание:

— Добрый день.

— Здравствуйте, — пыталась выглядеть по неземному отстраненно, при этом не распугать окружающих. Тем более беременных.

— Анна, перед вами девять девушек. Две из них беременны. Вот их тесты на беременность, возьмите.

И она протянула мне две палочки. Я на какой-то момент заколебалась, взяв протянутое за краешек. Кто, интересно, придумал передавать из рук в руки обоссанный кем-то реквизит? Или, типа, дети — это святое. Брезговать будешь в другом месте.

— Я правильно поняла, что мне нужно вручить их тем, кто беременный?

— Да, все верно. На прохождение испытания у вас пять минут.

Что ж, я помнила эту серию. Но начали одолевать сомнения. Девушки сидят в ряд. Все одинаково молоды, смущены, глаза горят легким страхом с толикой интереса.

Одна беременная точно, вот эта рыжая, в полосатом. Помню, как ей наговорили гадостей, и вся съемочная группа ее успокаивала. А вот вторая как-то быстро определялась, и в сознании не закрепились.

— Я могу точно назвать первую девушку, — я улыбнулась и протянула тест «полосатой». — Вам сегодня много разного наговорят, не верьте никому, все будет хорошо, и ваш организм справится, и ребенок родится здоровенький. Будет девочка, такая же красавица как и ее мама.

Опасение и недоверие в ее взгляде сменились искоркой надежды.

Может там конечно и мальчик родится, но когда то еще будет? Истина мне не ведома, но ведь все ошибаются, даже экстрасенсы.

Кто же вторая беременная... Время тикает.

Прошлась вдоль ряда еще раз. Возле каждой останавливалась на миг, шумно вдыхала, сопровождая свой вдох напряженным жестом руки, словно приманивала к себе запах каждой женщины. Хотя расстояние между нами было не менее пары метров. Естественно, я ничего не чувствовала, но мы же в шоу.

Что делать? Время, по ощущениям, заканчивается. Встала напротив, закрыв глаза. Сосредоточилась, выставив вперед руки с растопыренными пальцами.

Сквозь закрытые веки я увидела, или даже скорее почувствовала, свечение. Резко распахнув глаза от неожиданности, я заозиралась. Ничего не изменилось. Та же комната, те же утомленные ожиданием люди. Выдохнула и провела рукой еще раз.

Ничего. Показалось?

— Вы что-то почувствовали? — заметила мое волнение ведущая.

— Такие странные ощущения, — я решила пояснить свои действия, — вторая девушка такая хитренькая, словно в кокон себя спрятала. Может, испугалась, молитву про себя читает или за оберег какой держится. Вариантов, ну вы понимаете, масса. Плюс скопление ярких эмоций, все волнуются. Отвлекает, конечно.

Других версий все равно нет. Свечение я чувствовала в этом направлении. И резко распахнув глаза, сделала шаг в сторону девушки под номером два. Протянула ей тест.

Ведущая огласила результат:

— Отлично. Выбор сделан. Теперь я прошу встать тех девушек, кто действительно беременны.

Встали девушки, которым я выдала по полоске. Раздались аплодисменты. Приятное тепло разлилось по телу. Угадала! Обалдеть!

Вдох. Выдох. Умеренная улыбка. Никаких ярких эмоций. Придерживаемся образа ледышки. Благосклонно киваем. Все идет так, как и должно быть. Я излучаю уверенность и силу.

Да кого я обманываю, черт возьми?

Выйдя из комнаты, в которой шли съемки, разве что не перекрестилась, но вовремя утерла несуществующий пот со лба. Хотела уже сбежать, но не тут-то было!

Меня притормозил мужчина из съемочной группы и проводил в отдельный кабинет. Усадили за стол.

Мужчина-оператор напротив попросил объяснить ощущения в процессе испытания.

— Пару слов буквально. Как вам удалось сделать правильный выбор?

— Было непросто. Первая девушка открытая и очень доверчивая. Я сразу увидела, как в ней бьется новая жизнь. Наши ауры издают особый запах. И я его почувствовала, даже не подходя. У нее есть небольшие проблемы с сердцем. Думаю, скорее всего, ее будут кесарить.

— А вторую вы не смогли сразу определить?

— Вторая девушка, наверное, испугалась, она закрылась ото всех. Мы же очень мало знаем о себе, о своих возможностях. Многие люди живут годами, и не подозревая, что у них есть предрасположенность, спящий дар, который можно развивать. Кто-то всю жизнь считает себя счастливым или же неудачником. Но не смотрит на все происходящее со стороны, не анализирует свои поступки. Что этому предшествовало и какие действия за собой повлекло. Мы себя не знаем. Так вот, у девушки сила воли очень крепка. Она буквально сжала кулак и окутала себя в пульсирующий защитный кокон. Даже запах изменила. Я в принципе ее по такой мощной защите и вычислила, — я загадочно улыбнулась своей фирменной маниакальной улыбкой. — Думаю, она о своих способностях и не подозревает.

Даже не ожидала как складно выйдет все обосновать. Самой понравилось! Надо срочно начать вести дневник! Записывать свои гениальные мысли. А после книгу выпустить. Автор книги: хиромант, гипнотизер, и еще 335 регалий, светило науки Котова Анна — звучит!

После отчета я была предоставлена сама себе. Настроение было приподнятое. Хитрыми коридорами вышла в торговые ряды, направляясь к фудкорту. Там собирались наши, прошедшие испытания. Таких было уже трое. Витрины завлекали, манили разнообразием товара. Но есть уже хотелось зверски, время подходило к обеду. А в шесть утра запихнуть в себя что-то существенное мне не удалось. Будет уроком, надо брать с собой на выезды в следующий раз туюсок.

Ко мне подошла девушка-ассистент. Они почему-то все время менялись. Думала, нас всюду будет сопровождать представленная нам Марина, но она оказалась больше организатором на бумаге.

Девушка вручила мне документ с печатью и указала на кафе, где его можно предъявить вместо денег. Обед оплачен организаторами. Приятно. Да и кафе «Русская кухня» — то что надо. Набрала себе разносолов на первое, второе и компот.

Пожалуй, отличный обмен веществ — этот пункт один из лучших в доставшейся мне

молодости: ешь от пуза любую гадость и при том не толстей. В молодости нам дается столько плюшек, но мы ведь совершенно их не ценим! Прожигаем жизнь понапрасну. Куда потом что девается с годами? И спать, и есть хочешь все в таком же ритме, а лавочка уже прикрыта. Непонятно.

Пока отсняли всех участников, их комментарии, девушек, я так поняла, тоже сводили на обед. Словом, уже близился вечер.

Ждать, пока все закончат, было утомительно. Но при этом расхотеться тоже было нельзя. Некоторые участники между собой активно общались. Я немного послушала треп ни о чем. Экстрасенсы себя нахваливали и делились случаями из практики. Мне не понравилось. Искренне из них не выглядел никто. А чужие сказки слушать мне не хотелось. Рассказывать про себя желания было еще меньше. Врать я не мастер, а правду сама толком не знаю.

Некоторые, как и я, заняли удаленные места и сидели молча. Отупев от убогих игр в телефоне буквально за полчаса, я прошлась по торговому центру. Увы, не присмотрев ничего интересного. Странность и форма одежды угнетала. Сейчас-то, конечно, она была модной. Но мне было сложно подстроиться под современные тенденции. Большие плечи, обувь на огромной платформе или с квадратными носами интересовала меня мало. Хотя среди всего этого «великолепия» мне все равно предстояло выбрать нечто среднее, чтобы кардинально не выделяться, но и не выглядеть синим чулком.

— Простите, могу я составить вам компанию?

— Да, конечно, — натягивая вежливую улыбку, поднимаю голову от телефона.

Предо мной стоит молодой парень.

— Кажется, Петр?

— Верно, — парень улыбается во все тридцать два, — а вы Анна?

— Она самая, — чувствую, что парень подошел с доброжелательным настроением, и мое настроение тоже ползет вверх. — Вот только я не самый общительный человек и не самая лучшая компания.

— Все местные сплетни наших кумушек я уже переслушал, некоторые пластинку запустили уже по третьему разу. Так что, думаю, ваше общество меня точно не смутит. Я сегодня уже слышал про чудесное излечение от геморроя и венерических заболеваний. Даже не спрашивайте чем, — он дергает бровями.

Я улыбаюсь.

— Действительно, уж будьте так любезны, избавьте меня от подробностей. На фоне такого эпичного ноу-хау все мои методы явно проигрывают.

— Искренне вам желаю, чтобы они никогда и не пригодились.

Поворачиваю голову в сторону шушукующихся теток через два столика от нас.

— Похоже, вы им дали свежатинки для сплетен.

— Им полезно.

Так, перекидываясь ленивыми фразами, мы с Петром просидели еще около часа, пока не закончился съемочный день.

Все с облегчением выдохнули.

— Если каждый день будет похож на этот, это самая скучная работа в моей жизни.

— У меня тоже первая запись в трудовой. Буду потом рассказывать внукам, что в телевизоре одни лентяи работают.

Второе испытание проходило на стадионе. Шел восьмой час вечера. Промозглая ноябрьская морось царапала щеки с порывами ветра. Высовывать нос на улицу не хотелось.

Участники сидели в помещении проходной стадиона в ожидании своей очереди. И как-то само собой получилось, что Петр опять подсел ко мне:

— Ух, еле успел сегодня на автобус. Вкатили бы прогул, и до свидания.

— Что-то случилось?

— Да... длинная история, — махнул тот рукой и слегка погрузился.

— Не то, чтобы я особо куда-то спешила, но настаивать не буду.

Парень теребил в руках шапку и некоторое время молчал.

— Сестра у меня болеет. Я и сюда-то сунулся в надежде, что связи какие-нибудь появятся. Да и зарплата неплохая для парня без образования.

— Что-то серьезное?

— Рак.

Я молча посмотрела на него. Что тут скажешь? А он продолжил, не замечая моей реакции.

— Молодая совсем, вот только тридцать пять исполнилось. И вроде вылечить можно, не совсем запущенный случай. Ей химию пророчат, но никак не кладут в клинику. Одни взятки кругом. Говорят, мест не хватает.

— Про это я в курсе, — киваю, а перед глазами встают забитые людьми коридоры, потухшие, усталые взгляды врачей, еженедельно умирающие в палате люди, тут же сменяющиеся другими.

— Денег на взятку тоже нет.

Закрывает глаза и шумно выдохнула.

Деньги... Почему грязные бумажки решают, жить человеку или умереть? Да, они нужны всем, везде и всегда. Я ведь могу дать этому парню деньги на взятку. Но имею ли право? Спасти одну душу, подставив под угрозу проекты, нуждающиеся сейчас в финансировании как воздух, и сорвать планы на будущее. Почему так, когда надо сейчас, вынь да положь, но помочь пока нечем. А когда эти самые деньги появятся, скорее всего, помогать будет уже некому.

Пройдя все круги ада, я стала философски относиться к смерти. Да и к деньгам всегда была равнодушна. А вот управленцы во главе всего этого бардака меня заряжали отчаянной злостью.

— Может, тогда поднять бучу? — повернулась к нему, — Мол, пойдешь жаловаться в Министерство Здравоохранения? Напиши заявление в пяти экземплярах, с пометкой «копия туда-то». В администрацию города, в приемную президента. Куда придумаешь. Приди, главное, с пачкой бумаг и грозным видом. Если есть кто из знакомых взрослых мужиков посolidнее, возьми с собой, чтобы на заднем фоне стоял с суровой мордой и поддакивал. Любые управляющие проверок боятся больше всего на свете. Если и это не поможет, тогда пригрози, что пойдешь в прокуратуру и накатаешь заявление на вымогательство взятки. Тут уж точно дрогнет. Я так поняла, вы ничего не теряете.

— Это точно. Сейчас любое промедление чревато, — парень смотрит на меня с восхищением. — Ну ты башка-а-а... Я в шоке. Никогда бы до такого не додумался.

Лишь горько усмехнулась. Абсурдно, нелепо, но действительно. Лучший способ навеки и во все времена как навредить любой организации — наслать на них проверку.

А деньги, деньги будут. Накоплю денег, доберусь до власти и настрою больниц столько, чтобы очередей в них не было никогда. А не выйдет... Что ж... Как минимум, открою фонд помощи таким вот отчаявшимся людям. Пусть не миллионы, но несколько жизней останутся за мной.

Разговор с Петром растеребил душу. Начала нервничать, не находила себе места. А скоро мой выход на испытание, причем не из легких! Что же делать?

Тут на ум пришли наши занятия с Сенсеем. Как он учил меня расслабляться и стабилизировать свое внутреннее состояние. Присела на стул, прикрыла глаза и погрузилась в воспоминания...

— Расслабься, Анна. Выкинь все из головы. Дыши глубоко и расслабленно.

Сенсей старается говорить размеренно, но я чувствую его раздражение.

— Что происходит?

— Я стараюсь.

— Да что за помойка в твоей голове!? Ну-ка, открой глаза!

Медленно открываю глаза. Белого тренировочного пространства больше нет! Я вижу перед собой зеленую стену деревьев, которые тянутся к небу. Проваливаюсь в водоворот ощущений, звуков, запахов. Я сижу на поваленном дереве. Босые ноги утопают в мягкой прохладе земли. Лодыжки щекочат травинки. Слышу размеренный далекий клекот птиц, тихое журчание воды. Ветер ласково играет с волосами, принося прохладу и свежесть, а теплые лучи солнца ласкают кожу. Вдыхаю полной грудью густой прелый запах листвы.

— Ничего себе. — Восхищаюсь. — Где мы? Так красиво...

— Тихо! Слушай себя! Отринь мирское. Закрывай глаза.

Подчиняюсь, глубоко вдыхая вкусный запах. Стараюсь дышать размеренно, погрузиться в себя.

— Ты дышишь, дышишь, дышишь. Твое дыхание глубокое и спокойное. Дышишь, дышишь, — монотонный голос Сенсея погружает в легкий транс, — Под твоими ногами земля. Земля — это стабильность, плодородие, равновесие. Вдыхай землю ногами. Направь дыхание в ступни и делай глубокий вдох. Ты вдыхаешь энергию земли.

Подчиняясь его словам, стараюсь представить что он просит. Кажется, получается.

— Дышишь, дышишь, дышишь. Вода — это чувства. Вода — это жизнь, это спокойствие. Вода обволакивает, погружает в себя. Воду вдыхай пупком. Пупком я сказал, что ты сгорбилась как морской конек? — Прилетает тычок палкой в спину. — Распрями спину. Вдыхаешь энергию воды животом. Дышишь, дышишь, дышишь.

Пытаюсь представить.

— Воздух — это свобода, легкость, переменчивость. Вдыхай воздух полной грудью. Твои легкие наполняются. Наполняй всё тело жизненной энергией.

Тело немного ватное, по нему разливается тепло.

— И, наконец, огонь. Это страсть, энергия, движение. Вдыхай огонь макушкой. Чувствуй, как твое темечко полыхает. На голове горит огонь. Вдыхай его силу.

Чуть дергаюсь от представленного, но тут же расслабляюсь.

— Дышим, дышим, дышим, дышим. Твое тело наполняется энергией всех стихий. Все лишнее остается далеко. Сознание проясняется. Побудь в этом состоянии. Прислушайся к

своему внутреннему я. Тебе хорошо. Тепло.

Млею в расслабленном подвешенном состоянии. Голова пуста. Мыслей нет.

— Теперь выдыхай затылком огонь. Выдыхай грудью воздух. Выдыхай пупком воду. Выдыхай стопами землю. В душе мир и покой. Запомни это состояние, Анна. Ты должна уметь приходить к нему в любой обстановке. Если ты нестабильна, дальше пройти мы не сможем.

Открываю глаза. Внутри звенящая пустота. Так хорошо и спокойно. Хочу улыбнуться, но слышу:

— Возвращаемся к тренировкам.

Открываю глаза. Нервозность ушла. Осталось спокойствие и решительность. И меня уже подзывает ассистент для прохождения очередного испытания.

Выходим на центр футбольного стадиона. Да он огромный! Даже со способностями найти здесь даже что-то крупное будет непросто.

— Добрый день. — Ведущий заводит свою шарманку.

Улыбка у него натянутая, прекрасно его понимаю. Погода совсем не для прогулок. Ноябрь, а он раздетый: без шапки и пальто нараспашку. Никогда не понимала этой моды и красоты, если расплачиваться за нее придется здоровьем.

— Перед вами стадион на три тысячи мест. Под одним из сидений заложено взрывное устройство. Сила взрыва может поднять на воздух автомобиль. На прохождение испытания у вас всего пять минут. По истечении времени бомба взорвется. Вы понимаете, какая это ответственность?

— Вполне, — я улыбнулась одним уголком рта, смотря при этом исподлобья в глаза ведущему.

Может быть я и не смотрела бы на людей снизу вверх, но такие уж мне достались гены. 157 см еще никого не ставили вровень с представителями среднестатистического роста. Но что уж там, будем работать с тем, что имеем.

Это испытание проводил один из Сафроновых. Так и не запомнила их имена, хотя нам особо общаться и не доводилось.

Тем временем он достал из кармана маленький пакетик.

— Анна, это вещество, похожее на пластилин, использовано при создании бомбы. Возможно, оно вам пригодится.

Молча взяла пакетик. Слегка помяла пальцами.

Мысли при этом лихорадочно метались, я пыталась вспомнить детали передачи и сориентироваться на местности.

Уже подъезжая к стадиону, поняла какое будет задание. В памяти всплыло, что бомба заложена слева, где-то в середине, в синем секторе. Но ряд и место, естественно, я не знала.

— Середина. Слева. Синий сектор.

Ведущий немного растерялся от скорости моего напора.

— Я желаю вам удачи, время пошло, — услышала слова ведущего уже у себя за спиной и пошла быстрым шагом, забирая левее.

Сейчас, разглядывая стадион, я видела, что слева два синих сектора. И в каком искать, не имела ни малейшего понятия. Даже и вспоминать нечего. Слишком точечное значение в момент просмотра не несло никакой смысловой нагрузки. Я бы деталей и при всем желании не запомнила.

Рядом со мной бежали два оператора. Один впереди, второй чуть в стороне. Вспышки от их объективов слепили и раздражали, ведь было уже довольно темно. Днем, вероятно, стадион был занят и его аренда невозможна. Потому и испытание так поздно проводят. Но от этого не легче.

От бега мои одежды развевались, а волосы от ветра путались и норовили забиться в рот и глаза. На что я лишь нервно их поправляла, то и дело нечаянно дергая себя за косы и от этого нервничая вновь. Интересно, я буду выглядеть в кадре как припадочное белое приведение с моторчиком или как бледная моль, застуканная с шубой в зубах?

Остановилась напротив ближайшего сектора, вглядываясь в него. Закрыла лицо руками. Ну бред же. Что я там пытаюсь рассмотреть?

Вдруг я вспомнила про свой кулон. А чем черт не шутит? Начала быстро расстегивать пальто и шарить запазухой. Нашла!

Спустила в пальцах кулон на цепочке. Вгляделась в него. От пробежки сбилось дыхание, руки ходят ходуном. Надо успокоиться, а время неумолимо тикает!

— Покажи, — произнесла одними губами.

Показалось? Качнулся в сторону дальней трибуны? Или я выдаю желаемое за действительное? Бред...

Рвано выдохнув, решила.

— Туда. Крайняя синяя трибуна, — и припустила вперед.

Но, не добежав до трибуны, вздрогнула и остановилась, на ней раздался взрыв. Вверх вился белый дым.

— Я же говорила вслух про ту трибуну?

Оглядываюсь, а я одна. Ведущий только приближается. Оператор достаточно далеко.

— Черт...

— Мне жаль, Анна, время вышло.

— Мне тоже. Видимо, это уже не имеет никакого смысла. Именно туда я и шла.

— Ваше испытание окончено, — он мне улыбается, но улыбка его кажется издевательской.

Не нравится мне этот тип. Я ловлю на себе много различных взглядов. Но этот человек для меня нечитаем. То ли он себя считает выше остальных, то ли что-то знает, что делает всех окружающих на ступеньку ниже. Неуютно в его присутствии. Надо держаться подальше.

Шесть, мать его, утра. Трясемся в газели с окнами, плотно закрытыми шторками, в неизвестном направлении. Как же хочется спать. Но маниакальная осторожность не дает мне расслабиться в компании этих людей. Ну кто и что мне может сделать в такой толпе? Но все нутро вопит.

Увы, но подозрения оказались не беспочвенными. Я откинулась на подголовник и лениво наблюдала через чуть смеженные веки за происходящим. На очередном повороте сидящая напротив женщина завозилась с небольшим термосом, привлекая мое внимание.

Пусть покажусь параноиком, но я отчетливо видела, как она посмотрела по сторонам и чуть с промедлением, нерешительно открутив крышку, плеснула содержимое на мое белоснежное пальто. Резко расставив ноги, что-то надоумило сегодня меня надеть брюки, я частично увернулась. Но все же большая часть кофе, по разлившемуся по салону аромату было сложно перепутать, сейчас украшала край моего пальто и ботинки.

Я медленно поднимала взгляд вверх, сжимая в остервенении кулаки.

— Ты специально! Я все видела! — Толкнула ее в плечо.

— Что-о-о? Да как ты смеешь? — из ее уст полилась похабная брань. И ни единого извинения.

— Сука, — пробубнила себе под нос, ища в сумке платок.

Справа мне протянули упаковку салфеток.

— Спасибо, — сказала я с горькой улыбкой. — Толку-то теперь...

— Вот вода еще. Замой и затри. Все равно меньше будет. Плюс подсохнет. — Блондинка рядом улыбалась вполне приветливо.

Рыжая стерва напротив откровенно злорадствовала. Какое же люди дерьмо. А чуйка, чуйка — молодец. Чуйке надо доверять. И, пожалуй, возить с собой костюм для съемок в сумке. Надевая его аккуратно перед выходом. Все же глубокая осень. Грязь, слякоть. Могу и без посторонней помощи заляпаться.

Ботинки, конечно, не пострадали. Они хоть и белые, но все же кожаные. А вот пальто... Отнесу в химчистку, но время... в чем идти на съемки завтра? Это реально проблема.

Какая же сука, а... Неужели она настолько наивна, что решила сорвать мое участие такой мелочью? Или я занервничаю и проиграю? Имбицилка с кашей вместо мозгов, не иначе.

От инцидента весь автобус проснулся. Да и мы уже сворачивали к поселку, где будет проходить испытание.

Придется идти без пальто. Надеюсь, воспалением легких это не закончится...

Войдя в калитку, я сразу поняла, в чей дом нас привезли. Огромный трехэтажный коттедж, обшитый желтым сайдингом, давал сходу понять, что люди здесь некогда жили, обеспеченные. И жили они с размахом.

Порадовалась, что съемки будут вестись в доме и я в своем белоснежном брючном костюме не околею.

— Добрый день, — передо мной стояла взрослая женщина за пятьдесят, с темными волосами, уложенными в короткую стрижку, и приятным доброжелательным лицом. — Расскажите, пожалуйста, о хозяине этого дома. В конверте его фотография. А в этом свертке принадлежавшая ему вещь.

Закрыв глаза и протяжно выдохнув, взяла в руки конверт.

Смотря на бумагу, стала описывать человека, словно вижу на фото без преград.

— Мужчина под сорок... короткая стрижка... усы, — показываю на себе, и, делая вид, что вглядываюсь в конверт, продолжаю, — высокий... в теле такой, — показываю рост, объемы, — серьезный, обстоятельный... — перевожу взгляд на женщину. — Это ваш брат.

— Да, — та еле выдыхает. Выражение лица ее нечитаемое, видимо, услышанное произвело эффект.

Кладу фото на стол, вожу рукой над вещью, которую мне дали.

— Его нет, — показываю на грудь, тыча себя двумя пальцами в область сердца, морщусь, — выстрелы. Пистолет. Но умер он не здесь, — оглядываюсь по сторонам, мы все в той же первой комнате. Выхожу и быстро поднимаюсь по лестнице, останавливаюсь на втором этаже, осматриваюсь, вожу рукой, молчу.

Даю время оператору и хозяйке сравняться со мной.

— Четыре года назад. В больнице он умер. Здесь, в доме, только собака умерла. Больше эманаций нет.

— Да, действительно собака была, Стинг сильно гавкал, ему прострелили челюсть. И умер он на сороковой день, — горько произносит женщина.

Смотрю ей в глаза.

— Они не хотели убивать. Они пришли за другим. И... их не нашли. Никого не нашли... Это неправильно. Его все любили. Много... Много людей плачет, молится за него. Страшная кара ждет его убийц, — закрываю лицо руками, рвано вдыхаю, словно успокаиваюсь, и резко иду на третий этаж.

У ведущей и операторов очень участливые и заинтересованные лица. Все идут за мной следом, не сбавляя темпа.

— Здесь, — говорю громко, четко, — двое, подельники... они воры, вокруг них одни воры, все... группировка это... Тверь... Тверь... — закрываю глаза и тру их пальцами, — тверские... волки чтоли? Те кто стрелял — они пешки. Они должны были просто ограбить. Они думали, что дома никого нет, праздник же был... Тот, который стрелял, он сейчас уже мертв. А второй на зоне. Но не они убийцы... Заказчик есть. Он как будто глава этой банды, — тру лицо.

Шумно выдыхаю, опуская глаза, делая вид, что выжата.

— Мне присесть нужно...

— Да-да, конечно, вот сюда.

Мы садимся с женщиной на диван.

— Понимаете, — обращаюсь к женщине, — там банда целая. Они хотели, чтобы Михаил деньгами с концертов делился. Обворовали бы и сами же потом «помогли». А за помощь потребовали плату.

— Я не знаю, следствие зашло в тупик. Но то, что вы говорите, обязательно передам ведущему дело человеку. Очень многие люди помогали в расследовании. Его все любили, хотели докопаться до истины. Я сестра Михаила Круга. Вы правы во всем, преступники выстрелили ему в сердце, он дополз до соседей, те вызвали скорую и умер уже в больнице через несколько часов.

— Жена у него светлая такая, тоже была, — показываю жестом длинные волосы, — красивая. Женщина взрослая еще была, голову ей проломил.

— Да, свекровь. Ее ударили первой. Жена успела убежать, а Михаила застрелили, —

женщина начинает плакать. — Как вы так все увидели?

— Простите, примите мои соболезнования. Никому бы я такого видеть не пожелала. Всех виновных судьба уже наказала. Все получили по заслугам.

Жалко, конечно. Глупая и нелепая смерть. Михаил Круг мужик был талантливый, за таких обидно по-особенному. В прошлой жизни его убийство раскрыли только через семнадцать лет. Может, в этот раз удастся быстрее.

Полдня с девчонками потратили на оптимизацию моего образа. Максимально обезопасить белоснежную ткань одеяний в день съемок, в ноябре, при постоянном передвижении и работе в сомнительных условиях — та еще задачка. До этого мне удавалось отделяться «испугом», но вчерашний день показал, насколько мое положение шатко. Причем поняла это не я одна.

В чем-то я даже их понимаю. Вся такая в белом я была единственная. Как и в принципе в образе девушки-загадки. Это в последующих битвах участники уже будут изгаляться, приходиться то с черепом, то с рогами. Видимо, впоследствии организаторы, поняв, что на магии в данном случае каши не сварить, стали делать шоу не брезгая ничем, впрочем, как и всегда.

Но мы-то люди прошаренные, знаем, умеем, практикуем. Так что, пусть или перенимают бесценный опыт, или обтекают. Третьего не дано.

Пальто, увы, сами мы отчистить не смогли, отвезли в химчистку до следующей недели. Бесилась я знатно. Скорее от бессилия. Ну, объективно, не идти же покупать второе точно такое же? Да и пойдешь еще найди на мой размер.

Как и раздетой не пойдешь. Подхватываю пневмонию, и «привет» всем моим далеко идущим планам.

Спасла меня умелица Соня. Мы достали ее старое, черное пальто. Пришили поверх белую оторочку по воротнику и манжетам. А низ украсили широким белым кружевом. Его закупили для платья на одну из последующих передач. Но до нее еще далеко, а идти в люди мне уже сегодня вечером.

Ближе к ночи меня ожидала съемка финала двух серий в особняке Стахеева на Новой Басманной. Сейчас в этом месте Дом культуры железнодорожников, но по ночам сдаются в аренду помещения для различных съемок. Например, вручение черного и белого конвертов «Битвы экстрасенсов» снимают в этом особняке в готическом зале, на протяжении всех сезонов.

Все движения начинаются после закрытия, то есть после девяти вечера. Старт съемок, ориентировочно, в одиннадцать. Поскольку снимать мы будем два прохода, за прошлую передачу и за эту, съемки могут растянуться и до утра.

Пока съемочная группа устанавливала «свет», милый охранник провел нам небольшую экскурсию по особняку. Убранство и красота обстановки завораживали. Хотелось касаться стен, мебели, перенестись в ту эпоху. Все здесь словно дышало историей этого места. Меня потрясло, что музей сейчас настолько проходной и популярный, но хранителям удалось сохранить всю красоту в первозданном виде.

— Род купцов Стахеевых вышел из новгородских земель. Особняк на Басманной некогда принадлежал Николаю Дмитриевичу Стахееву, предприимчивому и умному человеку, родившемуся в семье умелых и удачливых купцов. Талант позволил ему увеличить стартовый

капитал в несколько раз и стать одним из богатейших людей своего времени. В его активе была золотодобыча, построенный им же торговый флот и железнодорожные линии.

Многие богатства — многие искушения. Поэтому Николай любил путешествия, игорные дома, красивых женщин. Супруга, долго терпевшая его «страстные порывы», все же подала на развод, после которого ей и досталась усадьба на Басманной.

Стахеев и после, еще долгие годы был в особняке желанным гостем. Ходили слухи, что он скупал драгоценные камни, золото, и прятал все в доме жены, где было устроено множество тайников, о которых знал только хозяин и архитектор.

На этих словах все свидетели экскурсии оживились и заозирались. Про клады и тайники любили слушать все.

— А известно ли хоть одно место, где располагался тайник? Можно на него посмотреть?

— Да, конечно, — охранник нам попался увлеченный и не поленился провести нас через несколько залов в холл с массивной лестницей.

Подойдя к балясинам перил, он что-то нажал и с тихим щелчком в сторону отъехала часть отделки.

Раздался дружный удивленно-восхищенный вздох.

— Как видите, ниша здесь небольшая, войдет лишь небольшая коробочка, возможно, когда-то это служило временным местом хранения. Еще есть, но вечером в те комнаты доступ закрыт и работает сигнализация. Там находятся дорогие коллекционные вещи. Но вы можете прийти сюда днем и вместе с экскурсоводом узнать обо всех тайнах этого места.

— А существует ли какая-нибудь легенда у этого особняка, мол, не все тайники обнаружили, но осталась еще парочка самых ценных.

— Такой информацией историки не располагают. Архитекторы, строившие это здание, войну не пережили и тайны унесли с собой.

Разочарованные отсутствием тайны, экстрасенсы начали переминаясь и терять интерес.

А наш экскурсовод продолжил:

— Революция, разразившаяся в России, доставила Стахееву хлопот и лишила большей части капиталов. Ходит легенда о том, что, прибыв в революционную Москву и ночью пробравшись в свой дом на Басманной, он забрал часть драгоценностей. Сложив их в саквояж, приготовился тайно покинуть столицу под видом доктора. Его схватили и отправили на допрос. Поняв, что уйти так просто не получится, он выторговал свою свободу у самого Дзержинского, открыв тайники и отдав все накопления. На эти капиталы был построен Дом культуры, а Стахеев якобы получил пожизненную пенсию, на которую проживал в любимом Монте-Карло. История легла в основу романа «12 стульев» авторства И. Ильфа и Е. Петрова. Насколько она достоверна — бог весть, но так хороша, что рассказывать ее будут всегда, пока жив жанр городских легенд.

Проходку участников от ворот к зданию снимали четыре раза. Аллею освещали софиты, несколько операторов ловили ракурсы под разными углами, бегал и матерился режиссер. Вдоль прохода в ряд толпились незнакомые люди с шариками, кто-то даже с плакатами. Кто эти люди?

Идет первый сезон шоу, начальные серии которого выйдут только через несколько месяцев. Явно это не фанаты. Зеваки? Не прошедшие отбор недоэкстрасенсы? Семьи участников? Откуда они вообще знают, где будут происходить съемки? Контракт же!

Хотя, вон, вижу своих подружек. Светят довольными улыбками ярче софитов. Еще бы! В телевизор попадут.

Мы ходили туда и обратно, улыбаясь, размахивая в сторону камер руками, посылая воздушные поцелуи.

Было скучно и убого. А еще холодно.

Чем дольше я варилась в этом котле под названием шоу-бизнес, тем сильнее бились стеклами внутрь розовые перспективы карьеры теледивы.

Сегодня на мне было белое, шелковое, струящееся платье в пол с высоким разрезом по бедру, туфли на шпильках и веер из белых перьев. Где девчата достали эту пошлятину, в душе не чаю, но, как ни странно, выглядело все достаточно утонченно и загадочно. Я сперва отказывалась, мол, чересчур, но Соня с Ритой настояли. Да и правда. Актриса я по трудовой или кто?

В самом готическом зале наше построение полукругом долго моделировали, меняя местами и выстраивая нас, исходя из роста и цвета костюмов. Мне на этот раз досталось место в самом конце. Мой белый наряд выбивался из нейтрально-темной гаммы остальных участников, как и низкий рост. Надеялась стоять в центре и даже сперва немного расстроилась, но потом поняла, что последнее слово будет за мной, и оно всегда лучше запоминается, и успокоилась.

Как только определились с расстановкой и отсняли несколько дублей выхода участников и ведущего в готический зал, наконец началась съемка самого процесса.

— Камера. Мотор.

— Дубль пятнадцать дробь один.

Пореченков начал приветственную речь на камеру.

— Дамы и господа, приветствую вас на первой в России «Битве экстрасенсов». Эти люди доказали нам, что могут видеть сквозь любые преграды. Будь это черная ширма или картон. Они смогли почувствовать живую энергию в неживом объекте. Рассказать о человеке, не видя и не слыша его. Перед вами лучшие из лучших. Десять участников, которые будут проходить самые сложные испытания в течение нескольких месяцев. Это настоящие ясновидящие.

— Стоп. Снято, — громогласный голос режиссера взорвал тишину помещения.

И как только съемка останавливалась, все моментально приходило в движение. Кто-то чихал, другой начинал чесаться, третий требовал воды. Меня завораживало это зрелище. Особенно когда давалась следующая отмашка о начале съемки, и толпа в одночасье замирала и затихала. Как единый организм. Все отчетливо понимали, чем лучше они постараются, тем быстрее все окажутся свободны.

Каждая съемка как натянутая струна. Каждая пауза как бушующее море. Что-то все же в этом есть завораживающее. Своя магия.

Вновь удар хлопушки. Вновь зычный голос Пореченкова, представляющего участников шоу:

— Петр Соболев — самый молодой участник проекта. Дар ясновидения он унаследовал от своей прабабушки.

Первым в ряду стоял высокий парень, лет восемнадцать, с длинными русыми волосами. Одет относительно неплохо, по сравнению с остальными. В джинсовый костюм с рубашкой. Именно с ним мы уже успели познакомиться поближе. Оказывается он младше меня? Как же он тогда попал на отбор? Очаровал ту гримзу? Надо будет спросить...

— Наталья Воротникова пережила две клинические смерти, с детства безошибочно предсказывала людям несчастья и смерти.

Довольно симпатичная, невысокая девушка, возраст около тридцати пяти лет, с длинными темными волосами. Сейчас она стояла серьезная и сосредоточенная. Хотя в жизни довольно улыбчивая и общительная. За эти дни я уже успела сделать собственные выводы обо всех участниках.

— Наталья Носачева — профессиональный врач. Экстрасенсорные способности обрела после автомобильной катастрофы.

Полноватая женщина с короткой стрижкой, светлые волосы, возраст около пятидесяти, взгляд хитрый. Одета дорого, золотые украшения потянули бы на пару сотен грамм.

— Дарья Миронова — дар предвиденья обнаружила в пионерлагере. Погадала подружкам, все предсказания сбылись.

Высокая, стройная блондинка, возраст около двадцати пяти лет, симпатичная, одета стильно, внимание привлекали красивые украшения ручной работы. Когда к ней обращались напрямую, говорила звонко и уверенно, хотя на людях вела себя несколько отстраненно.

— Алена Орлова — цыганка. Обладательница магических меток на теле. Все женщины в ее роду были наделены сверхъестественной силой.

Невысокая, полноватая женщина эффектно выделялась из толпы. Смуглая, с ярким вызывающим макияжем, большими черными глазами. На голове пышная копна кудрявых черных волос. Смотрелось как буйная химия, хотя ее образу добавляло загадочности. Женщина выделялась еще и чрезмерной активностью. Она кичилась своими талантами и была слишком шумной.

— Светлана Проскурикова — врач-патологоанатом, астролог. С шести лет предсказывала, когда и кто придет в гости.

Усталая женщина лет сорока, пышные неухоженные волосы, славянская внешность. Была одета в длинное платье до пола. Молчаливая, себе на уме.

— Арина Евдокимова — перенесла сильнейшее потрясение: плен и предательство. Прийти в себя ей помог монастырь. Именно там десять лет назад к Арине пришел дар ясновидения.

Высокая, стройная женщина за сорок пять. Красивая, стильная, ухоженная. Смотрит отстраненно и оценивающе. Мне удалось в одной из поездок перекинуться с ней несколькими фразами. Ничего личного, но не было антипатии, как к большинству присутствующих.

— Кама Арефьева — потомственная ясновидящая в четвертом поколении. Дочь известной Сибирской целительницы Лидии.

Это была, пожалуй, сама неприятная для меня женщина из всех присутствующих. Ей под шестьдесят. Рыжая, суматошная, хабалистая, наглая, полноватая. В аляповатых крупных украшениях. Вечно лезущая вперед всех и раздражающая своим неумным энтузиазмом. Именно она на меня свой кофе вчера и вылила. Может, не совсем здоровая на голову?

— Александр Новиков — целитель-костоправ. В семь лет обнаружил экстрасенсорные способности, когда случайно остановил сильное кровотечение у мужчины.

Взрослый мужчина под пятьдесят. Вид имел несколько загадочный. В обществе хотел казаться своим рубахой-парнем, но я бы такому спину прикрывать не доверила.

— Анна Котова — называет себя Дочерью Скандинавской Волчицы. По преданиям, ее предки могли обращаться в волков. С рождения обладает повышенным чувством опасности и предвидения недалекого будущего. Считывает ауры живых существ.

В принципе, неплохая выдержка из моей легенды. Могло быть и хуже.

— Вот они. Десять лучших. Десять героев, которые прошли огромный отбор и стали участниками программы «Битва экстрасенсов». Я поздравляю вас, дамы и господа. Всем желаю удачи. Всем желаю победы в этом нелегком испытании.

Он повернулся к другой камере.

— А вам, дорогие телезрители, спешу сообщить, что, начиная с этого дня, каждое воскресенье мы будем следить, кто из этих людей действительно обладает экстрасенсорными способностями, а кому просто повезло. Каждую передачу будет выбывать по одному человеку. Сильнейший останется только один. И вскоре мы с вами узнаем, кто достоин этого звания. «Битва Экстрасенсов» начинается!

— Камера, стоп. Переснимаем еще раз последний дубль. Мне показалось, ты там запнулся. После этого кофебрейк пятнадцать минут, и пятнадцать минут вам сменить образ. Визажисты в вашем распоряжении. Затем вторая проходка. Девочки, — он повернулся к группе сотрудников, стоящих за кадром, — работаем. Вторая дама слева бликует.

На второй выход я взяла все тот же белый брючный костюм, состоящий из пиджака без рукавов с V-образным вырезом и широких брюк. К счастью, за время моего отсутствия ничего с ним не произошло, он радовал гладкостью и девственной чистотой ткани. К нему девчата соорудили мне небольшую заколку с перышками и бусинами. Зачесав волосы набок, я зафиксировала их украшением. Элегантно, стильно, броско — то что нужно.

Мое место в полукруге осталось прежним. Что меня вполне устраивало. Оглядев других участников, поняла, что переоделись всего трое. Хозяин — барин, как говорится. Телезритель сейчас еще не избалован разнообразием развлечений с экрана, но нужно понимать, где ты находишься и какую цель преследуешь. Поражаюсь беспечности этих людей, словно они и впрямь надеются на свои экстрасенсорные способности, которых, к слову, у них нет.

Пореченков стоял в центре, держа в руках два конверта, и обращался с заготовленной речью:

— Дорогие друзья, каждую неделю совет жюри будет обсуждать выступления всех участников. Каждый из них выбирает лучшего, на его взгляд, и худшего из участников. Затем мнения суммируются, и здесь я буду вручать вам белый и черный конверты. Белый — лучшему экстрасенсу недели. Черный — тому, кто на той неделе покидает наш проект.

Он сделал небольшую паузу и оглядел участников. Все стояли собранные и взволнованные, даже те, кто делал вид, что черный конверт уж им точно не достанется.

Дело в том, что прохождение испытаний друг друга мы не видели. Все было покрыто тайной. Как и обсуждать после испытания его детали — строго запрещалось. Для случая, если чье-то выступление придется переснимать заново.

— Я хочу вам сказать, что совет жюри вынес свое решение. Итак, начнем с лучшего, — он распечатал белый конверт, и показал нам фото, — Наталья Воротникова.

Раздались аплодисменты. Наталья заулыбалась.

Мне осталось лишь в досаде поджать губы. Со вторым испытанием, на стадионе, я не справилась. Не успела. Как и в случае с Кругом, сведения, которые я озвучила, нужно еще проверить. Ничего. Я подожду. Надеюсь, дальше пойдет более гладко, и я не вылечу раньше финала.

— А теперь я вынужден перейти к невеселой части нашей программы и озвучить имя человека, который был самым слабым по мнению жюри на этой неделе, — Михаил распечатал конверт и повернул к нам фотографию, — Светлана Проскурикова.

Все начали обнимать Светлану и подбадривать, затем сняли момент ее ухода.

Еще несколько общих фраз ведущего. Несколько общих кадров сомкнувшихся плотнее рядов участников. И натянутое всеобщее молчание.

Я не помнила, кто за кем уходил, слишком уж много было тех битв. Помнила лишь, что Первый сезон выиграла Воротникова, получившая сегодня белый конверт. Вот с этим я была категорически не согласна. За первенство я буду бороться. Мне оно нужнее.

Дни слились в череду и круговерть событий. Всего второй месяц я в новом мире, а жизнь насыщена так, словно уже прошел год!

Стояла у схемы московского метро и с умилением ее рассматривала. Словно когда-то умерший старый, матерый пес, вновь перед тобой в состоянии долговязого щенка. К 2030 году подземный город, как и его старший брат на поверхности, разросся чуть ли не вдвое! В очередной раз порадовалась тому, что я сейчас живу в центре. И еще многие года это будет удобно. Уже после двадцатых загрязнения воздуха и шума достигли наивысшей точки. И любой, уважающий себя самодостаточный москвич предпочитал жить в глубоком ЗаМКАДье. В центре была лишь коммерция.

Даже сейчас, всего пять остановок, но меня ждет две пересадки и три перехода. Ну, что ж, прогуляемся.

Толкаясь в московском метро, воткнула наушники Walkman, еще и поразилась, что они уже вакуумные. Каждый день для себя делаю новые открытия. То неутешительные, когда чего-то еще не изобрели, то восхищаюсь наличием мелочей, которые, оказывается, были всегда.

Под любимую ретро музыку (когда я уже отвыкну звать все подряд ретро!?) я вошла в вагон поезда и в очередной раз улыбнулась. Такие противоречивые чувства. Все до умиления знакомо, и так убого одновременно...

Спросите: куда я сорвалась с утра пораньше? Вот и я думаю, чем были заняты мои мозги, раз приняли столь опрометчивое решение? Сегодня мой первый законный выходной, и я настолько спешила, чтобы Сенсей не утянул на тренировку, а девочки не засадили за обсуждение роликов или нового костюма, что просто сбежала.

Путь мой лежал на старую квартиру. Магия! Но нашлись покупатели!

Вырезая и отправляя письма в редакции газет с текстом объявлений, я долго плевалась. Ни Авито, ни прочих онлайн-порталов. Как так? Каждый раз для меня это форменный шок. Ну что там жалкие двадцать-двадцать пять лет? Времени же всего ничего прошло! А ты ж погляди... Скажи кому в двадцатых, особенно молодежи: «Хочешь продать б/у iPhone? Отправь письмо в газету объявлений!» Му-ха-ха. Представляю эти не обремененные мыслью лица, скрипящие шестеренки, смех и грубость, как элемент защиты.

И что? Вот я человек из 2030, находясь в 2006, написала объявления о продаже квартиры во все подходящие газеты. Почему мне не смешно?

Но речь даже не о том! Разве не чудо? Это сработало! Нашлись те въедливые, внимательные люди, что заметили мое объявление! Фантастика? Не спорю.

Мне кажется, я даже могу представить как человек, склонившись над газетой, внимательно вчитывается и ведет карандашом вдоль кромки, сверху вниз. Находит необходимое, слюнявит грифель, обводит нужное. Подтягивает к себе домашний за шнур, и набирает номер...

Так что сейчас я еду показывать свою ценную собственность ее будущим счастливым обладателям.

Цену я задирать не стала. Промониторив рынок, осознала, насколько я богатая наследница. Любая бы плясала джигу. Но, когда я думала о том, сколько мне понадобится денег в будущем, сумма уже не казалась хоть сколько-то значимой. Стартовым капиталом, с

натяжкой, еще можно назвать. Вот такая я неблагодарная попаданка. От этой мысли отчего-то весело.

А не взяла я с собой никого по глупости. Для меня три миллиона — не деньги. В поздних двадцатых деньги настолько обесценились, что таскать с собой в сумочке полмиллиона было в пределах нормы. Точнее, наличка вымерла, как архаизм. Использовался вживленный чип, но это детали...

Одно я все время забываю. Времена другие. И квартира в Москве — это... Квартира! Е Москва! Успокаивало лишь то, что сейчас сделка совершаться не будет. Будет лишь просмотр. Ну, чем может привлечь бандитов мое объявление, коих тысячи? И под подъездом дежурить все это время они тоже не могут.

А ведь с самого утра под ложечкой сосет. Давно уже было пора научиться слушать свою интуицию...

В пустую квартиру я входила с некоторой опаской. Единственная и, надеюсь, последняя встреча с черным риелтором осталась в моей памяти мрачным пятном. Надеюсь, их настигла небесная кара, оттого они все и сгинули в небытие.

Открыла форточки, деревянные окна отчего-то ностальгии вовсе не вызвали, скорее досаду, прошлась по квартире. Видок, конечно, не вдохновляет. И так был далеко не райский уголок, теперь же, когда вывезли всю мебель, стало совсем тоскливо. Видно, что какой-то ремонт все же был, здесь некогда жили люди с крепким средним достатком, о чем говорил и компьютер, да и Аня заморенной из Освенцима не была. Видимо, отец Ани скатился на дно лишь после смерти бабули.

Интересно все же. Все ли вот так, как я, перерождаются после смерти, или это удел избранных? Больше я в «белую комнату» не попадала, как ни пыталась сосредотачиваться, и волчицу не видела. А вопросов у меня к ней накопилось прилично!

И тут меня осенило осознание. Вот же дура! Сенсей должен что-то знать обо всем этом. Сегодня же его расспрошу!

Наконец, раздался долгожданный звонок в дверь. Глянула в зеркало, придав себе максимально серьезный вид. Ай! Да кого я обманываю? Кого может навести на серьезный лад этот всклокоченный воробей? Скажу, взрослые в отъезде, а я просто показываю квартиру. Такая подача для незнакомых людей хоть как-то будет похожа на правду.

И так увлекли меня мысли о своей никчемной и совершенно неуместной внешности, что я распахнула дверь на автомате.

Натянутая было улыбка заядлого продажника сползла на подбородок вместе с отпавшей челюстью.

— Какие люди, Анна Владимировна! — меня грубо втокнули в квартиру, закрыв за собой дверь.

Я пятилась, отходя задом, пока не уперлась в стену. Раздалось громкое сглатывание. Это что, от меня такой звук? Соберись, алло, ты не девочка, Аня! Ты взрослая женщина! Да, мужики не маленькие, но и ты им нужна живая и дееспособная. Не убьют, по-любому.

Выдохнув, наконец собралась с духом и гордо выпрямила спину.

— Анна, уверен, вы меня не забыли с нашей прошлой встречи. Вы так скоро сбежали, что я даже не успел вам представиться. Зовите меня по-дружески, Олегом. Мы же друзья, не так ли? — подошедший ко мне мужчина выделил голосом, не терпящим отказа, последнюю фразу.

— Я так не думаю, — процедила сквозь зубы.

— Очень зря, с врагами мы так вежливо не разговариваем. А это мой друг, Вадим. Не общаться вы будете со мной. Учтите, что мы вооружены и ваши шуточки с электрошокером в этот раз не пройдут.

Его слова меня повеселили. Действительно, что еще он мог сказать коллегам, да и подумать, когда в прошлый раз я обездвигила его гипнозом? Уж точно не на магию!

Получится ли у меня в этот раз повторить подобное? Не уверена.

— Ну, что же вы молчите? Не рады видеть старых друзей? А вот мы очень даже. Очень по вам соскучились! Все документы давно ждут вас, — он схватил мою сумку со стола и высыпал содержимое, — паспорт с собой, а где же документы на квартиру? Анна Владимировна! Ну что же вы так непредусмотрительно? Покупатели интересуются документами в первую очередь! Времена сейчас сложные, мошенников развелось... — он вновь посмотрел на меня и оскалился.

Главное сейчас — холодная голова. Вдох-выдох, Аня, ты справишься. Это обычные люди. К тому же один стопроцентно поддается моему гипнозу — проверено.

Олег тем временем сгреб мои пожитки обратно в сумку. Паспорт положил во внутренний карман пиджака.

Подошел ко мне, забившейся в угол и отчаянно пытающейся придумать хоть какой-то мало-мальски действенный план, сграбастал за предплечье и потащил на выход.

— Только пискни! Все пальцы переломаяю! Даже сознание потерять не дам и вправлять не буду принципиально. Поняла? — он тряхнул меня как тряпичную куклу, на что я пару раз согласно кляцнула челюстью.

Ничего, ничего, вот сейчас на улице вывернусь и драпану со всех ног! Я быстрая и легкая. Не зря же меня Сенсей тренирует!

В лифт заходить не стали, с четвертого этажа пошли вниз пешком. Навстречу поднимался мальчик с собакой. Олегу пришлось меня отпустить, но узость лестничного марша пространства для маневра не оставляла. Да и будь то взрослый, устроила бы истерику. А что ребенок? Только перепугать или подвергнуть риску. Эти головой о стену ударят и не моргнут. Что им ребенок? Одним больше, одним меньше...

Проводила мальчика взглядом и выдохнула, когда за ним захлопнулась дверь этажом выше.

Мы уже находились на площадке первого этажа. Я обязана попробовать! Может, на шум кто-то выйдет?

Сконцентрировав всю свою ненависть к этим нелюдям, развернулась и направила все свое жгучее желание остановить противника, в совокупности с приказом:

— Замри!

Мужчина замер на полушаге с остекленевшими глазами.

Получилось!

Не успела я порадоваться, как жгучая боль взорвала мою голову. Второй бугай схватил меня за волосы и дернул на себя, отчего я упала, больно ударившись коленями о бетонный пол.

— Опять твои шуточки, тварь? — второй рукой он схватил меня за горло и сдавил своей клешней. — Не хочешь по-хорошему? — цедил он сквозь зубы.

Отчаянно хватаясь за крупные пальцы, канатами сдавившие мое горло, я судорожно соображала. Не убьет же он меня? Не убьет? Ведь правда? Ведь я же нужна им живой.

И когда мои глаза уже начали закатываться от нехватки кислорода, Олег зло швырнул меня на пол, подойдя к своему напарнику.

— Эй, Вадим, — он легонько тряс того за плечо, явно опасаясь и не понимая, что же произошло.

Повернулся ко мне со зверским выражением и сделал шаг в мою сторону:

— Что ты с ним сделала? — он проревел на весь подъезд.

Обезображенное ненавистью красное лицо, вздутые вены на шее, наливающиеся краснотой глаза, сжатые до хруста кулачищи — и эта глыба надвигалась на меня.

— Быстро вылечи его! — он резко схватил меня за грудки, так что мое пальто трусливо хрустнуло рвущимися нитками.

Не знаю, что мной двигало на тот момент, попроси рассказать, вряд ли вспомню и воспроизведу всю гамму эмоций, что меня переполняли. Лишь помню, как вцепилась пальцами ему в лицо, царапая, соскальзывая в рот, галаза, сминая это самоуверенное выражение лица. А потом ощутила в ладонях нестерпимый жар! Дикую боль, оттенка которой, как ни странно, тоже не оказалось в моей коллекции из прошлой жизни.

И не менее дикий крик мужика напротив. Его лицо начало дымиться, а тело словно сковало судорогой. В нос ударил смрад паленого хряка. Стало адски страшно, но мои руки словно прикипели к его лощеной физиономии, превращая ее в обугленное нечто. Накатила удушливая волна отвращения и паники. Только бы не потерять сознание!

Все закончилось так же резко, как и началось. Мужик упал, потянув меня за собой. Повалилась сверху, выбив из себя остатки духа. Оторопь спадала волнами. Осознание происшедшего удавкой сковывало шею. Приподнявшись из объятий мужчины с развороченным лицом, на автомате протянула руку к сонной артерии. Пульса не было. Хотя и рук я не чувствовала, они словно отказали по локоть.

И тут вернулись запахи, звуки. Я услышала шумное дыхание второго мужика, о котором я уже и забыла. Приходит в себя? Наверху раздались звуки лифта, который кто-то вызвал на верхние этажи.

Бежать! Срочно!

Паспорт! Дрожащими руками начала быстро шарить по карманам трупа. Сумка! Скорее!

Из подъезда я вылетела пулей. Уж не знаю, были ли еще подельники у этих отморожков, на тот момент я ни о чем не думала. Страх придавал мне такое дикое ускорение, что я даже понять не могла, в каком районе нахожусь и куда прибежала. Скоро дыхалка сдохла, и я упала на первую попавшуюся лавку.

Руки до сих пор тряслись. Посмотрела на них — они все были в бурых опметках.

Меня вырвало.

Обессиленно откинулась на лавку. Перед глазами все плыло. Не плакать. Не истерить.

Не знаю, сколько я так просидела.

Очнулась оттого, что холод начал проникать в дыры полуоторванных рукавов. Первой связной мыслью было, что Соня меня убьет за порчу одежды. Нервно хохотнула.

Огляделась. Увидела лужу на асфальте и с остервенением принялась тереть ладони о дорожное покрытие. Ледяная жижа слегка отрезвила.

Срочно домой! Мне нужно такси!

После часа в ванной под струями горячей воды меня все еще трясло. Пришел отходняк, и мысли о последствиях случившегося не переставали мне рисовать картины одну страшнее другой. Руки все еще болели, словно по ним проехал гусеничный танк, и слушались плохо.

Сенсей застал меня на кухне, раздосадованную и озадаченную. Налить в кружку кофе оказалось тем еще квестом. Сил не было, тело потряхивало.

— Что это за трясущаяся гусеница? Страшно оттого, что тренировку прогуляла?

Понуро повесила голову. Что я ему скажу? Что я убийца? Сдаст меня в полицию и будет прав.

— Я совершила очень плохой поступок. И не знаю, что мне теперь делать.

— Кто определяет, что поступок дурной? Есть добро и есть зло. Человек рождается. Это добро или зло?

О чем он вообще? Голова как чугунная. Опять его мутные разговоры о высоком.

— Рождается человек? Конечно, добро.

— Но человек и умирает. А это добро или зло?

— Зло.

— Но если бы человек не родился, то он бы и не умер? Выходит: зло порождается добром? Кто, по-твоему, прав? Добро и зло настолько переплетены, что ты не можешь увидеть эту грань. Это как две разные жидкости в одном сосуде. Если встряхнуть, они смешиваются, но со временем разделяются обратно.

— Я запуталась.

— Представь шахматы. Черные и белые.

— Черные плохие, а белые хорошие?

— Нет. Они не хорошие, не плохие. Они просто разные. Солнце дает всем жизнь, но оно и выжигает пустыни. Хорошее оно или плохое? Не все так очевидно, как кажется на первый взгляд.

— Мне кажется, я убила человека.

— Хорошего или плохого?

— Я не знаю, каким он был человеком, разве мне его судить? Мне он хотел сделать очень плохо, я лишь защищалась. Вмешалась моя Сила. Если бы не она, возможно, мертва была бы я, — последние слова я произношу уже шепотом.

— Мы можем изменить будущее, но не прошлое. Чем больше ты думаешь о прошлом, тем меньше времени у тебя остается на изменение будущего. Помни, зачем ты здесь.

— Я помню, — эти слова придали мне толику сил.

— Не зацкливайся на том, что уже сделала. Иди к своей цели. Если тебе не нравится результат, думай не о содеянном, а о том, как это исправить в будущем. Если же не получается исправить, только тогда стоит остановиться и разобраться, где ошиблась, чтобы продолжить свой путь уже без подобных ошибок.

— Я не уверена, что я иду правильным путем. Не уверена, в чем именно моя цель. — сжала руки в кулаки, но саднящие ладони отозвались резкой болью, отчего я сморщилась.

— Если бы тебе была не по силам эта ноша, судьба бы тебе ее не предложила. Все у тебя получится. Несколько судеб же ты уже изменила?

— Думаю, да. Надеюсь, что к лучшему... Я хотела вас спросить про... прошлую жизнь.

Вы ее помните?

— Что? Прошлую жизнь? Конечно. Я все знаю. Все помню. Душа бродит неприкаянной пока не пройдет семь перерождений. Отрабатывает карму. Потом ты становишься сверхчеловеком, учишься летать, а свои перерождения можешь контролировать.

— Семь? Что, правда? — мои глаза округляются.

— Нет, конечно. Я только что это придумал!

Хлесть. Он шлепает меня по лбу.

— За что? — я распахнула глаза в удивлении.

— Анна. Собери рисовую лапшу, которая у тебя в голове вместо мозгов, в коробочку. И не позволяй ей вытекать и виснуть на ушах. Нельзя верить в любую чушь. Откуда я могу знать, что там за высшие силы? На то они и высшие, что им до каких-то термитов, как мы, дела нет.

— Но я-то прошлую свою жизнь помню.

— Я тоже ее помню. И свой второй шанс я провалил. Ты моя возможность хоть что-то исправить. И если ты меня подведешь, я научу тебя делать харакири и проконтролирую выполнение. Поняла?

— Поняла... а... — предпочла сменить скользкую тему, — вы знаете посланника Волчицу?

— Нет. Ко мне посланник приходит в другом обличье. Тотемный дух моего рода — филин.

— То есть один и тот же дух ко всем приходит по-разному?

— Я понятия не имею, какие аниме тебе ночами снятся, но вижу, как твоя пятая точка просиживает мой авторитет абсолютно бездарно! Подняла ее и пошла. Быстро! Тренировка начнется через пять минут!

К вечеру, когда я валялась без сил в кровати, ко мне завалились веселые девчонки. Увидев мой потрепанный вид, закатили истерику: как я могу быть такой безответственной и ставить под угрозу не только свою жизнь, но и все наше мероприятие в целом?! Что я эгоистка и не думаю о них, а девочки за меня переживают!

И синяки вон на шее! Как в съемках участвовать? Хорошо, если в одежде. А если придется раздеваться в помещении? Вот завяжем платочек на шею, а если он съедет? Срамота!

Тирады их хватило ненадолго. Побубнили еще минутку для галочки и наперебой начали весело щебетать про наш канал на Youtube.

Вначале недели я им обрисовала нашу стратегию и направление.

— Сейчас наша цель — набить контент для канала. Чтобы он не был пустой. Я лицо нашего канала. Поэтому накидываем план, по которому вы готовите мне речь, сценарий. Далее мы идем с Ритой, берем фотоаппарат и устраиваем съемку. Пишем короткие видосики, которые вы потом вставите в смонтированные клипы.

— Это мы уже накидали. Посмотри. Несколько прикольных мест из фильмов с паранормальным уклоном и комментарии. Нарезка мультиков про привидения. И вот тут тебе надо будет комментарии записать, что ты думаешь про переселение душ, про призраков и прочее. Я нашла пару статей, распечатала, тезисы маркером выделила. Потом глянешь. Если не совсем чушь, можно несколько мыслей оттуда дернуть.

— Супер. Девчат, думаю, то что нужно. И про мистику, и с приколами. Приколов

сейчас не особо много, думаю, зайдет. Также хорошо идут видео с животными. Можно вон на улице наловить кошек и подгадать интересные кадры. Что-то типа, что я могу читать мысли животного. Нет, это бред, ну... или... — я рассмеялась, — а давайте вы сами подумаете в этом направлении. У вас это выходит куда лучше, чем у меня. Что еще?

— Ну и на десерт. Сенсей предложил нам снять видео о том, как он готовит рыбу.

— Гото-овит? — я уронила челюсть.

— Мы тоже еле сдержались, чтобы не рассмеяться. Он это так серьезно рассказывал. Мы такие сидим, глаза выпучили. Даже не знали что ответить и как не заржать.

— Вы там полегче. Хочет — снимите его, конечно. Так и быть, — сама уже вовсю смеюсь, представляя Сенсея, сосредоточенно выпускающего катаной кишки селедке.

— Да ну уж не враги же мы себе, — смеются в ответ.

— Кто его знает, а вдруг зайдет? Сейчас вообще ни в чем нельзя быть уверенным. Пройдут годы, и видео девочек, переодетых кошечками и жующими на камеру карандашный клей будет набирать миллионы просмотров. Поэтому, надо пробовать все. Может про Сенсея вовсе сделать отдельный канал? Все же тематика разная. Но в то же время делать постоянное переопыление, ссылаясь друг на друга. Обдумайте это. Так даже правильнее. Вдруг я где крепко налажаю? Будет запасной вариант. Так что тренировки и упражнения нужно отснять как можно скорее. Давайте завтра утром? Хотя бы на пару роликов?

— Да можно. Пораньше встанем.

— Отснимем на белом фоне.

— Его уже привезли?

— Да! Так круто! Фотостудия у нас суперпрофи! — глаза подруг горят азартом. Немудрено. Их спокойных мирок, состоящий лишь из скучных пар, учебников, редких переругиваний с предками, встал с ног на голову.

— Отлично. Потом наложите какой-нибудь красивый фон, словно мы тренируемся где-нибудь в горах.

— Ань, боюсь, я такое не смогу, — понурилась Соня.

— Нет? Сложно? Может, тогда попробовать съемки на крыше? Давайте сходим посмотрим, какой там открывается вид? Расчистим, если что, украсим. Думаю, мы с Сенсеем в белых кимоно на фоне встающего солнца будем смотреться неплохо.

— Крутая идея! Давай! В студии и зимой поснимать успеем.

— Еще можно фокусы какие-нибудь отснять. Или обучение простейшим фокусам. Ну, там резиночки, стаканчики, все такое.

— Мне кажется, это слишком по-детски и мистичность канала нарушает. Несерьезно! Посмотрят потенциальные тетки-клиентки и отпишутся.

— После готовящего Сенсея разве кого-то испугают фокусы? Они не посмеют отписаться!

Мы все дружно рассмеялись.

Испытание нового дня не могло не радовать. Ведущая сегодня попалась приятная и улыбчивая.

— Здравствуйте, меня зовут Лера Кудрявцева, и сегодня вы будете искать мою машину. Дело в том, что ее угнали!

Мы сидим вдвоем с Лерой в гостиной комнате обычной квартиры друг напротив друга. Между нами на столе лежит карта Москвы.

— Какая у вас машина? — стараюсь казаться доброжелательной.

— Porsche Cayenne. Вот ее фото. Может, пригодится?

Лера, как всегда, улыбается во все тридцать два. А я начинаю вспоминать нюансы испытания. Но в голове мелькают лишь картинки желтой прессы будущих лет, которые никак не дают сосредоточиться.

Вспоминаю всякие мемы и нарезки с приколами с ее участием, улыбаюсь. Из воспоминаний меня вырывает Лерин голос.

— Вы что-то веселое увидели? Может, поделитесь?

— Ой, простите. Увидела, какой сынок у вас красавчик, правда, вы его никому не показываете. Не переживайте, я тоже никому не скажу. А еще у вас чудесная дочка родится.

— Дочка? — Ее большие глаза распахиваются еще сильнее.

Похоже, я пошатнула ее скептический настрой.

— Да, но, к сожалению, это будет еще нескоро. До этого у вас будут разные отношения с мужчинами, все сплошь знойные красавчики, — улыбаюсь, — съемок много. Прямо съемки, съемки, съемки. Очень у вас карьера удачная: фильмы, клипы, реклама... телешоу.

Глаза актрисы разгораются жарким азартом.

— Спасибо, — говорит она тихим голосом.

Кажется, мы Леру потеряли... Ее взгляд остекленел, а мыслями она унеслась в будущее: на сцену блистательного телешоу или представляет, как держит на руках будущую дочь.

— Мне-то за что? Давайте машину вашу искать! — осаждаю девушку. Мне вообще-то победа нужна! Слава богу, это испытание я точно помнила!

Но Лера не унималась:

— А можно с вами потом поговорить без камер?

— Ну, давайте поговорим, — ухмыляюсь.

Интересно, можно ли рассказывать чужую судьбу вот так для развлечения? Меня передернуло. А вдруг нарушу этим ход ее жизни?

Как же бесит незнание!

— Итак! Угонщик — молодой мужчина. Уехал он в направлении северо-запада. Рядом, — показываю правой рукой, — река...

Раздается громкий, пронзительный писк и вибрация телефона о столешницу. Я даже не сразу поняла что за звук такой мерзкий. На столе лежал древний кнопочный Samsung, и сейчас он проигрывал рингтон из Бумера в монофонии.

Лера берет трубку и включает громкую связь.

— Звонит угонщик автомобиля! — она сообщает мне заговорщицким шепотом.

Раздается голос мужчины.

— Вы можете задать мне десять вопросов. Если на три я отвечу «нет» — я кладу трубку. Если отвечаю «да» на большинство — возвращаю ваш автомобиль.

— Что будем спрашивать? — Ведущая смотрит на меня горящим взглядом.

— Рядом находится лес?

Ведущая переспрашивает угонщика, тот отвечает «Да».

Дальше я постепенно задаю все вопросы, которые получается вспомнить:

— Рядом река? Сверху мост, по которому проходит трасса? Направление северо-запад? На другой стороне реки идет стройка? Здание отстроено наполовину и стоит подъемный кран? Машина находится на набережной? Вы съехали с этого моста по виадуку, там был достаточно резкий поворот?

На все вопросы ответы положительные. Каждый последующий приводит Леру в восхищение:

— Неужели я верну свою машину?!

— Да, — отвечает угонщик, — все предположения оказались верными, я возвращаю вашу машину, — и он кладет трубку.

— Здорово! Спасибо! Так круто!

Она радуется как ребенок. Невольно и сама начинаю улыбаться. Наконец-то безоговорочный успех!

— А еще что-то про меня можете рассказать?

Говорить или нет? Ай! Была не была!

— Скоро вы будете сниматься в шоу, где звезды катаются на льду. Ваш партнер будет бомбический красавчик! Волосы такие длинные, кудрявые, — Показываю длину на уровне плеч. — И, вполне вероятно, — наклоняюсь к ней ближе и понижаю голос до шепота, — что ваша пара победит. По крайней мере, у вас будут постоянно высокие оценки и все будет получаться просто отлично.

— Здорово! Обожаю коньки! А еще?

— А вдруг не сбудется?

Улыбка сползает с ее губ, но лишь на мгновение:

— Вы не темная и не глазливая. И если буду знать свою верхнюю планку, я обязательно буду к ней стремиться и всего-всего достигну!

— Да, все хорошо у вас будет. Карьера головокружительная. В России не будет человека, который бы вас не знал. А дело всей жизни... Наверное, это ваша личная передача, она будет запущена... еще не скоро, лет через десять, может чуть больше. Рассказывать не буду, о чем она. А то телезрителям будет неинтересно. Но точно все у вас будет хорошо, — улыбаюсь.

— Значит, будет еще замужество и прекрасная доченька?

— Да, — улыбаюсь, — сто процентов будут. А вот еще. Скоро будет роль в фильме с названием «Самый лучший фильм».

— Да вы... Да вы откуда?! Потрясающе! Я же не согласилась еще на съемки! Еще даже мои родные не знают. Да и роль мне не нравится, — засмущалась, — а вы говорите так, словно я уже согласилась. Мне, получается, надо соглашаться?

Жму плечами.

— Решать только вам. Это же ваше будущее.

Новый день и новое испытание. На этот раз оно проходило в ЗАГСе. В комнате для бракосочетаний находилось пять пар, одетых в свадебную одежду. Невесты были различного типажа, в свадебных платьях разного фасона. У одной оно было коротким, напоминающем скорее юбку с пиджаком, зато образ довершали высокие белоснежные сапоги выше колен и шляпка. Еще одна невеста была в бирюзовом струящемся платье. Остальные более традиционно одеты.

Полные и худые. Брюнетки и блондинки. Но все, однозначно, красивые, молодые, веселые. Как ни странно, но девушки в моей памяти слились воедино. Сейчас соотнести хоть одну из них с кем-либо из стоящих за их спинами мужчин не представлялось возможным.

Девушки сидели на стульях, выставленных в ряд. За их спинами стояли мужчины.

А вот мужчины... Они мне запомнились отчего-то лучше...

— Здравствуйте, Анна. Перед вами пять давно женатых семейных пар. Мужчин, стоящих за спинами женщин, мы поменяли местами. Ваша задача — вернуть их на место и воссоединить семьи. Задание вам понятно?

— Да, конечно.

Ну, голова, думай! Самый низкий ростом мужчина, как я помнила, стоял в середине, как раз возле девушки в голубом. Справа от него негр. А следом — мужчина с длинными волосами и ярко-красным галстуком.

Оставшиеся двое выглядели совершенно непохожими друг на друга, но вполне обыденно, совсем не так, как три предыдущих. Обычные мужики. Один раз увидишь и забудешь. Вот с ними будут проблемы.

Прикрыла глаза и изо всех сил посталась хоть что-нибудь почувствовать.

Что ж... если и предстоит тыкать наугад, так сделаем хотя бы себе экранное время. Шоу начинается.

Я прошла вдоль ряда невест, останавливаясь напротив, подзывая к себе рукой и вдыхая запах каждой. Естественно, на расстоянии. Еще я чужих людей не обнюхивала.

Затем прошла за спинами мужчин, положив каждому руку меж лопаток и на мгновение задержавшись.

Времени прошло минуты три, думаю, можно уже озвучивать свое решение.

— Итак! — мой голос прозвучал в пустой комнате дворца несколько торжественно и призывно. — Вы, мужчина с красным галстуком, подойдите к первой невесте.

Он выполнил мою просьбу.

— Вы, — я указала на негра, — встаете следом за ним к этой прекрасной даме.

Произошла рокировка.

— Вы, — я указала на мужчину ниже остальных ростом, — встаете в середину к шикарной девушке в голубом.

Все заняли требуемые места. А я все медлила. Ведь чем лучше я пройду каждое испытание, тем выше мои шансы на победу! Как я помню, особо точно с этим испытанием не справился никто. А у меня уже три попадания из пяти. И все же. Так хочется победить и запомниться зрителям!

Я подошла еще раз к каждому из оставшийся мужчин:

— Смотрите мне прямо в глаза. — В ответ я сделала самое грозное и сосредоточенное

выражение лица, на которое только была способна. И затем, нервно и шумно выдохнув через нос, вернулась на исходную позицию в центр. — Сложно определиться с этими двумя мужчинами. Думаю, они сами знают *почему*, — я сделала вид оскорбленной невинности. Пусть думают, что хотят. Чем загадочнее, тем больше мыслей будет обо мне и вопросов.

Достала из потайного кармашка перышко. Встала напротив неопределившихся невест, положила перо на ладонь и дунула. Перо упало к ногам девушки слева.

— Вы, — мой голос вновь был резким и громким, — встаете за спиной этой девушки. Вы — указала на последнего, — с краю.

Обернулась к ведущему и благосклонно кивнула ему:

— Я закончила.

Вел это испытание Сергей Сафронов. Самый рыжий, самый беспардонный и задиристый. Невзлюбила я его с первого взгляда. Не знаю почему. Но такое бывает — все внутри кричит: держись подальше. Хотя, помню, в нашей больничной палате, в 2030-м, половина теток от него тащилась, мол, брутальный самец. Ах, если б они знали, что я буду вот так стоять рядом с предметом их воздыханий на расстоянии вытянутой руки, от зависти меня бы покусали.

Но что-то я отвлеклась. К реальности вернули слова ведущего:

— Уважаемые мужья, займите места рядом со своими женами.

Последние двое поменялись местами.

Я досадливо закусил губу. Зря только цирк устраивала.

Раздались аплодисменты.

— Отличный результат, Анна. Три из пяти, — Сафронов смотрел, как всегда, иронично и с издевкой. Или мне так казалось? Какое мне в принципе до него дело?

Сдержанно кивнув, пошла на выход. Догнала мысль, что сегодня мое белое длинное платье с зауженной юбкой только потерялось на общем фоне. Да и было не совсем уместно в данной обстановке. Может, стоит пересмотреть стилевое решение моего образа? В каком-нибудь лесу или на стройке, или где еще там намечаются испытания, платья и каблуки будут смотреться по-идиотски. Надо крепко на эту тему подумать.

На самом деле процесс съемок проходил до ужаса тяготно. Сборы, дорога, напоминание о пунктах договора и штрафах при их разглашении. Также стали отбирать телефоны. По салону проходил секьюрити с контейнером, и все трубки складывались в него.

Нет, пока никто не рассматривает мобильник как угрозу разглашения материала. У людей эти кирпичики еще не ассоциируются с инструментом на все случаи жизни. Просто люди мы далекие от искусства, поэтому шумные, зачастую беспардонные и недаленовидные. Уже и случай был как один из экстрасенсов (не будем показывать пальцем) отошел в кусты поговорить по телефону, чтобы никому не мешать, да видимо так заговорился, что решил совместить приятное с полезным: сходить по нужде, да и попал в кадр. Полдня потом над ним ржали. Или кто-то так орал в трубку «Маша, свари пельмени, они слева в углу в морозилке», что даже стены не спасли. Дубль пришлось переснимать заново.

Словом, веры нам никакой. Сидим теперь «наказанные» и не отсвечиваем. Вот и тянется день как резина. Пока расскажут детали, пока отснимут проходку к месту испытания всей толпы, затем по отдельности. На итоговом видео-то все лаконично, лишь самые интересные моменты. На то оно и шоу. В реале же... это надо любить. Вон, например, Кама. Человек-оркестр. Ей не скучно никогда и нигде. Пристает к каждому встречному с

расспросами. Если человек отмалчивается, а так зачастую и происходит, начинает вливать в уши ему свою пургу. Не люблю я таких суетливых и шумных. Хорошо, я ей неприятна. Ко мне она и не подходит.

— Привет!

Поднимаю глаза:

— А, ты, Петь. Ну здорово. Как дела?

— Аня, я твой должник, — Парень перевернул стул спинкой вперед с сел на него «поковбойски». — Мы ведь ходили к главврачу. Вместе с сестрой. Она у меня бойкая. Это я вечно молчу, а как за дверь выйду — так герой, — он грустно вздохнул, но тут же поднял на меня полный лукавства взгляд, — и ведь сработало! Даже без угроз. Я сказал, что снимаюсь на телевидении в масштабном проекте, — он понизил голос до громкого шепота, — и что скоро займею «вес», тогда и разнесу их больницу по кирпичику. А вообще, дядька на самом деле адекватный. Мне кажется и без угроз бы обошлось. Просто народа — тьма. Давно пора строить областной центр, а диспансер все ютится в двухэтажке застройки пятидесятих годов. В общем, ей дали место! Будут лечить! — Парень светился от хорошей новости.

А я лишь скрипнула зубами и с усилием растянула губы, в попытке улыбнуться в ответ.

Неужели так сложно выделить финансирование на действительно необходимые госучреждения? Ведь не только больниц не хватает! Такая же беда и с детскими садами, и со школами. Как Советский Союз рухнул, нового особо ничего и не построили. А потребность есть и она растет!

Как же моя цель близка и желанна, и в то же время между нами бескрайняя пропасть. Так хочется ускорить бег времени, сделать уже что-то осязаемое, чтобы эта боль и терзания дали хоть миг продыха.

Но нет. Поздняя осень, чужой для меня город, неизвестно чья квартира, толпа уникальных дармоедов, и вот это вот все... Сохранить веру в себя и свой успех, пронести их сквозь года, вот, пожалуй, мое главное испытание.

Заметила, что участие в проекте меня бесконечно выматывает. Планировалась увеселительная прогулка по задворкам телестудий, с открыванием дверей с одного пинка, всеобщее восхищение и все деньги мира к моим ногам. А в итоге? Бесконечные нервы и раздражение. Вот и сейчас, стоя перед дверью квартиры я делала дыхательную гимнастику, лишь бы ни на кого не сорваться. Нужно было как-то унять кипящую во мне злость на собственную слабость и немощность.

Вдруг дверь соседской квартиры открылась и оттуда вышел улыбающийся...

— Сенсей?

Его блаженная улыбка моментально превратилась в маску спокойствия.

— Анна? — И так он внимательно посмотрел на меня, словно насквозь взглядом прожег.

За его спиной стояла наша соседка Марина, неплохая, кстати, тетка. По крайней мере из ее квартиры всегда вкусно пахло, а порой она и нам пирожков приносила.

Непонимающе перевожу взгляд с него на нее. Что он там делал? Он что умеет с людьми общаться? Мне казалось, он всех игнорирует.

— Иди за мной. Будем лечить твои нервы.

— Сенсей, я больше не могу, — я валялась без сил в белой межвременной комнате на

пружинящем покрытии, напоминающем татами.

— Ты сама себе мешаешь. Воспринимаешь занятия в штыки. Твоя голова — враг твоему телу.

— Да я помню, помню. В здоровом теле — здоровый дух и все такое.

— «Orandum est, ut sit sana in corpore sano», переводится как "Надо молить богов, чтобы дух здоровый был в теле здоровом." Это не данность, не везение — это великий труд. Наше тело является проводником для энергии. Чем органичнее развит человек, тем легче ему принимать потоки и направлять в нужное русло. Для достижения любой цели требуется определенное количество энергии. Для каких-то дел требуется много энергетических затрат, для других — меньше. Как думаешь, для твоих целей тех крох, которыми ты сейчас в силах управлять, достаточно?

— Нет, — я скорее простонала, осознавая правоту его слов.

— Ты хочешь научиться управлять своей энергией? Хочешь стать сильнее? Или уже забыла, зачем ты здесь?

— Я помню.

— Внутренняя энергия притягивает людскую симпатию. Человек своей сильной жизненной позицией начинает вызывать уважение окружающих. Уверенному в себе и своих силах человеку добиваться успеха проще, чем человеку неуверенному, склонному к депрессиям. В таком состоянии ты не сможешь выбрать путь сильного.

— Быть сильным — это научиться подчинять себе людей?

— Тем более! Подчинить человека и заставить его делать то, что нужно тебе, ты сможешь только тогда, когда ты будешь уверена в силе собственного духа на все сто процентов!

— Я не знаю, что еще делать. Ничего у меня не выходит. Я много раз пробовала. А овладеть силой получилось лишь тогда, когда мне грозила смертельная опасность.

Я, наконец, села. Тело чувствовалось как в киселе.

— Ничего у тебя не получилось! — Он расхаживал взад и вперед, время от времени оглаживая длинную бороду. — Твоя Сила просто сжалась над тобой, бледной каракатицей. Твоя Сила не такая слабачка, как ты, и не сдастся при малейших сложностях! Закаляй свой дух. И тогда, возможно, Сила тебе подчинится.

— Но как? Вот сейчас, после наших занятий, у меня нет сил совершенно.

— Твоя голова — твой враг. — Он направил на меня свой палец. — Ты веришь в слабое тело. У тебя нет энергии, потому что ты ее не принимаешь! Чем крепче тело, тем больше в нем энергии. Тело — это лишь проводник.

— То есть чем больше я буду заниматься, тем быстрее овладею силой?

— Какая же у тебя лапша в голове! Все поступки человека начинаются с мыслей. Хорошими они будут или плохими, приносящими пользу или вред — зависит от здоровья духа. Слышала про психосоматику или «все болезни от нервов»? Наш дух, если он слаб, посылает сигналы телу, что и ему нужно быть слабым. Все вокруг только ноют и себя жалеют. А что тебе себя жалеть? Ты калека? Или, может, неизлечимо больна?

— Нет.

— А почему тогда тело управляет тобой, а не ты телом? — он провел в направлении моего тела рукой, и всю усталость как ветром сдуло.

Я только и могла, что удивленно моргать.

— Что смотришь как камбала? Вставай и нападай. Касание засчитывается только до

тела. Одежда не в счет. Игра до десяти касаний в твою сторону и до одного касания в мою.

И понеслось... Только и слышались, что звонкие шлепки по моему многострадальному лбу. А еще вдогонку им неслись подсечки, заламывания рук, тычки.

Мне хотелось выть от досады. Мне не было больно. Было обидно. Но, как бы я ни злилась, как бы ни пыталась увернуться — уйти от касания было невозможно. Он был быстрее, гибче меня, казалось, в сотни раз. Но он ведь старик! Как вообще такое возможно?

— Десять — ноль. Ты уже не слизень, ты муха после зимней спячки. Поздравляю! Скоро до черепахи прогрессируешь. Глядишь, лет через 100 что-то из тебя толковой и выйдет

Я лишь застонав упала на колени.

— Ну что я делаю не так?

— Негативные мысли сказываются на твоих действиях, на взаимоотношениях с окружающими. Накопление негативной энергии выплескивается в виде ослабления тела и, как следствие, различных болезнях. Поэтому, важно! Гони негативные мысли прочь, окружай себя добрыми помыслами и делами, наполняй свою душу положительными эмоциями. От эмоциональной стабильности зависит, насколько будет полноценна твоя жизнь. Так понятно?

— Да, Сенсей.

— Развивай духовность и эмоциональную гармонию. Анализируй себя, свои мысли, не допускай сомнений в своей душе и на своем пути.

— Я поняла, Сенсей.

Перед отбором и вручением конвертов, всех сегодня попросили зайти на собеседование к Виноградову. А ведь дядька он шараренный! С шарлатанами работает не первое десятилетие! Что-то стало как-то неуютно...

Через массивную деревянную дверь меня провели в кабинет, обставленный шикарной мебелью из редких пород, выполненной в классическом стиле. Вдоль стены расположены стеллажи библиотеки, манящие сотнями книг. Абажур с кистями давал мягкий, теплый свет и создавал уют. Присела к столу на солидное кожаное кресло. За столом из мореного дуба, покрытым зеленым сукном под стеклом, сидел седовласый мужчина за пятьдесят. Перед ним лежали бумаги и папки.

— Добрый вечер. — Ассистент протянула руку в сторону мужчины в приглашающем жесте. — Знакомьтесь. Эксперт-криминалист, психиатр судебной медицины, профессор Виноградов Михаил Викторович, проведет с вами небольшое тестирование.

— Здравствуйте, милая девушка, начнем со знакомства. Итак, Анна Котова? Все верно?

— Михаил Викторович, все верно, — кивнула в ответ.

— Вы знаете, найти настоящего экстрасенса — это большая удача. Я занимался отбором и поиском специалистов с паранормальными способностями почти сорок лет. Но на весь Советский Союз было всего человек тридцать. Поэтому никаких выводов я делать не буду и мнение свое высказывать тоже. Надеюсь, вы меня поймите и простите мне мои старческие заскоки.

Я в ответ лишь мягко понимающе улыбнулась и чуть кивнула.

Надо же! Практически сорок лет общаться с психами и остаться при этом нормальным. Достоинство уважения, безусловно. А ведь предо мной легендарный человек сидит. Ему в передаче отводилась какая-то совсем уж второстепенная и бросовая роль. Хотя, передача, безусловно, добавила ему узнаваемости.

— Расскажите немного о себе. Кто вы?

— Мои предки из древнего рода. Их история уходит глубоко в века. Матери всегда передавали секреты о нашем роде и его особенностях своим дочерям. Истории эти шли из уст в уста многие века. Поэтому выяснить до конца что является истиной, а что сказкой уже невозможно. Я последняя представительница своего рода. Рода скандинавских волков.

— Какими необычными способностями вы обладаете?

— С рождения у меня был обостренный слух и развитая интуиция. Всегда чувствовала изменения погоды и грядущие неприятности. С годами сила начала расти. Уже сейчас я могу многое рассказать о людях, а недавно, в день моего совершеннолетия провела семейный ритуал призыва моего тотемного волка. Теперь у меня есть защитник, который помогает найти истинный путь.

— Это интересно. А при чем здесь волки?

— По преданиям, мои предки, достигнув определенного уровня познания, умели обращаться в волков.

— Вы уже чувствуете в себе какое-то животное начало?

— Нет, разве что обостренное восприятие, — чуть улыбнулась, — я чувствую, что где-то пьют свежесваренный кофе, и, боюсь, у меня скоро завоет по-волчьи живот.

— Это серьезная угроза, — мужчина ответил спокойным, чуть безразличным тоном,

хотя в его глазах мелькали смешинки, — тогда приступим.

— Хорошо.

— Посмотрите на эти фигуры. — Виноградов привлек мое внимание.

Лист белой бумаги был разделен на четыре части, в трех ячейках изображены квадрат, круг, треугольник. Четвертый сектор был скрыт картоном со знаком вопроса.

— Какая из фигур сейчас появится вместо знака вопроса?

— Круг, — сказала быстрее, чем успела обдумать свой выбор. Ответ пришел сам из глубин подсознания. В любом случае я не помнила этой проверки в телевизоре, сравнить было не с чем.

Мужчина опустил картонку, закрывавшую четвертую ячейку, там действительно находился круг. Улыбаюсь. Повезло!

— Теперь сюда посмотрите. — Он поднял еще одну подобную табличку, но с цветными квадратами. — Какой из этих трех цветов повторится в пустой ячейке? Постарайтесь не задумываться.

На экране было расположено три квадрата красного, желтого и зеленого цветов. Четвертая ячейка пустовала, ее и предлагалось угадать.

Естественно, таких нюансов я не помнила. Полагаясь на свою интуицию, расслабилась и попыталась сосредоточиться на изображении. Круг мне пришел на ум сам собой. Из цветных квадратов я выбрала зеленый цвет. А в третьем подобном задании из цифрового ряда — восьмерку.

Фантастика. Но попадание три из трех! Я в шоке.

Виноградов мне улыбнулся.

— Вас что-то смущает? Вы не выглядите довольной, — у него на лбу пролегла складка.

— Что? Нет-нет, все хорошо. Я о вашей судьбе задумалась, — позволила себе чуть грустную улыбку.

— О моей? Как интересно! А со мной не поделитесь?

Пожала плечами.

— Вы же о своей личной жизни не распространяетесь, думаю и мне не стоит.

Мужчина слегка напрягся.

— Я был бы вам признателен. Даже если вы скажете то, чего и в помине нет. Не люблю сплетни.

— Не переживайте, Михаил Викторович. Что я могу сказать? Вижу я вас впервые, но ощущение, что мы давние приятели, которые не виделись много лет. Такое, как бы сказать... единение, наступает далеко не с каждым человеком. Все люди разные, у некоторых ауры вовсе отталкивающие, не то что заглядывать в них желания нет, хочется обходить десятой дорогой.

— В мою ауру, значит, заглянуть может кто угодно?

— Не могу ничего сказать о других. Для меня вы человек светлый. Мне близко то, что вы делаете. Для отечества вы сделали бесконечно много. И, думаю, многие, многие люди благодарны вам. Ваши серьезные научные работы, которых за всю жизнь и не счесть, вносят огромный вклад в развитие криминалистики. Вы очень разносторонняя личность, интересуетесь психологией, психиатрией, медициной, теперь вот изучаете сверхчувствительность у особенных людей. И это тоже очень важно. Чего только стоит ваша инициатива по созданию отряда для оказания экстренной помощи после стихийных бедствий и катастроф! Ведь эта бригада стала прообразом МЧС с вашей легкой руки. И этс

тысячи спасенных жизней. Или ваш труд "Анализ поведения маньяков и их действий".

— Очень интересно, вы словно готовились и изучали мою биографию, — было видно, что мужчина напряжен, происходящее ему не нравилось и испытание шло явно не по его сценарию.

— Кто я такая, чтобы запрещать вам так думать? — улыбнулась. Мне нравилось его смущать. — Не переживайте. Я не буду разглашать ваши тайны и секреты. Но и скромность вам не к лицу. Вы редкий специалист и ваше дело правое. Мне очень приятно познакомиться с вами лично. В будущем вы издадите еще не один научный труд. Ваши книги будут изучать в высших учебных заведениях, и они станут опорой многим молодым специалистам. Вы все делаете правильно.

— Что ж, Анна, спасибо за добрые слова, — он наконец-то расслабился, видимо, не услышав ничего провокационного под грифом «Совершенно секретно», — Мне тоже приятно познакомиться со столь юной и талантливой барышней. Ваше испытание закончено, можете проходить в зал ожидания.

— Подошла к концу третья неделя нашей битвы. И у меня в руках два конверта. На этой неделе мнения жюри разделились. И у нас два лучших экстрасенса. Это Наталья Носачева и второй человек... Анна Котова.

Аплодисменты.

В груди разлилась приятная нега. Сделан еще один шаг к заветной цели.

— И, к сожалению, в руках у меня еще один конверт. Он черного цвета. В нем человек, который покинет проект на этой неделе. И по мнению жюри, это... Кама Арефьева.

Женщина вскинула удивленный взгляд и затрясла головой.

Испытывала ли я злорадство? Отнюдь. Каждому воздается по заслугам.

— Вот она я, значит... — растерянная женщина пыталась подобрать слова. Она явно не ожидала такого решения.

— Ваше последнее слово, — по безэмоциональному лицу ведущего было непонятно его отношение к этой женщине.

— Ну, что хочу сказать, я благодарна всем...

Тут ее прервали на полуслове.

— Я прошу слова, — вперед вышла Алена. Ее яркая внешность и зычный голос каждый раз привлекали внимание, — Мне есть что сказать, мои дорогие... Меня позвали, и я уйду.

Поднялся гул. Женщина подняла руки, призывая не перебивать.

— Я вас всех люблю, и мы не расстаемся. У нас не может быть битвы и не может быть никакого конкурса. Нам нечего делить. Мы все здесь лучшие. Потому что никакие гонения и никакие репрессии не смогли сделать ничего с людьми, которые думают, чувствуют, живут иначе. Нам нечего делить. Мир всем. — Она свела вместе ладони и потрясла в воздухе. Улыбка ее показалась несколько горькой.

Помнится мне, она вернется в другом сезоне и победит, так что счастливого пути. Здесь и сейчас такая помощь, как ослабление конкуренции бесценна.

— Спасибо большое, — Алена всем улыбалась.

— Ну, значит, уйдем вдвоем, — подала голос Кама.

Резкий окрик ведущего унял гул.

— Алена, я так понимаю, вы хотите покинуть наш проект? — голос Пореченкова звучал несколько растерянно, но он быстро взял себя в руки.

— Так складываются обстоятельства.

— Тогда вы можете уйти вместо Камы. Потому что, к сожалению, покинуть проект может только один человек.

— Ну, если я кому-то могу сохранить пребывание здесь, пусть будет так.

Начались объятия, слезы, смех, бурные прощания и заверения в вечной дружбе. Бред.

Спускаясь по лестнице, я, как всегда шла, чуть в отдалении. Почему-то эти люди воспринимались отчужденно. Как прохожие, или как продавцы в магазине, вроде ты при встрече натягиваешь улыбку и киваешь им, но это совершенно ничего не значит.

А, может, подсознательно я чувствовала ту бездну, что незримо существовала между мной и людьми этого мира? По щелчку пальцев прошлая жизнь не забывается, да и все мое теперешнее существование — гонка на выживание. Черета вопросов и все без ответов. Справлюсь ли? Не ошибся ли посланник с выбором моей души? Есть ли смысл рвать жилы? Какое мне дело до всего человечества? Все равно рано или поздно мы все умрем...

Подошел Петр:

— Эй, серьезная девушка. Ты что там завоевание мира планируешь?

Не смогла сдержать улыбку.

— Молодой человек, вы, случайно, не экстрасенс? В корень зрите. Будете подавать патроны?

— Безусловно! Представляешь, сестре дали место в областной больнице! Подействовали угрозы! Мы больше, чем на стационар не рассчитывали. А место в центре — это полноценная реабилитация. У них, говорят, президентское шефство, всегда есть нужные лекарства. Мы всей семьей в шоке. Спасибо тебе, Ань! Я бы никогда не догадался так сделать! — И столько восхищения в глазах.

— Тебе спасибо, Петя. — Не хотелось показывать свои реальные эмоции, а они были написаны у меня на лице капс-локом. Развернулась и пошла на выход быстрым шагом.

Одна спасенная жизнь. Много это или пшик? Человечишки... так, перхоть вселенной. Естественный отбор и все такое. Бабы еще нарожают.

Все так. Но здесь и сейчас я понимала, что уже копчу это небо не зря. Знал бы Петя, как важна порой вот такая искренняя благодарность и поддержка. Как эта частичка позитива согревает заледеневшее сердце.

Я здесь. Я смогу. Я со всем справлюсь!

Домой ввалилась на одних волевых. Сейчас бы коньячку десять капель и в баньку! Промозглая ноябрьская погода выдувала всю душу. Да и ноги промокли. Фу. Мерзота. Впасть бы в спячку, да чтоб не беспокоили до весны.

— Анька! — Рита подлетела как ураган. — Где тебя носит? Мы уже ждать замучились!

— Так сегодня же снимали в особняке финал серии. Алена сама ушла, представляешь?

— Ого, ты говорила, она крутая. Ой, ладно... Давай скорее! Уже выходить пора, а ты как мокрая курица. Там что, дождь?

— Куда выходить? — я аж проснулась.

— Ты что? Сегодня у Сони день рождения. Мы идем в клуб! Все наши там уже. А я все тебя жду. Так и знала ты со своей Битвой все на свете забудешь.

— Кл-у-уб? — нет слов.

Что-то я себя в клубе дрыгающуюся в такт страбам и битам никак не представляла. Да и танцевать я давно разучилась.

— Ой всё. Не ссы. Платье я тебе приготовила. Подарок от нас двоих купила. Вперед.

Клуб «Черная каракатица» встретил нас долбежкой и жаром разгоряченных тел.

Произошла небольшая загвоздка на входе при досмотре. С незапамятных времен я носила в сумке газовый баллончик. И себе попросила купить, и девчонок заставила таскать с собой. Детально их проинструктировала, как пользоваться и на какое расстояние отбегать. Неадекватов вокруг хватает. Защита, конечно, ненадежная, но лучше, чем вовсе ничего.

Так вот, сучающий охранник так воодушевился, что минут пять меня мурыжил, чуть ли не срок годности выискивая, перед тем как забрать девайс в камеру хранения.

Ритка сразу побежала искать наших. Видимо, в этом клубе мы были нередкие гости. Я же, находясь возле стойки секьюрити, рассматривала прибывающий народ.

Молодежь вваливалась компаниями по три-пять человек. Взбудораженные, веселые, раздурянные. Не столь от легкого морозца, сколь от принятого «для настроения» за углом.

Помню, в студенчестве мы тоже так делали. Зачем переплачивать три цены в клубе, если можно в соседнем дворе на лавочке предаться культурным возлияниям, а попав на танцпол, сразу отдаться танцу? И ведь ничего такого не видели в данном процессе. Полуголодное студенческое прошлое, вечно веселые шумные кампании, главный закон которых: "не щелкай, иначе все веселье проспидишь".

Давно это было. Сейчас же я вновь стала часть этого. Но расслабиться и отдаться веселью в толпе незнакомых, шумных людей мне было непросто. За последние годы моя подозрительность сделалась настолько болезненно маниакальной, что я по старой привычке дергалась на каждого второго смотрящего на меня персонажа, всё тянуло их телефоном отсканировать. Чертыхалась, вспоминая, кто я теперь и где нахожусь. Но старые привычки, вбитые годами жизни "на грани", не так просто искоренить.

В годы обострения военных действий ввели принудительное чипирование, что-то типа удостоверения личности, вживленного в запястье. На самом деле, несмотря на вой защитников и поборников прав и свобод, было удобно. Как началось массово и бескомпромиссно, пошла да сделала. Это и все документы, и способ оплаты, и соцгарантии. Времена были ненадежные. Законов я не нарушала, а вот попасть в нехорошую ситуацию, в больницу или быть эвакуированной, «выйдя за хлебушком», в те года было как чихнуть. Поэтому тема «все свое ношу с собой», как никогда, играла красками.

Соответственно, сразу же появился и рой приложений-сканеров для гаджетов. Изначально, конечно же, только для органов власти, но в народ они "ушли" молниеносно. Можно было отсканировать любого встречного и получить на него полное досье, вплоть до того, какой тот посещал детский сад и вовремя ли колол манту.

Сморгнула, возвращаясь в здесь и сейчас. Музыка, молодость, верные друзья, нужно ловить эти моменты и запоминать, прятать глубоко в подкорку, чтобы спустя годы, доставать как выдержанное марочное вино, пить по глотку и смаковать, как это было.

— Нельзя тебя оставить! Давай уже раздевайся, на мой номерок повесим, места в гардеробе нет. Ну что ты такая вареная? Тебе срочно надо штрафную выпить.

— С днем рождения, Сонь! Дай за уши подержаю? — я улыбалась.

Меня уже тащили на буксире в сторону наших. Два сдвинутых стола, батарея стаканов, фужеров и остатки загрызенной насмерть закуски меня повеселили. Опоздали мы всего на полчаса, а веселье уже перешло на танцпол. Настоящие студенты!

Подозвав официанта, заказала еще пиццу, закуску и легкого спиртного. Собирать подружку по туалетам или волочить на себе до дома в мои планы не входило. Настроение начинало налаживаться.

Сидела, ела виноград, даже головой в такт покачивала. Такая песенка классная. Помню ее! Блин, а ведь здорово. Когда я вообще в последний раз куда-то выбиралась? Может и правда пойти подрыгаться?

— Аня! — Рита с размаха плюхнулась на соседний стул и заорала мне в ухо, стараясь перекричать музыку. — Такая песня классная. Хватит жрать, пошли потанцуем! О! Винишко! Давай за Соньку!

Чокнулись, сделали пару глотков.

Ритка сбежала «пудрить носик», мне же никак не удавалось решиться. Как же эту старперскую дурь из себя выбить? Надо идти! Резко встала, пока вновь не передумала. Кому до меня какое дело?

— Анюта, ты ли это? — ухо опалило горячим шепотом, а открытые плечи крепко сжали крепкие мужские ладони.

Дернулась, но тщетно.

— Не сбежишь, цыпленочек.

Я резко обернулась. Да это ж тот мажор из института. Как его зовут-то? Опять забыла.

— Чего тебе? — вывернулась и встала напротив, скрестив руки на груди.

Настроения и так не было, теперь оно и вовсе катилось в бездну.

— Ух, какая ты горячая, Анечка. Что у тебя там? Винишко? Может, тебя чем повкуснее угостить? Коктейльчик хочешь? О! Ты пробовала абсент? Его поджигают и пьют. Пошли, я угощаю. Или потанцуем?

Молча развернулась и, стараясь не получить локтем в лоб от танцующих, принялась пробираться сквозь бьющуюся в экстазе толпу. Где же все наши? Парень двигался следом. Да, блин! Жалко, что баллончик пришлось сдать. Может, через силу бы дошло! Обойдя по кругу танцпол, девчонок так и не увидела. Может, они внизу? Двинула к лестнице. Похоже, вечер закончен. Этот точно прохода не даст. Надо делать ноги. Еще конфликта с мажористым малолеткой мне не хватало.

У гардероба тихо выругавшись вспомнила, что номерок-то у Риты. А та, кажется, в туалет пошла?

В дамской комнате очередь.

— Рит, ты здесь? — позвала подружку.

Дверь ближайшей кабинки распахнулась, и меня втянули внутрь. Рита там была еще и не одна! С ней незнакомая мне девушка.

— Дурдом. — закатила глаза. — Принеси мне сюда мою куртку. Я уйти хочу.

— Что-о-о? Нет, Аня! Ты что? Ты вообще нигде не бываешь! Никуда не пойдешь!

— Да там гамадрил этот. Он не даст мне ни отдохнуть, ни повеселиться. Схватил — еле вырвалась.

— Кто-о-о? — девушки произнесли хором. Их глаза распахнуты, а губы вытянуты буквой О. И так мне смешно стало смотреть на эти две рожицы, что напряжение спало.

— Конь в пальто. Парень из института, на синей Subaru ездит.

— Кирилл, что ли? Он здесь? — незнакомая мне девушка оживилась и обрадованно засобиравшись на выход.

Рита нахмурилась.

Мы остались вдвоем.

— Ань. Ну, он дурак, конечно, но он так давно тебя задирает. Мне кажется, ты ему правда нравишься. Так-то парень вроде неплохой, когда его не кроет. Когда нравятся мальчикам девочки, а они не знают, как подкатить, то за косичку дергают. И цветы он тогда какие купил. Зря ты их выкинула. У нас с Сонькой они потом целую неделю простояли. Так пахли...

— Блин, Рит! Ты трезвая вообще? Какой Кирилл? У меня шоу, канал наш, съемки. Планы наши. Проснись! Там разве есть место кому бы то ни было? Тем более этому, со спермотоксикозом.

— Ань, у него папа очень влиятельный. Ну не будь душой. Поможет тебе с твоими проблемами. Думаешь, эти риелторы так просто отвяжутся?

Меня словно ушатом ледяной воды окатило. Сразу и труп вспомнился и подвешенный дамоклов меч. Громко сглотнула.

— Я сама что-нибудь придумаю. Иди давай за курткой!

Рита посмотрела на меня осуждающе, но вышла.

Я подошла к умывальнику, сполоснула руки, промокнула щеки влажными, прохладными ладонями. Хороша, да уж. Щеки покраснелись, глаза горят. Не можешь ты, Анна Владимировна, спокойно даже на дискотеку сходить. Не человек — приключение.

Где там уже подруженька эта? Минут пять точно прошло? Выглянула украдкой в фойе.

Ритка стояла и что-то усиленно втирала Кириллу, активно при этом жестикулируя. У меня сорвало крышу. Как ни крути. Молодость, гормоны. Не знаю, что мной двигало.

— Что здесь происходит? — мой голос негромкий, но звенел металлом, они оба меня прекрасно слышали.

Петушина веселость парня тут же спала, он посмотрел на меня внимательно и заинтересованно.

Прикрыла глаза в попытке успокоиться.

— Рита! Что ты ему наговорила?

— Я все ему рассказала. Пусть поможет, Ань! Что ты как дура? Ты хочешь, чтобы тебе бошку пробили, когда будешь с работы возвращаться?

— Так, котятки, идите-ка вы плясать и веселиться. В мою жизнь не лезьте. Оба. А с тобой, — указала пальцем на Риту, — дома поговорим.

Взяла куртку из рук девушки и вышла на улицу. Эмоции клокотали и били через край. Так и хотелось кого-то подубасить и весь этот коктейль выплеснуть.

— Ань? — Кирилл догнал меня, натягивая куртку. — Ну, че ты, а? Давай отвезу. Ночь же. Я не буду приставать, обещаю. Я все равно тебя одну не отпущу. — Парень поджал губы и набычился.

Как двинула бы, честное слово. Да жаль холеную мордашку портить, да и вижу товарища второй раз в жизни. А этой вертихвостке надо срочно хвост накрутить. Вроде проводила с ними профилактическую беседу. Но, похоже, в одно ухо влетело, в другое вылетело.

В салоне играла тихая музыка. Кирилл вел машину плавно. Не дергал ручник на поворотах, и не стартовал с пробуксовкой. Я, если честно, изначально садиться к такому водителю несколько опасалась, но гордо уходить в ночь пешком было еще глупее.

Отвернувшись в окно, рассматривала краски ночного города, отражающиеся в лужах.

Оба молчали.

Вспомнилось, что был у меня один одноклассник, такого же примерно возраста и склада характера. Безобразнейшим образом водил восьмерку, тонированную по периметру «суперблеком» так, что вечером было не видно ничего даже изнутри, а тормоза в ней отсутствовали в принципе. Тормозил он и поворачивал исключительно ручником. Хотя тогда, почему-то, было совершенно нестрашно. Катались всей гурьбой, пища от восторга.

Мои мысли прервал голос парня:

— А ты правда можешь загипнотизировать и своей марионеткой сделать?

Молча повернулась к говорящему. Главное — не заржать.

— Хочешь проверить?

— Нет, я просто... Интересно. Ты никогда не говорила...

— Мне помнится, мы никогда и не разговаривали. Кирилл, не вздумай глупости творить и отца своего сюда приплетать. У меня нет проблем. А с рабочими моментами я справлюсь сама.

Парень недовольно засопел.

— Ты меня услышал?

Молчит.

— Кирилл?

— Мы приехали. Спокойной ночи, Аня. — его голос холоден и спокоен. Явно что-то задумал.

Понятно. Еще одной проблемой у меня стало больше. Спасибо, подруженька...

Утром нас привезли в старую часть города. Дома здесь, по большей части, были четырех — шестиэтажные, а то и вовсе бараки. Пока мне было непонятно, что за испытание меня ждет впереди. Незнание и остринка опасности будоражили мысли и обостряли чувства.

Жеребьевка прошла штатно. Моя очередь заходить выпала на второй номер. Ничем особенным я это не посчитала. Приготовилась к недолгому, но от этого не менее томительному ожиданию.

Достала книгу по гипнозу, которую забрала еще осенью у профессора. Руки ну никак до нее не доходили.

Книга была написана сухо и по-научному лаконично. Как наглядное пособие или учебник бывалым, может, она и была полезна. Но как введение в предмет, совершенно не годилась. Половины терминов я не понимала. А обилие информации вовсе смешивалось в уравнение с десятками неизвестных.

«Под гипнозом человек находится в глубокой релаксации. В этом состоянии можно изменять мышление, поведение и даже физические функции организма...»

Последняя мысль заинтересовала и напугала одновременно. Получается, при должной сноровке я смогу остановить человеку сердце? Жуть!

«Человек не теряет контроля над собой и не становится марионеткой в руках гипнотизера. Он всегда может прервать сеанс...»

В таком случае, получается, что я обладаю *не* гипнозом? Ведь тот мужчина не мог прервать моего воздействия. Или та женщина на отборе на битву. Одни вопросы и все без ответов...

«Гипноз может быть опасен в неправильных руках, если гипнотизер использует его для манипулирования и контроля над человеком без его согласия. Это может привести к нарушению личной свободы, насилию и злоупотреблению властью.»

Или все же обычный гипноз? Но почему мои способности столь избирательны? То работают, то нет. Лишь в экстренных ситуациях мне удастся зацепить крохи силы. Словно организм бросает все резервы на спасение моей тщедушной душонки.

«Стать марионеткой в руках гипнотизера означает потерять контроль над своими мыслями, поведением и действиями, потому что его воля и логика находятся в подчинении гипнотизера. Но важно отметить, что это чрезвычайно редкое явление...»

— Ань, ты следующая. — Прервал мои мысли голос ассистента.

— Почему? Все уже? Так быстро? Я даже книжку не успела открыть.

— Да там кто первый шел, споткнулся и ногу поранил. Медик пока работает.

— Ах-ах! Решили, что потусторонние силы и сглаз, а меня вперед пустить не жалко? — смеюсь. — Круто. Я готова.

— Сейчас вы войдете в эту комнату. Ваше испытание будет проходить внутри.

Киваю и захожу. Хочу осмотреться, но отвлекает голос из большой колонки на стене.

— Здравствуйте, — слышится механический голос.

— Здравствуйте, — осматриваюсь, в комнате никого.

Кручу головой по сторонам. Странные рисунки на стенах в оранжево-коричневой гамме, книжные полки с различным наполнением: старые книги, различные статуэтки,

прочий житейский хлам. Раскрашенные разводами пол и потолок с рисунками в стиле хиппи. Вдоль одной из стен стоит диван.

Комната небольшая и в ней нет окон. Воздух от этого кажется спертым. Атмосфера неуютная, хотя понятно, что комната жилая. Еще и оператор с камерой путается под ногами.

Смотрю в объектив камеры. Оператор, как всегда, сдержан и сосредоточен.

Вновь раздается голос из динамика.

— Проводить ваше испытание буду я. Обратите внимание, на диване лежат три фотографии. Скажите, что связывает этих людей?

Перевожу взгляд и вижу на обивке сиденья три черно-белых снимка. Присаживаюсь, беру в руки фото. На них изображены три женщины. Меня передергивает от узнавания лиц на фото.

Кажется, я знаю, о чем эта загадка. Выдыхаю. Вожу над фотографиями рукой, вглядываюсь в лица изображенных на них девушек.

— Есть связь между этими девушками. Родственная. А еще есть неправильность какая-то. Вот эта похожа на мальчика, но не она, откладывая одно из фото в сторону. Эти не родственники, но у них как будто отношения, — на фото две молодые девушки, — так странно, — хмурюсь и раскачиваюсь взад-вперед, — неправильно, здесь все неправильно. Имя идет мужское. На О. Олег? Как будто какие-то внутренние метания, сомнения, неприятие себя идет. Может, даже склонность к суициду. Но обе девушки живы.

В комнату заходит мужчина. Невысокого роста. Длинные русые волосы до плеч, редкая борода. Свободные одежды, видно, что он босиком.

Смотрю пристально ему в глаза какое-то время. Он садится рядом на диван.

Взгляда я от него не отвожу.

— Это вы, — произношу я изумленно, протягивая фото, — ваша энергетика.

— Да, вы абсолютно правы, — произносит мужчина. — Двадцать пять лет назад я сделал операцию по перемене пола. Я родился и всегда ощущал себя мальчиком в теле девочки. И вы правы, меня зовут Олег. На двух других фото моя мать и моя любимая женщина. Вы все верно ответили.

— Понимаю, — произношу тихо, — а я смотрю, такая буря чувств, сомнения.

— И мысли о суициде тоже были... Но, слава богу, все закончилось хорошо. Я первый человек в России, кто сделал такую операцию. И еще я женат тринадцать лет, и мы счастливы в браке.

Смотрю на него недоверчиво, но никак это не комментирую.

Выхожу из квартиры в смятении. Понимаю, конечно, что отклонения в психике бывают разные, да и чего только люди не вобьют себе в голову. Каждый с ума сходит по-своему, и это его личный выбор и его жизнь. Но каково это, я предпочла бы не знать.

На лестничной площадке меня ослепляет очередная камера.

— Скажите пару слов, что вы увидели и почувствовали.

Злюсь, но отвечать надо. Это работа.

— Я, если честно, сейчас не совсем в состоянии. Погрузилась в это всё. Этот человек всю жизнь мучается и преодолевает не только людские предрассудки, но и себя. Мягко скажем, я никому бы не пожелала очутиться на его месте.

Бр-р-р. Прочь отсюда. Домой. Все эти испытания что-то у меня уже в печенках сидят. Понимаю, что путь мой идет через тернии и никак не может быть увеселительной прогулкой, но смириться со всем этим балаганом пока не получается.

Уже когда мы расселись в автобусе по своим местам, менеджер, ехавшая с нами, объявила, что мы заедем в бухгалтерию.

С одной стороны автобуса раздался протяжный стон, с другой радостное гиканье. Неужели первая зарплата? Повод для веселья вполне солидный!

Петр, который подсел ко мне на обратном пути уже как само собой, был крайне воодушевлен и в предвкушении не мог спокойно усидеть на месте. Какой же он все-таки ребенок. Зато я — дикая хмурая девочка. Не получится сделать карьеру экстрасенса, думаю, с руками оторвут в индустрии фильмов ужасов. Буду ходить, на меня будут сыпаться пауки, скелеты и прочие монстры. А я никак на них не буду реагировать. Идеально.

Нас привезли в то же здание, где мы подписывали контракты. Ознакомили с трудовыми договорами, попросили написать заявление о приеме на работу задним числом. Поулыбалась, подумав о том, как сейчас все легко и просто, не то что в будущем. Никаких тебе сто-пятьсот отчетов при принятии или увольнении день в день. Пенсионный, налоговая, статистика — три разных государства, никак не пересекающихся, лишь перетягивающих одеяло каждый на себя. Раздолье для махинаций, зато и бизнес дышит полной грудью. Экономика прет дуром.

Прочитала договор, не сдержав смешок. Теперь я актриса разговорного жанра канала ТНТ. Вот это запись с трудовой! Вот это повод для гордости. Жаль, что мне не настоящие восемнадцать, вон как коллеги кичатся, надувшись от гордости и покрасневшись. Даже обидно, что мне никак.

Надо срочно что-то делать со своим депрессняком. Не могу отвыкнуть от серой беспросветной обыденности будущего. Ничто не пугает, ничто не радует.

А ведь жизнь слишком скоротечна. Нельзя терять ни минуты! Такая атмосфера сейчас насыщенная, мирная, душевная. Бери и впитывай. Рисуи планы крупными яркими мазками, вдыхай ароматы перспектив, дыши уверенностью в завтрашнем дне. Ведь это прекрасно. Жизнь прекрасна. Я жива. Я молода. У меня великое будущее. Я нужна многим. Нужна всем людям на этой планете. У меня все получится.

Я наконец зажмурилась и довольно улыбнулась.

Я актриса разговорного жанра, и это звучит гордо! Девчонкам точно понравится! Домой надо идти через магазин вкусняшек.

Следующее испытание вновь проводила вновь Лера Кудрявцева. Улыбалась она, конечно, профессионально. Кажется, что улыбка не сходит с ее губ ни днем, ни ночью, в солнце и в дождь, летом и зимой. И, надо отдать должное, улыбка у нее доброжелательная и открытая. Никогда не чувствуешь подвоха или натянутости.

Вот и сейчас стою и радуюсь ей как родной.

Она подходит, сжимает мое предплечье и заговорщицки говорит так, чтобы никто не слышал.

— Второй этаж выбирай.

Вот это да! Стою как громом пораженная. Хотя я еще не поняла, что за испытание ждет впереди. Стоим во дворе обычной панельной пятиэтажки. Но вот так просто и подсказка? Даже не могу объяснить, что меня так поразило. Сам факт подтасовки, или что слила информацию сама ведущая.

Нет слов! Да чем, собственно, я так возмущена? Нет бы радоваться и спасибо говорить.

Видимо, настолько я обескуражена, что весь спектр эмоций отражен на моем лице. Лера усмехается и уже громче более открыто говорит:

— Ты одна мою машину отыскала. И вещи про меня говорила такие, которые не знает никто. Ты меня просто поразила в самое сердце. Искренне желаю тебе победы, — улыбка ее становится загадочной и несколько мечтательной.

— Спасибо, Лер, — говорю спокойно и с мягкой улыбкой, — ты тоже чудесный человек и работать с тобой приятно. Я рада, что сегодня вновь ты ведешь наше испытание.

Возле подъезда началось движение, и Лера поспешила на первый проход вместе с Натальей Воротниковой.

Помнится мне, она-то в «прошлой» жизни и заняла первое место. Интересно, где вообще я нахожусь? Параллельная реальность, которых великое множество? Хотя кому они нужны? Прошлое моего мира? Тогда почему я не в своем теле, а в этом? Одни вопросы.

Зачем я здесь? Неужели кто-то всерьез ожидает от маленького винтика глобальных перемен в истории? Или они планируют отматывать и прокручивать сюжеты вновь и вновь, внося столь незначительные колебания на уровне грязи под ногтями, пока не сработает?

А, может, таится в моем теле сила небывалая? Но стоит мне совершить один неловкий шаг в неверную сторону, и все пропало. Тот же Сенсей оговорился, что свое испытание он провалил.

А если я свое провалю? Что тогда?

Не успеваю докрутить столь глубокую мысль, как меня выдергивает из дум ассистент, подгоняя к подъезду.

— Ань, ну не спи, твоя очередь, я же предупреждала. Вечно разбредетесь, ходи вас лови. Словно нравится вам тут торчать по полдня, — невысокая, плотно сбитая шатенка в ярко-розовом пуховичке явно сегодня была не в духе.

— Снова Михалыч лютует?

— Не то слово! В квартирах и так не развернешься с камерой, еще и хламовники такие. Фу. Просили же убрать все крупногабаритное их комнат, где съемки будут идти. Так нет. Будто наоборот барахло свое на показ выставили.

— Да ладно тебе, дыши глубже, не тебе же там с хлопушкой прыгать.

— Бог миловал! Ты че как, кстати? Сегодня мне погадаешь? Сил у тебя не прибавилось? — и она мне озорно подмигнула.

Гадания были моей головной болью. У кого более-менее получалось хоть что-то на испытаниях, тех осаждала съемочная группа, свидетели испытания, словом, все кому не лень. И вот тут я давала серьезную просадку. Отнекивалась, говоря, что мне нужно сосредоточиться на предстоящем испытании, что применение экстрасенсорных способностей вытягивает множество сил, и прочую загадочную чушь.

А ведь ожидания своей очереди в съемке тянулись порой по полдня. Это и выматывало больше всего.

— Жанна, нельзя судьбу свою узнавать. Иначе не сбудется! Хватит страдать ерундой, все у тебя будет хорошо. Веди уже.

На площадке первого этажа каким-то невероятным магическим способом уместились двое хмурых операторов и Лера.

Та как ни в чем не бывало давила улыбку и ждала только меня. Мне прикрепили микрофон, поправили прическу, прошлись пуховкой и пожелали удачи.

Включилась подсветка на камере, и та сыто заурчала, начиная запись.

— Здравствуйте. Сегодня мы находимся в доме, в котором продаются две квартиры. Одна на втором этаже, другая на третьем. Совершенно идентичные. Одну из квартир я хочу купить для себя. Расскажите, пожалуйста, в какой энергетика лучше и жизнь моя будет комфортнее.

— Хорошо, я вас поняла.

— С какой начнем?

— Пожалуй, начать нам стоит сверху и затем спуститься на второй.

— Неожиданно. Пойдемте!

Один из операторов убежал вверх по лестнице и попросил нас дважды пройти по лестничному маршу.

Дверь нужной квартиры стояла нараспашку. Встречала нас женщина пенсионного возраста в простой домашней одежде.

В который раз ухмыльнулась. По какому, интересно, принципу отбирают героев для программ? Или им специально запретили наряжаться, мол, чем ближе к народу, тем достовернее. Скажи моей маме в прошлой жизни, что ее по телику покажут... Даже представить страшно, во что вылились бы приготовления к такому знаменательному событию. А уж отсутствие соседей, выглядывающих из всех квартир и вовсе удивляет.

— Здравствуйте, — разлилась патокой хозяйка квартиры. — Проходите, пожалуйста.

Прежде чем шагнуть внутрь, я бегло осмотрелась. Видно, что скручен и убран ковер, вон там вмятины в линолеуме, мебель какая-то стояла. Хозяева явно готовились, зря наговаривают. Разве ж это вина русского человека в том, что строят клетушки, в которых не развернешься?

В целом обычная жилая квартира. Вышивка в тонкой рамке на стене, покосившаяся дверца платяного шкафа, в стенке рядом прислоненные к вазочкам и книгам старые фото. Вальяжно развалившийся и в упор не реагирующий на происходящее толстенный пестрый котяра.

Запах старых книг и вещей. Ну и, может, легкая нотка киснувшей на балконе капусты.

— Вы же не собираетесь квартиру продавать, — я строго посмотрела на хозяйку.

Та замаялась, кинула быстрый взгляд на ведущую.

Та лишь мягко улыбнулась и поспешила сгладить обстановку:

— Анна, вы просто выберете квартиру, в которой энергетика лучше.

Кивнула и прошла на кухню. Все осмотрела и повернулась к хозяйке.

— Раз в месяц ставьте на пол в кухне блюдце молока и корочку хлеба и просите у Домового защиты. Он обязательно придет туда, где привечают и ждут. У вас неплохая квартира, но защита никуда не годится. Любая негативная энергетика просачивается и остается здесь. Поэтому и маятно у вас, и у вашего сына на душе, тоже. — выделяю последние слова голосом и многозначительно смотрю на женщину.

Та подобралась.

— Пить он не бросит, до тех пор пока вы это спонсируете. Либо вы его выгоняете и больше не «спасаете», и он пусть сложно, но живет и выживает. Либо до смерти строите из себя жертву, самолично раздавая деньги соседям и погашая его долги. И тут же причитая и выпрашивая жалость. Как вам жить, страдать или быть счастливой, выбираете только вы. Хотите быть жертвой, но потерять сына — не останавливайтесь.

Развернулась и пошла на выход.

От моего пронзительного монолога несколько оторопели все. Нет, я не видела в

передаче ни про какого сына-алкаша. Но по ряду пустых бутылок за диваном вывод сделать было несложно. Сама женщина пьянчужкой не выглядела, жила при этом достаточно скромно. Ошибиться я не боялась. Не сын, так муж, или какой другой родственник мужского пола, о чем говорили имеющиеся в квартире мужские вещи.

Родственникам таких страдалиц могут только посочувствовать, строят из себя невинных жертв, жалуются на пропойцу на каждом углу. Сами же при этом абьюзят и задалбывают бедолаг сыновей, мужей, отцов до такого состояния, что тем в пору в петлю лезть. Что там бутылка... При этом совершенно не хотят осознавать, что это они самолично и собственноручно творят с родственником подобное. Спонсируя и, по сути, никак не препятствуя процессу.

Спустившись на этаж ниже, встала как вкопанная на пороге, подняла растопыренную руку перед собой и замерла.

В квартире и подъезде стояла тишина. Лишь слышалось, как где-то на верхних этажах в квартире плачет навзрыд ребенок.

— Здесь весь подъезд пропитан негативом. Грязь, — я стряхнула рукой, — разврат, смерти.

Шагнула в квартиру и, потеснив счастливых обладателей, быстро пошла в направлении кухни. Встав в центре, развернулась к проему двери, дождалась, когда оператор займет удобную позицию, и начала свое соло-представление.

— Не так давно... Года два-три, — я поморщилась, — мерзость. Фу-у-ух...

Сделала продолжительный выдох, опуская голову, словно собираясь с духом.

— Здесь был притон. Постоянные крики, пьяные драки... — чуть запнулась, на миг задумавшись, переименовали уже или еще нет? — милицию вызывали неоднократно, — решила не рисковать. — Убийца здесь, — хватаюсь за горло, — душат... за волосы... бьют.

Замолчала, разглядывая свои руки и выдерживая паузу.

— Убили их не здесь. В ванной. Утопили. И дым... не понимаю. Вода и дым, как это? — спрашиваю наконец подошедших хозяев.

Отвечает мне Лера:

— Вы все говорите правильно. Два с половиной года назад здесь был бордель. Двух девушек задушили и утопили в ванной. А квартиру потом хотели сжечь, чтобы спрятать следы. Но соседи вовремя подсуетились.

— Понятно. Думаю, мы здесь закончили. Мы можем выйти на улицу? Мне плохо.

Плохо мне на самом деле стало — от духоты и тесноты. А еще от предвкушающих взглядов хозяев, порывающихся начать задавать неудобные вопросы.

Уже стоя на улице и глубоко вдыхая морозный воздух, дождались все съемочную группу и продолжили.

— Лера, я вам вообще не советую покупать квартиру в этом доме. Здесь все пропитано аурой насильственных смертей. А хуже этого сложно представить. Жители здесь не только не знают покоя и отдыха в собственном доме, эта энергетика оказывает негативное влияние и на их повседневность. Возможно, если найти хорошего батюшку и здесь все освятить... — я демонстративно осмотрела дом и вновь поморщилась, — но это такое... Батюшка должен быть... — покрутила рукой, — настоящим.

На этом мое испытание закончилось, и я пошла в автобус.

Утро вторника выдалось сырым и промозглым. Сезоны до сих пор не могли определить главенство между собой. Осень не давала зиме уверенно обосноваться, швыряясь то ветром, то ледяным дождем.

Испытание сегодня тоже не радовало позитивом. Нас привезли в тюрьму. Небо хмурилось. Тяжелые, свинцовые тучи того и гляди должны были рассыпаться тысячами ледяных осколков. Угрюмая погода добавляла гнетущей атмосферы.

Нас всех вывели из автобуса и сейчас мы стояли возле проходной, рассматривая километры высоких заборов, щедро украшенных колючей проволокой и табличками "Под напряжением".

Решили первым делом отснять вступительную речь. Пореченков в рубашке и легком пальто еще недавно постукивающий зубами от ледяного ветра, в кадре выглядел расслабленным и всем довольным. Такой профессионализм внушал уважение.

— Многие утверждают, что у каждого человека есть своя особая аура. И человек со сверхъестественными способностями способен ее увидеть. Для наших экстрасенсов сегодняшнее задание должно оказаться довольно простым...

Мои коллеги тоже довольными не выглядели. Понятно, что от суммы и от тюрьмы зарекаться не стоит, но и погружаться с головой с чужие грехи, коих в данном заведении хватает с избытком — удовольствие сомнительное.

Наконец пришла моя очередь и я узнала какая проверка нас сегодня ждала.

— Перед вами шестеро мужчин. Пятеро из них впервые переступили порог тюрьмы. Они никогда не были судимы и ни в чем не провинились перед законом. А один — реальный преступник, отсидевший два с половиной года. Вот чётки, которые были с ним на протяжении всего этого времени. И вот в запечатанном конверте его фотография. Распечатывать нельзя.

Улыбнулась лишь уголками губ на его попытки меня расшевелить. Но нет. Я девочка-ледышка. У меня образ.

— Разговаривать нельзя, в камеры заходить можно, — ведущий продолжал озвучивать задание, — трогать тоже можно, если нужно, — он хохотнул за моей спиной. — Осужденного зовут Алексей.

Атмосфера тюрьмы угнетала. Нет, конечно, никаких низких, давящих потолков или обшарпанных стен. Все вполне прилично. Мне кажется стены даже были свежее выкрашены перед съемками, а все лишнее вынесено прочь.

Толстые, бронированные двери сейчас были распахнуты настежь. А мы стояли в коридоре, вдоль которого шли камеры. Заглянула в одну. Просторное, практически пустое пространство: стол с лавками, как я поняла, вмонтированными в пол. Сбитые деревянные нары или что-то похожее на широкую лавку. На них сидел мужчина. Лысый и угрюмый.

Черт. Меня напрягала не обстановка. Я не видела этого испытания по телевизору! А если и видела, то забыла.

Здесь должна начать звучать похоронная музыка. Достопочтенная публика мне не простит очередного столь фееричного провала.

Походила по коридору взад и вперед, позаглядывая в комнаты. Заходить внутрь совершенно не хотелось.

Попробовала закрыть глаза и призвать свой капризный дар. Но сопение Пореченкова и оператора над ухом сильно отвлекало. Надо что-то говорить...

— Очень тяжело определиться. Все из мужчин в той или иной степени когда-либо совершали, пусть незначительные, но проступки. Вплоть до кражи яблок в соседском огороде. Этот же мужчина, — я показала запечатанный конверт, — не виноват. Его оклеветали. Да и обстановка здесь сбивает. Страдания, рассказывание, даже смерти — это все отвлекает. Я не могу его обнаружить. Пусть мой ответ будет: вот этот человек.

Тяжко вздохнула и указала своим миниатюрным пальчиком в сторону третьей камеры.

— Давайте зайдем в камеру, — ведущий вошел первым и начал задавать мужчине вопросы. — Как вас зовут?

— Олег.

— Вы нарушали закон?

— Нет.

— Находились в заключении?

— Нет, никогда.

— Ну и чудесно, — констатировала я.

Мы вышли назад в коридор.

— Вы хотите увидеть того, кто действительно был осужден за преступление? — Я кивнула. — Итак, прошу вас, бывший осужденный, выйдите, пожалуйста.

Из второй камеры вышел мужчина в светлом свитере. Я перевела взгляд на Пореченкова.

— Ваше задание составлено некорректно. Этот мужчина не виноват, его предали, — сказала это громко и четко и с важным видом пошла на выход.

Пусть думают, что хотят, но последнее слово останется за мной.

Наученная горьким опытом, на встречу с новыми потенциальными покупателями квартиры я отправляюсь под ручку с Сенсеем. Не знаю, что у него с чувствительностью, но по улице он ходит все в том же своем белоснежном кимоно, как и всегда. Поддевает ли он под низ термобелье — сие тайна для меня великая. Но на улице уже ощутимо примораживает. Мне в утепленном пальто было вовсе не жарко. Пока ждали такси свои озябшие в перчатках руки я устала отогревать дыханием. Сенсей же — конченный отморозок — стоял на ноябрьском ветру с выражением полного умиротворения на лице, словно он на горе Фудзияма вдыхает аромат сакуры по весне.

Живу с психом! Кому расскажи — не поверят...

Как говорится, однажды обжегшись, дуешь на воду. Вот и я, стоя в своем старом доме в ожидании лифта, как последняя ошипанная болонка перед стрижкой, нервно постукивала коленками в такт зубам. Мне чудились то выбегающие огромные мужики с лестничного марша, вместо шаркающей соседки-старушки. То все еще валяющийся в углу труп, вместо нагромождения санок и велосипедов. Словом, нервишки надо лечить.

Сенсей был невозмутим. И что я его такого непробиваемого вообще с собой взяла? Да ему, похоже, до меня и моих проблем и дела нет! С чего я решила, что он за меня и мои пожитки будет жизнью рисковать? Может, вообще все это заговор и Сенсей в доле...

Ну да, ну да... Чего я себе только не надумала, пока мы поднимались на мой этаж. Да я просто профи по накручиванию магического бреда на сказочный идиотизм!

А на площадке наш ждали...

Молодая, не меньше меня нервничающая пара и мужчина за пятьдесят. Девушка была глубоко беременна и при всей хрупкости своей фигуры как-то нереально огромна. Надеюсь, она прямо здесь не родит?

Парень выглядел несколько дергано и затюканно. Казалось, будто это он держался за девушку, а не наоборот. Мужчина выглядел уставшим и безразличным ко всему этому цирку. Было видно, что перед нами обычные люди со своими проблемами и заморочками.

Поэтому даже появление Сенсея фурора не произвело. Разве что парень немного напрягся.

Меня это развеселило и немного взбодрило.

— Здравствуйте. Вы квартиру посмотреть? — постаралась произнести как можно дружелюбнее. Хочу уже продать это будь-оно-неладное наследство и забыть, как страшный сон.

— Здравствуйте, — девушка храбро протянула мне свою ледяную лапку. — Да. Нам срочно нужна квартира, ну, вы понимаете, — она скосила вниз глаза и протяжно вздохнула.

— Да-да, конечно, — я суетливо начала шуметь ключами в поисках замочной скважины. Дурацкая система, так и не успела натренироваться. Отец Ани, судя по всему, был большой затейник — найти замок, не подходящий к двери, и установить его вверх ногами. Хотя, вероятно, это было и неплохое умение в реалиях дефицита девяностых.

— Проходите, — с облегчением выдохнула, когда дверь наконец поддалась, — не разувайтесь, квартира нежилая.

Покупатели квартиру и не смотрели толком. Я была возмущена и насторожена. Ну как так-то? Вам здесь жить, а не родить поскорее и на этом отмучиться.

Или... подозрительно сощурилась, я сильно продешевила с ценой? В чем подвох?

Наконец мужчина развеял мои сомнения:

— Дело в том, что я живу в соседнем доме. Долго искали квартиру, чтобы была рядом, столько вариантов перебрали, да все не то. А теперь будет удобно быстренько сделать здесь ремонт, пока Светочка в роддоме. Ожидаем мы бойцов со дня на день.

— Так у вас двойня? — вытаращилась на ее необъятный живот.

— Тройня, — слабо улыбнулся и впервые подал голос парень.

Ну ей-богу, ему только флажка обвислого в лапках не хватает. Проще добить, честное слово. Бедолага. Видать, весь в предвкушении.

— Вот это да! Поздравляю!

На этой радостной ноте, решив не затягивать, сразу решили поехать за деньгами, а потом и в юстицию.

***** ВСТАВКА ОТ 29.03.2023 *****

Чтобы хоть как-то успокоить совесть и паранойю, оставила будущих хозяев на попечение Сенсея, а сама быстренько побежала к соседке.

Не успела еще и пальцем коснуться звонка, как дверь распахнулась. На пороге стояла невысокая женщина чуть за пятьдесят, румяная, кудрявая и очень чем-то довольная.

— Анечка! Наконец-то!

И не успела я сообразить что к чему, меня уже втянули в нутро соседской квартиры.

— Ты не представляешь! Что тут у нас происходило! Проходной двор! То милиция, то бандюганы какие-то. На той неделе такой шум стоял! Крики! А вызвали ментов, те пока почесались, пока доехали, естественно, этих бандюг уже и след простыл! Только весь

подъезд в кровище! Да вонища стояла, словно они там хряка палили! А меня ж как назло дома-то не было! И Петровна ушла за пенсией...

Женщина все это рассказывала с такой досадой, закусывая губу и заламывая руки, что мне на мгновение даже жалко ее стало. Как же! Такой блокбастер и мимо!

Про себя же выдохнула. С души упало полтонны груза. Второй детина, судя по всему, отмер вовремя и, сграбастав напарника, скрылся с места преступления. А уж помер тот, или мне показалось... В любом случае, когда это выяснилось, в ментуру с предъявами, уверена, не пошли. А и пошли бы, что бы они сказали? Мимо проходили, цветочки поливали, а тут на них как малолетка накинется и давай бычки о лицо тушить. Фу... От всплывшей в воспоминании картины передернуло.

Я не дура и не летающая в розовых сопливых мечтах барышня. Я четко осознавала, что убила человека, хотя... даже если и выжил, сомневаюсь, что он рад этому. Было ли мне его жалко? Сложный вопрос. На войне нет места человечности. Есть жизнь твоего врага, и есть твоя жизнь — самое ценное, чем в принципе обладает человек. На мой взгляд, если случается так, что ты встаешь перед выбором, но и выбора-то у тебя нет.

Они осознанно нарушали закон, возможно, не впервые. Ступили на этот путь, и, скорее всего, вряд ли раскаивались и мучились угрызениями совести. Вот и мне не стоит.

— Аня! Да очнись же! Я говорю: "Ты их знаешь? Чего они к тебе приходили?" — женщина трясла меня за плечо.

— А? Что? Нет-нет, не знаю. То были другие — покупатели. Я же здесь не бываю, воп и не слышала ничего. Я чего зашла-то. Я квартиру продала, — постаралась скорее увести мысли соседки со скользкого пути и накидать свежей информации в ее прокачанный сериалами мозг, — замуж выхожу. Переезжаю к будущему супругу. В Японию.

Я изо всех сил постаралась выдать самую доброжелательную из всех дебильных улыбок, на которую была в тот момент способна.

По учащенному дыханию и расширившимся глазам соседки поняла, что информация упала на благодатную почву.

— Но? Как же? Ты же... За кого...

— Всё, тетя Свет, — обняла растерянную женщину, — пора бежать! Столько дел! У меня все хорошо! Не поминайте лихом!

Настолько новости были своевременными и желанными, что во мне словно струна лопнула, я перестала паранойить и сидела с тупым выражением на застывшем маской лице.

— Проснись, — прилетел излюбленный тычок между ребер от Сенсея.

Неприятное ощущение отрезвило, но зыркать или замахиваться в ответ на учителя я не рискнула.

— Хочешь, чтобы твое добро приглянулось добрым людям, пока ты тут стрекоз открытым ртом ловишь? Деньги хоть в сумку убери.

Я опустила голову и поняла, что до сих пор держу прозрачный пакет с пачками крупных купюр подмышкой.

— Ой... спасибо.

— Анна, когда уже ты будешь контролировать свое тело? Я поражаюсь, оно словно отдельно от тебя живет. Так и хочется палкой по затылку стукнуть, чтобы дух обратно в тело вернулся.

— Простите, Сенсей! Нам нужно еще в одно место! Это не займет много времени, — и

глянула на него, как кот из Шрека.

Тот лишь многозначительно хмыкнул.

В офисе компании менеджер встретил нас как родных, теплой улыбкой и предложением чая с конфетами, к слову, вкусными. Усадил на удобные кресла и ненавязчиво начал расспрос на обыденные темы, словно встретил старых друзей. Надо отдать должное его выдержке и профессионализму.

Ну... да. Мы проголодались и сожрали все конфеты, которые были в вазочке. Сенсей жуткий сладкоежка, даже мне, по сути, ребенку, с ним не тягаться. Как дорвавшийся до валерьянки кот, начини отбирать, так он прямо с обертками проглотит. Бедолага, эх его жизнь покошмарила...

Терпению и дежурному благодушию менеджера можно петь оды. Ведь, несмотря на наш саранчовый набег, цель своего визита мы до сих пор не озвучили. В тепле и после горячего чая меня вовсе начало клонить в сон. Такой сервис не могу не радовать.

Сегодня у нотариуса, пока мы корячились на неудобных креслах в очереди, привлекая внимание своей разношерстной компанией всех мимо проходящих без исключения, думала бабищу эту, с рыжей трехэтажной кубышкой на голове, сожгу. Особенно когда та вышла перед нашим носом и уцокала в неизвестном направлении.

Серьезно? Десять минут ее нотаришество где-то шлялась, пока мы изнывали от духоты, а некоторые чуть ли не рожали, не отходя от заветной двери!

Вероятно, есть отдельная контора в аду, штампующая нудных и противных нотариусов, и еще их дочерняя фирма, выпускающая для них самую медлительную технику в мире.

Час сорок, Карл, мы оформляли две туалетных бумажки. Невольно посетила мысль, что нервы явно ни к черту и мне надо больше медитировать.

Поэтому сейчас, расположившись в удобнейшем кресле, с чашечкой ароматного чая, хотелось вытянуть ноги и погрузиться в релакс.

Мой покой прервало вежливое покашливание.

— Ах да! Я хочу открыть брокерский счет.

— Это же отлично, — начавшая было сползать профессиональная маска радушия вновь приклеилась намертво к лицу нашего менеджера.

— На какую сумму?

— Два миллиона девятьсот тысяч, — сказала, как от сердца оторвала.

Улыбка менеджера стала похожа на оскал Пеннивайза, а мне взгрустнулось.

К сожалению, траты на оборудование нашей штаб-квартиры и на аппаратуру оказались внушительными, и та сумма стартового капитала, что мне удалось "наколдовать" вначале, таяла как прошлогодний снег. Вот и приходилось сейчас, пусть небольшую часть денег от моих будущих инвестиций, но оставить на мелкие расходы.

Грустненько, конечно, через пару месяцев я бы ее удвоила, но время сейчас играет против жадности.

— Отлично, просто отлично. На вас будем счет заводить или на... господина?

Я еле сдержалась, чтобы не прыснуть со смеха.

— На меня, — и тут я осеклась, поняв, что ведь я даже не знаю, как зовут Сенсея.

А как же мне теперь его спросить? Девчонки ведь тоже к нему как к Сенсею обращались.

— Пройдите за стол, сейчас мы оформим договор, и я вас посвящу в детали. Сразу всю

сумму будете вносить?..

Настолько гладко и спокойно все прошло! Ну как так? Когда все плохо — принимаешь как должное, мол, ну да, ну да, чему удивляться? Если же все хорошо, сразу начинает изнутри грызть просто вот такущий червячище сомнений. Как так все хорошо? Не может такого быть! Что-то точно упущено... Где подвох?

И действительно. От чего же?

Вот так одним погожим зимним деньком я стала счастливой обладательницей пятидесяти тысяч акции компании «Сбербанк».

— И сегодня, перед тем, как вскрыю белый и черный конверты, — начал разговор Пореченков. — Я хотел бы сообщить вам одну новость.

Экстрасенсы, стоявшие полукругом, замялись на месте. Никто не ждал хороших новостей в этой комнате.

— Анна, могу я попросить вас подойти ко мне? — он положил конверты на стойку, а в руки взял документ в рамке.

Вскинула вопросительный взгляд и сделала несколько шагов вперед.

— Дело в том, что когда мы проходили испытание в доме Михаила Круга, Анна оказалась ближе всех к истине. Она рассказала о таких обстоятельствах дела, которые помогли следственным органам возобновить поиск виновных. Благодаря вновь полученным данным, следственные действия привели к вычислению и поимке преступников. Никто не мог расследовать это дело четыре года. Bravo, Анна! Вы настоящий экстрасенс — Он начинает хлопать, остальные без энтузиазма присоединяются, раздаются жидкие хлопки. — У меня в руках благодарственная грамота от родных Михаила. А также вам предстоит явиться по указанному адресу для вручения вам медали «За помощь следствию». Ассистенты вам все расскажут.

«Фух-х»

— Спасибо большое. Я очень рада, что смогла чем-то помочь. — Мило улыбаюсь.

Разворачиваюсь к коллегам и вижу недовольство и зависть у каждого второго. Да, похоже, мои соратники вошли во вкус и почувствовали вкус победы, хоть до нее еще и очень далеко.

Несмотря на мои заслуги, сильнейшим экстрасенсом этой недели стала Наталья Носачева. Мне, видимо, сегодня и так перепало слишком много плюшек. Конверта мне снова не дали.

Черную метку получил Александр Новиков и покинул проект под облегченный выдох конкурентов. Ситуация накалялась. В проекте осталось всего шестеро участников. Еще два решения жюри и финал.

К своему дому я подошла во втором часу ночи. Во всех окнах квартиры горел свет. Я не на шутку переполошилась.

Трясущимися руками искала ключи в сумке, которые все никак не хотели находиться, затем и вовсе их уронила. Накрутила себя так, что в двери квартиры уже просто ввалилась, успев нафантазировать себе картинку потопа, пожара и нашествия толпы трицератопсов.

Крик Сенсея на всю квартиру так и заморозил меня с зажатым в руках ботинком.

— Го, я создал. Иди сюда, склизкая медуза, я тебя режиком заножу!

— Да нельзя так делать! Своих же заденешь! Нам проигрыш засчитают! — Отчаянный крик Ритки из другой комнаты разрезал ночную тишину.

— Сенсей, мы же решили, что мы только на пистолетах. Это нарушение правил. — Обиженный голос Соньки.

— "Я на А", "Вы на Б". Прикрывайте. — Сенсей орал дурниной.

— Гранаты же запрещены! — Голос Ритки сорвался на фальцет.

Очнулась и поняла, что от неожиданности замерев, прислушиваясь, я обнялась в тем,

что держала в руках, в итоге, прислонила к себе ботинок. Тьфу. Опять испачкалась!

Разозлилась и уже уверенно пошла в комнату разбираться:

— Что у вас тут происходит? Вы чего орете? Два часа ночи. Что вы делаете вообще?

На меня повернулись две раскрасневшиеся мордочки с расфокусированным взглядом. Ритка сидела за компьютером, Соня рядышком за ноутбуком.

— Мы в Контру играем, не мешай. — Ритка очнулась первой и вернулась к игре. — Блин. Сенсея вынесли. Ну что он опять туда поперся? Вот как объяснить человеку, что такое тактика...

— Ошметки кобры! Да как они посмели нападать со спины! Трусливые карпы! — на пороге комнаты весь всклокоченный нарисовался Сенсей. Он размашистым шагом прошел к компьютеру Риты и взявшись за спинку ее стула просто сдвинул ее в сторону.

— Э-эй!

— Уйди, женщина. На твоём компе скины лучше! Они ответят за свой подлый поступок! Гиены сутулые. — последнее слово он выплюнул, и я готова спорить, часть брызг долетела сквозь монитор до противника.

Мужчина склонился над компьютером и стал в остервенении дергать мышку ближе к себе.

— Нет, там шнур короткий! Гнездо убьете! Ну, пожалуйста, аккуратнее! — Рита пыталась схватить его за руку и отобрать объект возмездия.

Я просто тихо обалдевала от происходящего. Эти красотки, похоже, решили научить Сенсея играть в Counter-Strike, а у кого-то оказалась слишком бурная фантазия и неумная жажда победы.

— Ну, все, Рит, тебя тоже убили. — Грустно сказал Соня. — Я одна осталась. — Тут она с ужасом посмотрела на Сенсея и крепче прижала к себе ноутбук. — То есть всех убили. Конец. — Она быстро закрыла девайс и засунула за спину.

Мужчина в сердцах выругался на иностранном языке.

— Анна. Тогда сейчас будет тренировка. Иди переодевайся и приходи.

— Какая тренировка? Два часа ночи! Я вообще-то работала несколько часов и устала. Что вы вообще здесь устроили? Совсем заняться нечем? Я вам быстро работу найду.

Гнев во мне закипал все сильнее с каждой минутой.

— Ань, Ань, ну не кипятись. Прости. Мы не думали, что Сенсей, — тут Рита осеклась и вскинув взгляд на японца, быстро добавила, — такой опытный воин. Заигрались немножко. Но мы больше не будем!

— Мне кажется, эту игру надо вообще удалить! — быстро закивала Соня.

— Есть что поесть?

Девочки переглянулись и растерянно повернулись в мою сторону.

— Шикарно. — Мне все было понятно без слов. — Вот спасибо, подруженьки. Помощницы, блин.

Соня подскочила с дивана.

— Я сейчас. Я быстро. — Доносилось уже из коридора.

— Тренировка с утра обязательна. Мы выбились из графика. Времени и так нет, а ты филонишь.

— Да? А есть, спать и жить мне вообще можно? — нервы сдали и я перешла на ультразвук.

— Аня, Аня. — Рита подлетела ко мне и обняла за плечи. — Ну, все. Мы правда все

поняли. Не кипятись. Лучше скажи, ты помнишь, мы хотели снять как вы с Сенсеем занимаетесь на крыше? В предрассветных лучах восхода. Ну круто же будет, согласишься!

— Мне кажется мы с этим опоздали. Холодно уже. Не сегодня завтра снег пойдет.

— А если термобелье под кимоно надеть? Ну хоть несколько коротких роликов. Я потом смонтирую. В крайнем за два-три раза отснимем. Что нам мешает заходить греться после каждого дубля?

В комнату вошла Соня с тарелкой и чашкой дымящегося чая. И бодро сказала:

— А я еще и чай нам в термосе сделаю! Не замерзнем! — и уже извиняющимся, — Ань только один кусок пиццы остался. Мы заказывали. Я тебе больше оставляла, — Она перевела грозный взгляд на Ритку, — но кто-то съел!

— Это не я.

Три пары глаз скрестились на мужчине в белых одеждах. Тот подобрался, коротко кивнул, выдал:

— В 6:30 на крыше.

И ушел.

Вот же... Сенсей.

Белое бескрайнее пространство. Волчица. Ласкающая слух тишина. Умиротворение и покой.

Молчим. Казалось, у меня к этому существу миллионы вопросов, день изо дня разъедающие мое нутро и не дающие спокойно жить. Но вот я здесь и все они кажутся столь несущественными и мирскими. Это все неважное. Наносное.

Я словно льдина в Северо-Ледовитом океане. Сверху я кажусь самой обыкновенной и невзрачной, зато под водой скрывается большая моя часть. Таковую меня, целиком, без утайки, вплоть до каждой трещинки, не увидит и не узнает никто и никогда. Я этого не допущу.

Я плыву то сквозь спокойные, то сквозь бушующие воды. Нет ни начала моего путешествия, ни конца. Меня несут различные течения, и я совершенно не могу повлиять на свой путь. Холодные — наращивают мне толстую шкуру, теплые — делают меня почти прозрачной, могут даже надломить или истаять до основания.

Но я все плыву и плыву. И это мой Путь. Я не могу предугадать куда я движусь и где окажусь завтра, через неделю, через год. Даже, казалось бы, видимая на горизонте цель может так навсегда и остаться несбыточной мечтой. Но была ли та мечта целью всей моей жизни или она была лишь миражом?

Возможно, это путешествие будет длиться многие годы. На пути будут встречаться препятствия. Я буду попадать в заторы из других льдин, оседая в этой толчее годами и себе не принадлежа. А, возможно, там и останусь погребенная под чужими завалами. Или же придут перемены погоды, и я снова отправлюсь в плавание.

Этот путь не бесконечен. Все рано или поздно заканчивается. Но, оглянувшись, я пойму, что ничего не происходило зря. Любое испытание было для чего-то нужно.

Я существую. Я иду своим путем. Я есть путь. Я есть.

Будильник я не слышала. Очнулась оттого, что меня трясла Ритка как тряпичную куклу.

— Да что такое! Вставай уже. Скоро рассвет! И съемку заперешь и Сенсей потом заперет уже тебя. Не жалуйся!

Спросонья я никак не могла понять, что этой девушке от меня надо и кто это вообще. И

тут мне в лицо прилетело что-то холодное и мокрое. Я резко села, чуть не ударившись с Ритой лбами. Мое возмущение было настолько велико, что застряло где-то в надежном месте между трети глазом и висюлькой, которую Джерри дергал Тому, когда тот его глотал.

Стянула с себя мокрую ткань и непонимающе уставилась на полотенце.

— Ань, прости, мы тебя десять минут добудиться не можем. Мы перепугались, что тебе плохо.

Голова и впрямь была ватной. Кажется, мне что-то снилось. Но что?

— Сколько времени? — хриплю пересохшим со сна голосом.

— Да проспала ты уже все на свете. Ну, вытряхивайся уже. Нам же тебе еще надо лицо успешного человека нарисовать вот на этом помятом непонятно чем. — Нетерпеливо дергала меня за ногу Рита.

— И одеться! — Соня стояла рядом, прижав к груди что-то белое.

— Ой, фух. А в душ можно?

— Какой душ?! — завопили девки хором.

— Это что? Татами?

— Обалдеть. Настоящие софиты? Откуда? Свет шикардос...

— Сенсей, это вы сделали?

Мы втроем стояли на крыше и обалдевали от открывающейся перед нами картины. Какой грязный, драный рубероид? Какие обшарпанные перила? Нет! Не слышали!

Перед нами находилась целая съемочная площадка с профессиональным светом. И откуда он только запитан?! Покрытие было мягким, пружинящим, идеально черным. Сенсей в белом кимоно выглядел на фоне всего этого монументально и несокрушимо.

Наши отпавшие челюсти никак не удавалось подобрать назад.

Первой очнулась Ритка.

— Божечки! Это ведь светильник с октобоксом, — Риткины руки тряслись от возбуждения, но она никак не решалась прикоснуться к осветительному прибору, — И стрипбокс есть. Сенсеюшка, можно я вас поцелую?

Японец дернулся было в сторону, но резко вскинув руку, сказал:

— Время.

И все сразу же пришли в движение. Рита стала бегать, то и дело заглядывая в объектив в поисках лучшего ракурса, Соня начала сгружать принесенные с собой вещи подальше от съемочной площадки.

Я подошла к татами и зябко поежилась. Надо раздеваться... В семь утра, на высоте двенадцатого этажа, в конце ноября, скажу я вам, не самое удачное время для прогулок в кимоно и босиком. Я медлила. Расстегнула куртку... Стащила один рукав...

Ну, точно ведь, с психами живу. Вот, как есть. Я же заболела и умру. А этот отморозок вон стоит себе в кимоно на голое тело и босиком, и в ус не дует. Скотобаза бесчувственная. За что такие измывательства над бедной маленькой мной?

— Если ты сейчас же не встанешь предо мной как положено, это последняя наша встреча. — В голосе его звенел лед.

Бросившись в омут с головой, я скинула верхнюю одежду, и быстро пошла в центр. Первый шаг, казалось, обжог подошву и приморозил стопу намертво. Но я ступала все дальше и дальше, и мое тело словно не теряло, а наоборот набирало температуру. Выйдя в центр, я отринула все лишнее. Не было больше крыши, девочек, света софитов. Были только

Учитель и Ученик.

— Сегодняшнюю тренировку проведем в форме игры. Счет до одного касания в мою сторону, и до десяти касаний в твою. Начали.

Сенсей медленно обходит меня по кругу, начиная свою лекцию:

— В мире боевых искусств, все направления делятся на ударные, например, бокс, карате, и на борцовские, такие как дзюдо, самбо. Попытки объединить эти разные системы в смешанные единоборства никогда не дадут качественных результатов.

Хлесть!

Не успела я даже дернуться, в лоб мне прилетел обидный шлепок.

— Один.

И это увидят в эфире! Позорище. Я резко ушла вправо, в надежде увернуться. Но в том месте, где буквально мгновение назад стоял Сенсей, было уже пусто. По икрам прилетает удар, и я лечу на татами. Перекатом ухожу от удара о землю.

Сенсей продолжает рассказывать как ни в чем не бывало.

— Борцы идут на сокращение дистанции, в то время как ударники стараются удержать среднюю либо дальнюю дистанцию. В стиле Тайцзицюань такой проблемы не существует. В основе этого учения лежит принцип одновременности. Действия атаки и защиты основаны не на реакции, а на следовании за противником.

Хлесть!

Снова прилетает мне по лбу. Да он жалит как пчела! Надо собраться! Сейчас совершу обманный маневр, как тогда на полосе препятствий.

— Два. Для успешного ведения боя боец применяет совокупность специальных приемов. С их помощью решаются разнообразные тактические задачи в зависимости от боевой ситуации.

Хлесть! Мне кажется, от злости я уже брызжу слюной.

— Три. В основе Тайцзицюань лежат принципы, которым боец четко следует на протяжении всего спарринга.

Хлесть. Я сейчас покажу тебе принципы по-русски...

— Четыре. Спортивная техника выражается в понятии «техничко-тактическое мастерство». Техническая подготовка вооружает бойца средствами ведения спортивной борьбы, а тактическая подготовка обеспечивает их искусное применение в кумите.

Хлесть! Агр-р-р. Пытаюсь увернуться и напасть, но вновь оказываюсь кувыркающейся по земле.

— Пять. «С помощью покоя управляй движением» — означает, что прочность структуры побеждает движущую силу атаки противника, подобно тому как сильная горная река ничего не может поделаться с тем, что её сковывают и направляют берега.

Хлесть! Изворачиваюсь в прыжке, стараясь повиснуть у него на руке, но Сенсей уходит из-под атаки.

— Шесть. «Мягкостью преодолевай жёсткость». Подстроившись под атаку противника, лови момент, когда его конечность будет далеко за его площадью опоры и вот только тогда наступает предельная жёсткость (удар или бросок). В силу того, что в момент удара конечность противника становится практически неуправляема, твой удар пройдет удачно в большинстве случаев.

Хлесть!

— Семь. «Медленным побеждай быстрое». Атака и защита основываются не на

реакции, а на «следовании за противником», поэтому у того, кто следует, всегда больше вариантов действия, нежели у того, кто вовлечён в собственную атаку по инерции движения.

Хлесть! Что он там говорил? Следовать за противником?

— Восемь. «Накапливай силу как натягиваешь лук, выпускай силу как пускаешь стрелу» — натянув сухожилия в теле и наполнив поясницу упругой силой, выпускай эту силу вместе с волновым импульсом, используя реакцию опоры.

Хлесть!

— Девять. Алгоритм выполнения броска или удара таков: привлечение (заставляем противника проявить усилие в выгодном для нас направлении), преобразование (меняем направление, выводя противника из равновесия), контроль (захват ударной конечности), выпуск (удар либо бросок).

Да он издевается! Нашел манекен!

— Отличительная особенность ударов в Тайцзицюань — это создание высокочастотной вибрации в теле, которая и разрушает твёрдые ткани в теле противника. Ставка делается не на скорость, а на умение вложить большую массу в удар. Правильно проведённый удар со встряхиванием не причинит заметных разрушений снаружи, но способен вызвать разрушение на клеточном уровне. Сила удара зависит от связи руки с корпусом. Локоть в конце удара «смотрит» вниз. Рука полностью не выпрямляется, что позволяет избегать травм. Тайцзицюань идеально на ближних дистанциях, так как можно бить не замахиваясь. Минимум движений не требует большой выносливости для ведения боя. Используя структуру, можно легко наносить удары практически любой частью тела. Для человека твоей комплекции эта техника идеальна.

Хлесть!

— Десять. Урок окончен.

Последний шлепок словно выводит меня из состояния транса и я растерянно осматриваюсь.

Крыша.

Распахнутые в изумлении и восхищении глаза девчонок.

Интересно, Рита хоть что-то засняла или так и стояла?

А меж тем на горизонте медленно разгорается, окропляя все вокруг красными лучами, зарево нового дня.

В просторной светлой комнате полукругом располагалась мягкая зона из нескольких диванов. На оранжевом диване сидело двое человек. Мужчина и женщина.

За ходом эксперимента сегодня следила Анфиса Чехова, она сидела в кресле слева. Мне предложили расположиться напротив. Рассмотрев ведущую чуть внимательнее, я улыбнулась. Выглядела девушка очень юной. Сколько ей сейчас? Лет двадцать пять? Хвостик и милое платье в горох молодили ее еще больше. А уж от ее шикарного декольте невозможно было оторвать взгляд.

Наверняка специально выбран такой милый образ, подчеркивающий няшность и мимишность ее внешности.

— Здравствуйте. Я телеведущая, Анфиса Чехова. Знакомьтесь. Вот это Валерий, а это Мария.

Перевела взгляд на участников. Смотрела спокойно, молча, разглядывая каждую деталь сидящих предо мною людей.

Женщина была молодой, красивой, жизнерадостной. Энергия от нее шла позитивная, с ней хотелось общаться. Сейчас она была чуть скованна, скрестила ноги и руки, но при этом никак не выглядела больной или скорбящей.

Мужчина был уже в возрасте, с хорошей блестящей лысиной. При этом лицо его не было сильно испещрено морщинами, особенно на лбу, когда человек много хмурится, или носогубные заломы, когда часто недоволен и поджимает губы. Сейчас мужчина был спокоен, но я сделала вывод, что жизнью он доволен и особо не унывает.

Мда... Что мне с ними прикажете делать? Моя чудесная память пасует вновь. Этого испытания я не помнила.

— Вам предстоит их продиагностировать и рассказать нам об их здоровье, об особенностях их организма. — последнюю фразу она особенно выделила голосом.

Особенности говоришь? Было что-то такое, типа сердца с другой стороны... Но как распознать?

Встала, подошла ближе, подняла по очереди и покрутила, обойдя по кругу каждого.

Неприятненько.

— Я чувствую какую-то неправильность. Что-то инородное. Может расположение органов не как у всех. Словом, для здоровья это не опасно. Но идет ощущение искажения принятых норм. Да. Остановлюсь на этом варианте.

— А у Валерия что?

Еще раз осмотрела мужчину, вздохнула.

— Идет что-то инородное. Может в теле какая-то инородная вставка? Металл? Не понимаю.

Когда я обозначила, что сказала все, участники озвучили мне правильные варианты ответов.

— У меня транспозиция внутренних органов, сердце находится справа, а внутренние органы отображены в зеркальном порядке, — объяснила Мария.

— А у меня в ноге стоит штырь, как вы и сказали «что-то инородное из металла», — улыбнулся Валерий.

Я улыбнулась в ответ и повернулась к Анфисе. Решила оставить о себе след в ее памяти,

все же девушка медийная, мало ли какие мне понадобятся в будущем связи.

— Вы такая милая и красивая вживую. А ваше шоу навсегда привьет вам образ стервозной, искушенной, сексуальной женщины-вамп. Идти шоу оно будет довольно долго. Года четыре.

— Так это же не так и долго, — она было встрепенулась, но погрузнела.

— Кризис будет сильный, вы тут ни при чем. Заморозят программу за отсутствием финансирования, да так и с концами. Вы не переживайте, на этом ваша карьера только начинается. У вас впереди еще несколько проектов, таких прям... Смелых, даже развязных, и при этом не менее популярных. То вы в роли чьей-то жены, типа «жена на час», то наоборот будущих жен мужчинам подбираете, как сваха. И везде мужское внимание. Много-много как сладкая патока, вы этой энергией напитываетесь и как елочка новогодняя вспыхиваете.

— А сцена?

— Да, Анфис. Все у вас будет. Участие в театре и кино, и везде вы искусительница, — улыбаюсь, — это прям ваше. Думаю, не слукавлю, если скажу, что лет через десять не останется человека в России, не знающего кто такая Анфиса Чехова. Вам, кстати, это имя больше идет, — я ей подмигнула.

Настоящее же ее имя было Александра, и фамилия другая, вроде как она даже официальные документы впоследствии поменяла на псевдоним. У каждого свои тараканы.

Девушка, как мне показалось, немного смутилась.

— А на личном фронте?

— Красавец-муж и очаровательный сынок. Кучерявенький такой, — я улыбнулась и показала рукой на волосы.

На фото, которые я когда-то видела в сети, сын от грузинского жгучего мачо родился просто картинка.

— Будут сложности, конечно, из-за плотного графика его и вашего, но, в целом, будет долгий, крепкий союз. И не переживайте, после родов вы станете еще краше.

Девушка расплылась в улыбке.

Отпустить меня ведущая не хотела, так и провожала до самого автобуса, все расспрашивая подробности.

Сказав А, не видела смысла не говорить Б, какие всплыли в памяти подробности — все выдала, как на духу. Мне не жалко. А сложится ее жизнь иначе, что ж не думаю, что она будет хуже. У сильных, целеустремленных и уверенно шагающих по жизни людей жизнь насыщенная и интересная.

Снег вчера шел весь день. Валил огромными хлопьями. Погода стояла безветренная и теплая. Новогодняя. Уже мерещилось мигание гирлянд, перезвон колокольчиков. После испытания совсем не хотелось лезть в автобус и тащиться битый час в пробках. А хотелось, как в детстве, валяться в сугробах, делая снежных ангелов, лепить снеговиков, бросаться снежками.

Какое же это щекочущее душу, прекрасное чувство! Желание и предвкушение озорства, какой-то безбашенности и веселости.

Но находились мы на другом конце Москвы...

Увы, не время и не место впадать в детство. Вот так всегда. Сегодня некогда, завтра уже поздно, а не успеешь оглянуться — неуместно, неприлично, смешно.

— Грузимся в автобус. Через две минуты отъезжаем.

Тяжко вздохнув, заняла место у окна. Минивэн, в котором нас возили, был наглухо

зашторен. Якобы блюли конфиденциальность. Стало немного грустно. Такой снегопад в Москве довольно редкое явление. Бывает и до середины зимы снега толком нет, а что выпадает — все за ночь расчищают городские службы.

Машина ехала еле-еле, местами переваливаясь и подпрыгивая на кочках. Накатила дневная усталость, какая-то даже апатия. А при такой тряске и не уснешь даже.

По радио начались новости. Диктор бодро вещал:

"В Москве выпало более трети месячной нормы снега. Снежный циклон спровоцировал грандиозный транспортный коллапс на дорогах Москвы и Подмосковья. Для многих автомобилистов дорога растянулась на долгие часы. Пробки девять баллов из десяти возможных. На дорогах большое количество автоаварий. На МКАД самые большие пробки на внутренней стороне между Ленинградским и Дмитровским шоссе, а также на юго-восточной и юго-западной части Московской кольцевой автодороги. Стоят Большая Полянка, Кремлёвская набережная и множество других столичных улиц. Авария на несколько часов полностью парализовала движение транспорта в сторону области по Русаковской улице..."

Да уж, судя по тому, что наша машина стояла или двигалась урывками, в одну из этих пробок попали и мы.

Петя постучал в тонированное стекло перегородки, разделяющее нас с водителем.

— Михалыч, открывай!

Стекло сдвинулось в сторону, показав нам сотни стоп-сигналов впереди стоящих машин.

— Мертво все. Можете поспать пока. — водитель сказал несколько удрученно.

— О-о-о... — в салоне раздался всеобщий вздох разочарования.

— Михалыч, а метро далеко?

— Мы на Большой полянке, до Третьяковской минут пятнадцать в хороший день. Сейчас поди все сорок топтать.

— А что там по зеркалам? Можно выйти?

— Куда?

— Да мочи уже нет тут просиживать.

— Ты это давай там не бузи, — заворчал водитель. — Мне за вас еще отчитываться.

— Михалыч, хорош прикалываться, мы же не на испытание едем, а домой, и не дети, чай.

— Это ты-то не дитё? Сиди, сказал!

Петя повернулся ко мне:

— Ань, я пешком до метро, всяко быстрее получится, чем тут сидеть. Ты со мной?

Я растерялась. Мне такая мысль и в голову не приходила. В целом, Петя прав. Сидеть и изнывать в душном салоне еще два часа, слушая по восьмому кругу байки чрезмерно общительного Александра — удовольствие из сомнительных. Но и разгуливать в осеннем пальто и сапогах по колено в снегу, как минимум, недальновидно.

Соседи по салону, видимо, терзались теми же чувствами.

— Еще кто-то пойдет?

Женщины отрицательно покачали головами.

— На, возьми, завтра отдашь, — Арина протянула мне широкий теплый шарф, — вроде не мороз, но не для длительных прогулок.

Я благодарно улыбнулась и стала наматывать шарф в виде капюшона, пряча концы под

пальто так, чтобы грели спину и грудь.

— Вроде утеплилась, можем двигать! — улыбка от предвкушения не сходила с моего лица.

Петя попрощался, и мы начали выбираться наружу, под матюги водилы на дорожку.

Весело смеясь, обогнули ряды плотно застрявших в пробке машин, направляясь впросвет между домами. Все четыре ряда в обе стороны стояли намертво.

Снега было реально много. Местами сугробы достигали середины икры.

— Давно такого не было, — чуть запыхавшись начал беседу шагающий рядом парень.

Лицо его светилось счастливой улыбкой.

— Жалко ты не одета, а то б я тебя повалял.

— Что-о-о? Еще кто кого повалял бы! — гордо вздернула нос и засмеялась, — я учу кунфу, ки-и-я — резко вскинула руку вбок и ткнула парня пальцем в районе ребер.

Через дубленку, он, конечно, вряд ли что-то почувствовал, но сделал вид, что рана смертельна:

— О-о-о, женщина, за что ты так со мною жестока-а-а... Вот умру сейчас, — непереставал он дурачиться, — и будешь сама меня тащить до метро!

— Еще чего. Прикопаю, и делов, сверху собачки еще пописают, так до весны, глядишь, не испортишься. Заодно и конкурента устраню!

— Имя тебе коварство, — он покачал головой, а после поднял руки к небу и громогласно продекламировал, —

О, женщины, зачем вас создал, Бог,

На радость нам, а, может, на погибель.

Господь, прошу, не будь ты к нам жесток,

Где наша безобидная обитель?

— Да ты, Петя, знаток женщин, я смотрю. Много ли сердец ты разбил? — весело спросила я.

— Тысячи! — громко ответил он, резко махнув рукой и рассмеялся.

— Еще и лгун искусный?

— Еще и вкусный, — он наклонился так близко к моему лицу и, задержав на мгновение взгляд на моих губах, посмотрел в глаза, улыбнулся и подмигнул.

А мне словно снега за шиворот насыпали! А совесть, как всегда, не вовремя напомнила о себе: Аня, что ты творишь? Он же ребенок! Давно ли ты сама осуждала педофила, позарившегося на твое молодое девичье тело? Очнись, дурная, у тебя другие цели.

Мысли отрезвили.

— Я сказал что-то не то? — Петя посерьезнел, увидев перемены на моем лице.

— Нет, вспомнила просто о близких. У меня в этом году папа умер и бабушка. Я одна совсем осталась.

— Да ты что. Я не знал. Может, помощь тебе какая нужна?

— Нет, просто настроение такое, вот вспомнила... Как там твоя сестра?

— Да как, — Петя отвернулся и некоторое время молчал, — как все, кому делают химию. Мама с ней сейчас. Спасибо тебе, Ань, — он повернулся и взял меня за руку.

— С ума сошел! Ты прекращай. Еще раз услышу, реально обижусь. Я вообще при чем тут?

Меня аж подбросило, начала трясти рукой, пытаюсь вырвать свою ладошку из его большой лапищи. Петя ростом удался на славу. Под метр девяносто, широк в плечах, с

крупными чертами лица, и всем остальным, тоже крупным. Особенно для меня, лилипутки, сейчас он и вовсе казался переростком.

Сама до сих пор к собственным габаритам не могу привыкнуть, и на фоне таких вот гарных хлопцев чувствую себя некомфортно.

— Да стой ты, — парень прикрикнул и начал надевать на мою руку свою громадную перчатку, — ледяная, как сосулька и молчишь.

Я подняла руку и засмеялась.

— Прикальываешь? Я как в этом пойду? — продемонстрировала руку, погруженную в перчатку размером с половину моего тела. — Забирай обратно!

— Тогда вот так, он взял мою руку и засунул себе в карман, — буду греть по очереди. Пошли пробежимся?

— По такому снегу? Не смешно!

Он не стал меня слушать и потащил вперед, как на буксире. Ноги заплетались, но он меня поддерживал, сам смеялся и продолжал тянуть. Мне в итоге тоже стало смешно от всего этого действия. Да и впрямь, кровь разогнали, согрелись.

В Метро мы ввалились как два снеговика, отряхавшись и смеясь. Таких было немало. Пол-Москвы, осознав всю бесперспективность сегодняшнего движения снаружи, ломанулись под землю.

Чтобы меня не задавили, Петя вел меня впереди себя, окружив кольцом рук. И на эскалаторе стояли чуть ли не обнявшись. Что там говорить. Такая забота была, несомненно, приятна. Но, увы, в милом Петечке я могла видеть скорее сына, максимум друга, но не более.

Мысли о том, что я нечестна по отношению к нему немного терзали. У парня явно интерес. Никогда я не слыла разбивательницей мужских сердец, и начинать не планировала. Моя главная и основная цель — вот все, что должно занимать сейчас мои мысли.

Так и отвлекала себя всю дорогу, призывая отчаянно бьющееся сердце вести себя приличнее.

Петя проводил меня до подъезда, и стал напрашиваться в гости, давя на жалость, мол в общаге никто его не ждет и он холодный, голодный будет страдать и покрываться плесенью в одиночестве. Но я была непреклонна. Надо обрубить на корню любые поползновения противоположного пола в мою сторону.

Вспомнила глаза мужа, когда он уходил в последний раз. Помотала головой. Нельзя. Уже семь лет прошло. Да и жив он! Жив!

Нет. Себя я хоронить точно не буду. Да и то, что отношения мешают делу жизни — все это предрассудки и бред. Затуманивают разум, отвлекают на какое-то время — бесспорно. Но жить как бездушный робот меня никто не заставляет.

Просто такой молодой мальчик, как Петя, не вариант. Внешне я, может, и помолодела, но за два месяца мозги так быстро не перезагружаются. Прости, друг, я для тебя плохой выбор.

Надо ему побольнее по носу щелкнуть, чтобы собрался и внимательнее относился к испытаниям, а не слюни пускал. Пусть все это, по сути, бред, но в жизни такой карьерный старт пригодится, однозначно.

Дома меня ждала горячая ванна, уютные расспросы девочек, вечерние посиделки и обсуждение текущих дел.

Как же мне с подругами повезло! Хватка у обеих оказалась зверской!

Никаких тебе обсуждений «кто что сказал на перемене в институте» или «Саша сегодня на меня в буфете посмотрел аж три раза!» — нет! Графики, посещаемость, популярность того или иного ролика, сюжеты, планы, костюмы. Мамочки... Я девчонок сломала! Не дала насладиться молодостью и беззаботностью. Прямо на глазах матереют акулы большого бизнеса.

Аж гордость разбирает...

— Ань, а ты уже видела ролик с Сенсеем? Как нет? Он, знаешь, сколько просмотров собрал? — Рита вскочила и начала запускать компьютер, — Уже девять тысяч!

— Ого-го! Там реально уже столько народа? Я должна это увидеть. Срочно!

— Ага, потом будешь страдать, как бы такое развидеть, — засмеялась Соня, запуская тренькающий переливами модем.

— Нет, это издевательство! Рит, нам надо кабельное подключить и безлимитку. Займись вопросом, а?

— Ты что! Это же так дорого!

— Экономисты, вы, конечно, уровень бог. А карточек у одной тебя сколько уходит, считала? А у Сони или Сенсея? Все еще наивно полагаешь, что он не умеет компьютером пользоваться? Как же. Он, по-моему, учится быстрее вас вместе взятых.

Девушка замялась.

— Я не подумала. Ты прости, Ань, столько всего навалилась. Сессия еще эта долбанная. Сонька — та еще ботанка, все автоматы как всегда. А у меня еще с прошлой сессии хвост по методике висит. Она ж болела почти весь семестр. То не могла эту гримзу поймать, то лень было... Как же я ненавижу эту богадельню! А-а... — она махнула рукой.

— Рита, — я сделала строгое лицо, на которое только была способна, — Ты на меня не смотри. Чтобы я там не говорила, что образование нынче пшик, у меня в руках какая-никакая профессия, но есть. А вам нужно обязательно учиться.

— Так неохота, Ань, у-у-у... — девчонка натурально взвыла и сморщилась, — И раньше-то воротило от этого тупого, бесцельного протирания штанов. А сейчас и вовсе, когда знаю какие перспективы открываются. Какой интересный мир, полный возможностей... В фотографию я просто влюбилась. А с этой техникой, что ты купила, Сенсей, я смогу такие шедевры творить. Сейчас покажу! Стой! Смотри! Я ведь уже всех-всех отфоткала, одна ты, неуловимое привидение с моторчиком... О! Отложим фотки, видео, наконец, загрузилось. Смотри!!!

К утру коллапс от так и не рассосался. Снег продолжал валить всю ночь, и дорожные службы не справлялись. Еще с вечера пришла СМС рассылка, что ранний выезд отменяется и временно переносится на двенадцать, а с утра будут уточняющие данные, согласно прогнозу погоды.

Девчонки с утра даже дергаться не стали, остались дома. А, так как по привычке проснулись все довольно рано, засели каждый за свои дела. Соня шила мне очередной костюм. Ее безграничная фантазия создавала поистине шедевральные проекты. Я сразу оговорила нюансы и поставила рамки, что пошив я оплачу отдельно. Эта же егоза взбунтовалась, отчаянно отбрыкиваясь от любых моих лучших побуждений.

Так как в дальнейшем девочек я бросать не планировала, а все возможные проверки медными трубами они со мной за этот месяц уже прошли, я махнула рукой. Нравится человеку быть полезным и бескорыстным, кто я такая, чтобы его прогибать под нужные *мне* критерии? Дала Рите денег, наказала купить хорошую швейную машинку. От такого подарка Соня, конечно же, отказаться не смогла. Прыгала до потолка и всех обнимала, даже Сенсея. А ее производительность, которая казалась и так бесперебойной, словно удвоилась.

Здорово все же, когда ты окрылен любимым делом, находишься в потоке и вдохновение несет тебя на гребне волны, помогая вершить великие дела. Прекрасное чувство.

Сенсей, к слову, отлично влился в нашу компанию, и девочек кошмарить перестал, вроде как даже в мое отсутствие учил их «уму-разуму». В подробности я не вникала, но те больше и не жаловались.

— Девчат, а у нас есть что-нибудь от боли в горле? Все же гуляние в драповом пальто и осенних сапогах было не самой лучшей затеей.

Два испепеляющих взгляда пригвоздили меня к стулу.

— Что? — я швыркнула носом.

Что тут началось.

Такому террористско-принудительному лечению я еще не подвергалась, даже когда пыталась побороть рак в прошлой жизни! Водка с перцем — откуда только взялась?! Горчичники — их явно придумали сбежавшие из ада фармацевты. Полоскание горла солью с содой и следом рассасывание меда с лимоном. Караул! А ничего, что сода с лимонным соком в реакцию впадают? Па-ма-ги-ти...

— Нет! Никакого каланхоэ в нос! Вы с ума сошли? А вдруг съемки сегодня еще будут? Я соплями всю камеру забрызгаю! А красными глазами возьму первенство на чемпионате по вампиризму. Утомонитесь, наконец! — я вяло отбивалась от второго одеяла, и так укутанная до носа.

— Лучше одиноко стекающая сопля, по-твоему?

— Боже, дайте мне уже обычные капли... Вы хуже Сенсея...

— Аня, соберись. Время только полдесятого. Час — полтора у тебя на поспать точно есть. Тем более, ты водки выпила. Тебя должно развезти. Пропотеешь — встанешь практически здоровой.

В комнату вошла Рита:

— Я чай с малиновым вареньем навела.

— Не-е-е-ет... — я спряталась под одеялом с головой.

Несмотря ни на что, я все же уснула.

А очнувшись ото сна, прислушалась к подозрительной тишине в квартире. Усилиями девочек, одежду на мне можно было выжимать. Сглотнула — ощущения в горле неприятные, но жить можно.

После душа прошла на кухню на запах съестного и застала идеалистическую картину. Все мои сожители сидели за столом и чаевничали.

— Любо-дорого посмотреть! Семейная идилия! — не смогла их не поддеть, — А есть что покушать?

— Конечно, я лапшичку сварила.

И тут мой взгляд упал на часы.

— Три часа дня уже! А как же съемки? — накатила паника. — Сорву съемки — выпнут же из проекта!

— Успокойся. Снег валит до сих пор. По телику сказали, уже двойная норма. Сегодня официальный выходной.

— Фу-ух. Ну и напугалась.

— Когда уже эти твои испытания закончатся? Вам не говорили?

Соня хлопотала вокруг, накрывая предо мною на стол. А я неосознанно следила за каждым ее движением.

— Ну-у... я как-то не задумывалась. Смотри, осталось шесть участников. Спасибо, — Соня поставила предо мной парящую тарелку с умопомрачительно пахнущим золотистым бульоном, — Сейчас снимаем... э-э-э... серию... м-м-м... испытание..., — сглотнула слюну, — Я так не могу! — Вскрикнула так, что сама испугалась. Только сейчас поняла, что я зверски голодна. — Поем, потом посчитаем!

— А в финале сколько вас останется?

— Трое.

— Значит, еще три передачи по три испытания каждое?

— Что-то уже отсняли. Я, если честно сбилась со счета. Да и не всегда по три эпизода. Бывают сложные, тогда по два. Потом еще съемки будут про каждого из финалистов. Типа мини-фильма. А может, еще будут и финальные испытания для самих финалистов. Не помню. Но снимать будут до конца января, с перерывом на новогодние каникулы. Сперва наша съемочная группа отвлечется на съемки новогодних передач. А потом им самим уже каникулы дают около недели, — меня перебил хохот Риты.

— Каникулы? Seriously? Прикол!

— Да им-то какая разница? Оплата-то сдельная. Могут сутки снимать — месяц бездельничать. Руководство сказало отдыхать, значит, отдыхают.

— Я тоже так хочу! Анька! Я брошу наш Пед и пойду учиться на кинооператора! Хочу работать трое суток из тридцати в месяц! А все остальное время пилить видосики для YouTube. Не работа — мечта!

— Дурочка. Будешь работать в итоге в месяце двадцать девять дней из тридцати. Вот это уже ближе к правде. Ненормированный рабдень — это только вершина айсберга. А еще вокруг сплошь творческие личности, из которых у каждого второго творческий кризис или Венера в Юпитере, или грим неправильно лег, или недельное похмелье не замазывается. Не знаю даже. Смотрю я на всю эту закулисную жизнь, и нравится она мне все меньше и меньше.

— Ну и что! В школе я все равно работать не буду. Мать меня засунула: «Там тетя Катя

работает, она тебе поможет, если что» — передразнила Рита маму противным голосом, — И где эта тетя Катя? Да она секретарь в кадрах! Как она мне поможет философию сдать? Морально?

— Ну, будет тебе, угомонись. Я тебя прекрасно понимаю. Я сама в Педе не останусь. Ведь чтобы работать учителем, нужно призвание. Наше правительство любое призвание отбивает еще на этапе становления личности, так что... а... — Махнула рукой, — что демагогию разводить? Пустое. В общем, профессию я поменяю. Сейчас, конечно, корочки на любой цвет и вкус в Метро продают. Но очка — реально, это жизненный институт, который всем нужно пройти.

— А на кого? Ты точно будешь учиться?

— Конечно. Я же не буду гадалкой на вокзалах всю жизнь зарабатывать. Лень, конечно, но надо... Посмотрю, что и как у нас пойдет в следующем полугодии. Как будет со временем. Вообще, я хотела на полевого хирурга учиться, — расширившиеся глаза слушателей и приоткрывшиеся рты меня порадовали, — Но если график будет таким же плотным, только заочка. В меде заочки нет.

— Каким еще полевым? Ты куда собралась? В Африку? Какая тебе война? Ты в зеркало себя видела? Очнись.

Я лишь грустно отвела взгляд.

— Здесь в Москве, например, в Военный университет министерства обороны РФ. Еще в Питере можно, но там мне холодно, не хочу.

— Военная кафедра? Я вообще ничего не понимаю. Зачем тебе это?

— Да, думаю, ты права. Поступлю в обычный мед. А если пойму, что есть такая необходимость, переведусь.

— А ты поступишь? Это же готовиться надо!

— А ЕГЭ уже обязательное?

— Ты чего? — Рита присвстала и потрогала мой лоб, — Совсем сопли мозги затуманили? Нет, мы же в прошлом году выбирали. Можно внутренние экзамены сдать. Но это у нас в Педе, как там, в Меде или где — я без понятия. Хочешь, узнаю?

— Девчат! Давайте доживем. Этот разговор преждевременный. Сонь, ну а ты чего бы хотела?

Девушка покраснела, поправила очки. Теребя кончик косы, Соня тихо продолжила.

— Раз Рита будет кинооператором, мне тогда быть режиссером монтажа. Мне нравится вся эта суета, оригинальность. Может, клипы будем вместе снимать, рекламу. Мне кажется, деньги это принесет неплохие. — Она, наконец, подняла взгляд и неуверенно улыбнулась. — Ну, и мы с тобой! Вместе обязательно придумаем клевое дело. Наш канал уже шесть тысяч подписчиков имеет! Представляешь? А ведь ты еще даже не прославилась! То видео, конечно, такого шума наделало. Мы даже не ожидали. Представляешь, в комментариях парень какой-то ссылку кинул, создали фан-форум имени Сенсея!

— Чума... Говорю же, надо отдельные контенты нам пилить и поднимать два канала. Но! При этом переопыляться. Так будет эффективнее и продуктивнее. Два канала всегда лучше, чем один. Спасибо, девчат, я так ценю вашу помощь!

— Ой, все. Кончай. Нам это также интересно и выгодно, как и тебе. Так что... не стоит благодарности!

— И ваши планы мне очень нравятся! Интересное решение. А где у нас этому всему учат?

— Институт культуры?

— Заочка есть? А если не потянете совмещение с работой?

— Мы потянем! Не переживай, — жарко заверила меня Ритка, — Я тут, знаешь, что приглядела? — голос ее стал заговорщическим. — Есть мини-модем, который вставляется в ноутбук, и через сим-карту можно выходить в сеть! Представляешь? Можно с собой брать на пары и там делать какую-то часть работы! Круто, да?

— Очень, — Я сдержанно улыбнулась. — Покажи потом, подумаем, есть ли острая необходимость в таких трагах. Деньги, увы, не бесконечные. Да и вряд ли тебе кто-то из преподавателей позволит на паре так изголяться.

— Ой, прости, — понурилась подруга, — Действительно что-то мы разошлись. Сидим на твоей шее. Ты еще и зарплату ты нам решила платить. Не надо, Ань!

— У меня с бухгалтером как раз все нормально. Тем более, скоро наш канал начнет монетизировать. Вот увидишь, от предложений рекламы отбоя не будет.

— Сенсей, — я обратилась к мужчине, — ваше видео произвело фурор. — Вы очень и очень здорово придумали. Я восхищена! Ситуация, конечно, немного из-под контроля вышла, но это даже в плюс. — Было видно, как похвала приятна мужчине. — Получилось просто бомбически. Зритель любит всякий такой хайп. Тем более у вас такой типаж яркий, необычный. Мы можем еще что-то подобное записать? Пока с контентом негусто. Без популяризации меня в телевизоре, в экстрасенсорные штучки никто не поверит.

— Думаю, можно попробовать. Только без огня. — Мужчина благосклонно кивнул и огладил длинную бороду.

— Отлично! Девчата, — обернулась к подругам, — действуйте. А я сейчас схожу, узнаю подробности по завтрашним съемкам.

— Куда собралась? Ты болеешь!

— Да, все нормально уже.

— В постель, — единогласно крикнули девочки и указали в направлении спальни.

Осталось только тяжело вздохнуть.

Только к среде, наконец, распогодилось. На улице было волшебное! Город, одетый в пушистое белоснежное был неузнаваем. Работа коммунальных служб кипела полным ходом. Грузился и вывозился снег. Счищался с крыш и водостоков. Тракторы, очистив основные магистрали, принялись избавлять от непролазных заторов дворы. Работы навалило на недели вперед. Не завидую я им.

Но как же радуется глаз эта чистота! Люблю белый цвет, вот хоть что говори. Скажете: ну, какой же это цвет? Так, основа. Как бы не так! Белый бесконечно глубок и многогранен. Весь спектр и радуга оттенков. Тем более, снег, искрящийся на солнце мириадами бликов.

Разглядывая все вокруг, я получала непередаваемое удовольствие и умиротворение. Эх, сейчас бы не в душный автобус, а погулять где-нибудь в парке...

— Товарищи экстрасенсы, не задерживаем процессию, занимаем места, согласно купленным билетам, короче, шевелитесь.

Все же работа в среде творческих личностей имеет свои плюсы. Как минимум, это весело.

— Фух, еле успел! — Сзади ко мне подлетел Петя, и по-хозяйски закинул свою тяжеленную ручищу на мои хрупкие плечи.

— Повторяешься, — кивнула ему, скинув неподъемную конечность, и направилась в автобус.

Парень понял, что что-то пошло не так, и так ко мне, и эдак. А я всю дорогу упорно притворялась спящей, еще и заткнув уши наушниками. Несколько недель осталось, а там уже больше никогда и не увидимся.

Выйдя из автобуса, осмотрелась: большая стоянка перед высоким синим ангаром. После такого обильного снегопада многое было сокрыто и неузнаваемо. Сделать сейчас выводы, куда нас привезли было невозможно. Спорткомплекс, что ли? Прокручивала в памяти, что же было в передачах про спортсменов, пыталась найти любые зацепки, но все вокруг было белым-бело. Про хоккеиста вроде что-то такое было, но это было в Арене ЦСКА...

Тем временем нашу, поредевшую за эти недели, группу повели внутрь. Со входа в нос пахло бассейном. Жар и сырость. Ни с чем не перепутать.

Ничего не понимаю. Было ли что-то про пловцов? Кто у нас пловцы-то? Что-то меня начала подминать паника. Прошое испытание с неправильным строением внутренних органов я, можно сказать, проямлила ни о чем! Пальцем в небо, конечно, наговорила отсебятины, но так и все наговорили! Если еще и сейчас опозорюсь, как бы и вовсе не вылететь из проекта!

Вот же... недоработки! Ведь ко всем в съемочной команде уже подмазалась, а к главнюку не подходила. Надо срочно Пореченкову что-нибудь хорошее нагадать и подружиться.

Нашу процессию провели на второй этаж и рассадили в просторном кабинете на стулья вокруг большого длинного стола. Видимо, здесь проходили кружки детского творчества. Потому что все стены были в полках, уставленных поделками из сосновых шишек, глины, рисунках, вышивках и прочей атрибутике детского досуга.

Я растерялась окончательно. Приведут детей и нужно будет выяснить насколько они гениальны? Было что-то такое? Или это было в другой передаче? Все смешалось! Голова

сейчас взорвется! Вышвырнут из проекта — что тогда делать? Черт!

Встала и подошла к окну. На улице во всю светило солнце. Белоснежный покров бликовал и слепил. Парковка так и была пуста. Видимо, из-за снежного коллапса занятия отменили.

Все раздражало.

Экстрасенсы уходили на испытание один за другим с периодичностью в двадцать минут.

Подошел Петр и подергал рукав моего белого кардигана:

— Эй, ты чего колючек с утра наелась?

— Петь, тебе не кажется, что надо сосредоточиться на предстоящем испытании?

— Ууу... Так бы и сказала, что ПМС.

— Сгинь!

Я осталась одна. Спустя какое-то время и испытуемые все закончились. Может, забыли они там про меня? Накрутила себя до такой степени, что впору идти все крушить. И только я уверенно направилась на выход, как заглянул ассистент и поманил за собой.

— Анна, вы сегодня последняя, надеюсь, побыстрее справитесь, чем Александр, — парень улыбнулся, — Вечно он в астрал свой уйдет и вся съемочная группа изнемогает, ожидая его оттуда вечность.

— Иду.

Испытание проводила снова Кудрявцева. Но даже ее располагающая улыбка не могла меня сегодня успокоить.

— Аня, привет! Я так рада, что ты прошла дальше! Я за тебя болею, — ее голос прозвучал так мягко, что мне стало стыдно за свое настроение.

Действительно, и чего я так бешусь? В половине испытаний я гарантированно показала себя уж точно не худшей. А промахи, они у всех здесь встречаются. Даже если не дойду до финала, то 4 серии с моим участием, это уже неплохой старт. Вот, с той же Лерой неплохие отношения, может, она меня в шоу-бизнес протащит, а там и в политику?

И я, наступив на горло собственному раздражению, изобразила на лице подобие улыбки.

— Привет, Лер, так голова сегодня болит, сил нет. Еще и с очередью не повезло.

— Да уж, перед тобой Александр был, сказал... ой! Ты меня заболтала, — она звонка рассмеялась.

На меня надели микрофон, и ассистент объявил:

— Готовность минута, начинаем съемку.

Мы зашли в одну из однотипных дверей, которых вело из коридора великое множество.

В небольшом помещении без окон стояло два стула. Объектив камеры подмигивал светодиодом,

Лера заговорила вступительную речь:

— Добрый день. Сегодня я веду испытание, и оно будет проходить в этой комнате, — она присела на один из стульев, указав мне на соседний, — нужно определить, что находится за этой стеной, — она кивнула на стену, в паре метров от которой, мы и сидели.

Я перевела взгляд. Всю поверхность от пола до потолка занимала ролл-штора. Значит, окно за ней все-таки есть.

И, вот сюрприз, этого испытания я вновь не помнила. По крайней мере, пока не понимала, о чем идет речь. Интуиция тоже молчала. Панику душила на корню. Что еще мне

оставалось? Только мыслить логически.

Для чего может служить эта небольшая комната, в которой мы сейчас? Раздевалка? Судя по обшарпанности стен на определенном уровне, скорее всего, обычно в этой комнате вдоль стен стоят лавки. Значит, раздеваются дети, а за стеной зал для занятий спортом.

Все-таки там спортсмен? Только ребенок ли? Зал наверняка небольшой. Если спортивные залы для активных и командных видов спорта, то там есть душевые. Хотя, может они где-то и есть.

Что же там?

— Анна? — Лера вывела меня из задумчивости.

Собравшись с духом, стала сочинять на ходу:

— За стеной какой-то небольшой человек. То ли не высокий ростом, то ли ребенок. У меня ощущение, что он танцует или играет. И как будто это девочка. Яркая, такая одежда.

— Интересно. Что-то еще видите?

— Легкость идет, хорошее настроение. Детская энергетика очень мощная. Здесь все ей пропитано. Детвора сюда приходит всегда в приподнятом настроении, и, буквально, фонтанирует позитивом. Это же не школа, — я улыбнулась. — Сложно, если честно. Я вижу очертания, но как-то странно... — старалась говорить обтекаемо, чтобы к моим словам можно было привязать любые факты, — лавки какие-то стоят. Идет слово «игры». Не знаю, что это значит.

— Понятно.

— Еще как будто взрослого вижу. Он отвечает за этого ребенка. Как тренер, что ли... Следит за ним.

— Интересно. Это все?

— Думаю да, — произнесла я неуверенно.

— Пошлите посмотрим, что же там находится. — Лера улыбнулась.

Подняв ролл-штору, окна за ней не обнаружили, а открыли дверь и вошли в небольшой, но светлый спортивный зал. Одна из стен была полностью покрыта зеркалами. Пол был устлан матами. И тут раздались громкие, неприятные крики. Я аж вздрогнула.

В центре располагалось какое-то сооружение, типа невысокой перегородки. Вдруг из-за нее выглянула темная волосатая голова. Пока я пыталась приглядеться и понять что это, нам навстречу выбежала и начала приближаться на приличной скорости огромная, волосатая обезьяна. Макака или орангутанг — я в них не разбираюсь. Но в моем хрупком и субтильном теле с такой машиной лучше не сталкиваться. Я в панике попятилась назад.

— Лола, нельзя! — Раздался резкий мужской окрик.

Обезьяна оглянулась, на идущего следом мужчину, но скорости не сбавила, скорее наоборот.

Я трусливо прыгнула за Лерину спину. И тут Обезьяна достигла нас и закинула свои огромные руки на ведущую. Та лишь заливисто рассмеялась. А у меня чуть не случилась остановка сердца. Весь день я была на взводе, и в итоге чуть бесславно не погибла в объятиях лютой мохнатой зверюги. Стало смешно. Я пару раз хихикнула, в попытке сдержаться, но это было сильнее меня. Разобрал приступ хохота. Брызнули слезы. Стоящие рядом тоже посмеивались, но, кажется, до конца не понимали, что же меня так развеселило.

Неужели на моем пути к спасению всего человечества встала обезьяна? С чего начали, к тому и вернулись. Поизошли от обезьяны — от нее и умрем. Во истину — история циклична.

— Ань, все хорошо? — прозвучал чуть обеспокоенный голос Леры.

Все присутствующие: два оператора, мужчина, Лера и даже обезьяна замерли и смотрели на меня непонимающе.

— П-простите, ха-ха-ха — я пыталась успокоиться и утирала набежавшие слезы, — я просто не ожидала, ха-ха-ха. Испугалась даже.

— Это еще что! — Подхватила мое веселье Лера, предыдущий экстрасенс вовсе сказал, что та, кто за стеной очень похожа на меня! — Она так добродушно об этом говорила, что я вновь рассмеялась.

— Фух, — я рассмотрела животное детальнее, — все как я и говорила: небольшой рост, девочка, яркая одежда. Вот и воспитатель с ней рядом.

— Все верно, Лола мне как дочь, я растил и дрессировал ее с рождения.

— А что сейчас она делала, пока мы были в соседней комнате? — спросила Лера.

— Что делала? Да играла, кружилась.

— Точно! Танцы и игры — все совпадает! — Лера сама мне помогла, притянув за уши услышанное.

— Я видела силуэт, но и подумать не могла, что здесь обезьянка, да еще и такая... миленькая. — Поддакнула Лере и улыбнулась мужчине самой своей очаровательной улыбкой. Вовремя вспомнив, что он тоже будет влиять на выбор жюри.

На этом сегодняшние съемки для меня закончились и я наконец-то смогла выдохнуть. Ком непонятного беспокойства, который душил меня все утро, чуть ослаб, и, показалось, что все, наконец, позади.

Как же я ошибалась...

Выйдя из автобуса возле медийной общаги, помахала всем на прощание и затопала в сторону нашей мобильной квартиры-офиса.

Погода стояла чудесная. Зажглись первые фонари. Ласковый карамельный свет согревал притоптанный искристый снег. Было уютно и безветренно. До ломоты захотелось пройтись. Оглянулась — вдалеке сновали люди. Наш проезд был на удивление тихим, хотя, по сути, мы находились в центре Москвы. Мне эта квартира нравилась все больше и больше. Решила, что точно ее выкуплю!

Вдохнув полной грудью, улыбнулась. Вспомнила, что собиралась дойти до магазинчика, прикупить вкусняшек и бодро зашагала вперед. За спиной послышался шум проезжающей машины.

Шла, погрузившись в себя, пыталась вспомнить, кто что любит и составить список продуктов. Меня схватили за руку и резко крутанули на месте.

От неожиданности я даже испугаться не успела. Лишь оторопело разглядывала нарушителя моего спокойствия. Точнее, повернувшись от тычка, я уперлась взглядом в чью-то красную спортивную куртку. Повела взгляд вверх. Все выше и выше, и еще выше... Вот это детина!

Предо мной стоял «Дядя Степа, который вряд ли милиционер» собственной персоной. Под два метра ростом, косая сажень в плечах, спортивный костюм добавлял фигуре мужчины еще больший объем. Парню на вид было лет двадцать, максимум двадцать пять. На светлую кучерявую голову падали редкие снежинки. Раскрасневшиеся от мороза щеки ярко пылали румянцем. Весь его внешний вид дышал богатырским здоровьем бравого удальца.

Стоя в свете фонаря он выглядел настолько сюрреалистично, словно сошедший со

страниц книги сказок Илья Муромец. Вот только вместо того, чтобы улыбнуться залихватской улыбкой, и выкрикнуть звонким голосом «Тетя, а где здесь Молочная река, кисельные берега?», он гулко произнес безэмоциональным басом:

— В машину садись.

— Что? — Я так далеко уплыла в свои сказочных фантазиях, что его речь буквально окунула меня в тот самый розовый склизкий кисель.

— Уважаемые люди с тобой будут разговаривать.

И только до меня дошел смысл его слов, и я собралась возмутиться, как меня подняли за предплечья, словно нерадивого щенка, и закинули на заднее сиденье Гелентвагена.

— А... — дверца захлопнулась перед моим носом, щелкнул замок двери.

Я медленно повернула голову влево. Рядом со мной сидел рыжий парень в черной спортивке, примерно такого же телосложения как и «Илюша». Может ростом не такой махина, но от этого не менее коренастый. Тоже ведь совсем молодой. И та же предельная серьезность. Ни искорки улыбки, ни во взгляде, не в уголках губ.

Я громко сглотнула.

Перевела взгляд на водителя. Лысый парень в кепке и спортивной куртке. На руке, лежащей на руле — огромная золотая печатка. Лица не видно. Плечи — чуть ли не шире сиденья.

Куда меня везут? Это что, братки? Риелторы сами не справились, обратились в инстанцию выше? Но ведь сделка совершена. Квартира продана. Признают недействительной? Так разве можно?

Машина тронулась. Я грустно проводила взглядом свой дом, мимо которого мы проехали. И далее картинка перед глазами размылась. Сколько я так сидела, уставившись в окно и не видя перед собой ничего. Уйдя в свои мысли. Точнее, в глухую пустоту внутри, где набатом билась одна-единственная мысль: «это конец»...

Кто-то при похищении плачет и просит отпустить, кто-то проклинает и грозит расправами. А я посидела, посидела, погрустила, да и уснула.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net